Лауреат Пулитцеровской премии

ЭНН ТАЙЛЕР

СЛУЧАЙНЫЙ ТУРИСТ

Пронзительный и веселый роман. Одна из лучших, если не самая лучшая книга Энн Тайлер.
The New York Times

Случайный турист
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Случайный турист
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

«Случайный турист» – один из самых известных романов Энн Тайлер. И это снова семейная история – о зыбкости отношений и жизни вообще, о попытках обрести себя, не вылезая из собственной скорлупы. Мэйкон Лири пишет путеводители, но он ненавидит путешествия всей душой. Его путеводители – коллекции сведений о том, как в очередной вынужденной и невыносимой поездке ощутить себя как дома, минимизировать вмешательство в твою жизнь чужого и неприятного мира. На долю Мэйкона и его жены выпала страшная трагедия – бессмысленная гибель сына-подростка. С тех пор они словно потерялись в этой жизни и брак их стремительно разваливается. Отныне каждый пойдет своим путем – случайные туристы, бредущие куда глаза глядят в надежде, что однажды встретят попутчика. Печальный и очень смешной роман американского классика о том, как страшное и комичное шагают рука об руку, как привычки пытаются заглушить жизнь, как в обыденном таится ужас, а в неве-

домом – надежда. Роман был номинирован на Пулитцеровскую премию. Книга удачно экранизирована, фильм удостоился премии Нью-Йоркской ассоциации критиков, а актриса Джина Дэвис получила «Оскар».

Энн Тайлер
Случайный турист

THE ACCIDENTAL TOURIST by ANNE TYLER
Copyright © 1985 by Anne Tyler

Книга публикуется по договоренности с Hannigan Salky Getzler (HSG) Agency и The Van Lear Agency

© Александр Сафронов, перевод, 2017
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2017

* * *

Энн Тайлер выросла в Северной Каролине. В университете она специализировалась в области русского языка, истории и литературы. В 1963-м она вышла замуж за детского психиатра и романиста иранца Таги Мохаммеда Модаресси. Ее муж, политический беженец, также писал романы, но на фарси. Через несколько лет пара переехала в Балтимор, где Энн Тайлер живет и поныне. Этот небольшой город стал местом действия многих ее книг. Работать над первым романом писательница начала вскоре после замужества, вышел он в 1964-м, но Тайлер впоследствии была крайне недовольна двумя первыми книгами, как-то в интервью даже призналась, что «с радостью бы сожгла их». Переехав в Балтимор, Энн Тайлер оставила писательство. И только в 1970-м она вернулась к литературе. Лучшим своим романом того периода Энн Тайлер считает «В поисках Калеба», книгу заметил и похвалил Джон Апдайк, написавший «Смешная, лиричная, честная и элегантная книга… Эта писательница не просто хороша, она дьявольски хороша». 1980-е в американской литературе стали десятилетием Энн Тайлер. Роман «Ужин в ресторане “Тоска по дому”» в 1983-м попал в число финалистов двух самых престижных аме-

риканских премий — Пулитцеровской и премии Фолкнера, а также премии *American Book Awards*. Следующий — «Случайный турист» — снова оказался среди номинантов трех премий. И наконец, роман «Уроки дыхания» в 1989-м получил Пулитцеровскую премию и был назван многими изданиями «книгой года». Новый век Энн Тайлер встретила в статусе живого классика, каждая ее книга вызывала живейший интерес. В 2015-м ее роман «Катушка синих ниток» попал в короткий список премии «Букер», а также стал большим мировым бестселлером. Энн Тайлер по-прежнему живет в своем старом доме в Балтиморе, она крайне редко дает интервью и ведет практически затворнический образ жизни.

Глава первая

На взморье предполагалось провести неделю, но у обоих к отдыху не лежала душа, и они решили вернуться раньше. Мэйкон рулил. Сара сидела рядом, привалившись к окну. Сквозь ее спутанные каштановые пряди проглядывали кусочки хмурого неба.

Мэйкон был в своем дорожном летнем костюме, в котором, считал он, путешествовать гораздо разумнее, нежели в джинсах. Джинсы жесткие, у них эти грубые швы и заклепки. На Саре было махровое пляжное платье без бретелек. Казалось, супруги возвращаются из двух совершенно разных поездок. Сара загорела, Мэйкон — ничуть. Рослый, бледный, сероглазый, прямые светлые волосы коротко стрижены, он был из тех, кто обгорает мгновенно. И с полудня всегда прятался от солнца.

Едва выехали на разделенную отбойником автостраду, как небо почернело и крупные капли испятнали ветровое стекло. Сара выпрямилась.

— Хоть бы не полило, — сказала она.

— Короткий дождь не помешает, — ответил

Мэйкон.

Сара откинулась на сиденье, не отрывая глаз от дороги.

Утро, четверг. Машин было немного. Обогнали грузовой пикап, потом фургон, весь обклеенный зазывными афишами. Капли на ветровом стекле сливались в струйки. Мэйкон включил дворники. Убаюкивающе шуршали щетки, тихонько барабанило по крыше. Временами задувал ветер. Дождем прибило высокую блеклую траву на обочинах. Косые струи лупили по лодочным причалам, дровяным складам и магазинам «Мебель со скидкой», уже успевшим потемнеть от влаги.

— Тебе видно хорошо? — спросила Сара.

— Вполне, — сказал Мэйкон. — Это пустяки.

Они догнали грузовик, с задних колес которого веером летели брызги. Мэйкон принял влево и обошел его. На мгновенье их накрыло водяной пеленой, грузовик остался позади. Одной рукой Сара ухватилась за приборную панель.

— Не понимаю, как ты видишь дорогу.

— А ты надень очки.

— Это улучшит твой обзор?

— Нет, твой, — ответил Мэйкон. — Ты вперилась в стекло и не различаешь дорогу.

Сара не выпускала панель. Широкое гладкое

лицо ее излучало покой, но, приглядевшись, вы бы заметили напряженность, затаившуюся в уголках глаз.

Машина стала их домиком. От дыхания стекла запотели. Кондиционер уже не работал, но еще чувствовались остатки искусственной прохлады, быстро превращавшейся в сырость, отдававшую плесенью. Проскочили под эстакадой. На пугающе бесшумную секунду дождь прекратился. Не успела Сара облегченно выдохнуть, как по крыше вновь забарабанило. Сара обернулась и тоскливо посмотрела на эстакаду. Мэйкон гнал вперед, руки его расслабленно лежали на руле.

— Ты заметил парня с мотоциклом? — спросила Сара. Сквозь неумолчный равномерный рокот, окутывавший их, говорить приходилось громко.

— Какого парня?

— Он стоял под эстакадой.

— В такую погоду мотоцикл — это безумие, — сказал Мэйкон. — Да и в любую другую тоже. Ты уязвим для стихии.

— И мы могли бы там переждать.

— Сара, если б я почуял хоть малейшую опасность, я бы давно остановился.

— В этом я, знаешь ли, не уверена, — откликнулась Сара.

Они миновали поле, на котором дождь, ливший уже стеной, повалил кукурузные стебли и затопил межрядья. Водяные залпы бились о ветровое стекло. Мэйкон переключил дворники на максимально быстрый режим.

— Похоже, тебе безразлично, — сказала Сара. — Ей-богу.

— Безразлично? — переспросил Мэйкон.

— На днях я тебе сказала: Мэйкон, сказала я, после смерти Итана мне иногда кажется, что жизнь бессмысленна. Помнишь, что ты ответил?

— Сразу не вспомню.

— «Милая, — сказал ты, — если честно, я никогда не видел в ней особого смысла вообще». Вот твои точные слова.

— Хм…

— Ты даже не понимаешь, что в них плохого.

— Наверное, нет.

Миновали ряд автомобилей, припаркованных на обочине, — затененные окна, на сверкающих капотах пляшут дождевые фонтанчики. Одна машина слегка накренилась, словно вот-вот свалится в кювет, где бурлил мутный поток. Мэйкон не сбавлял скорость.

— Неважный из тебя утешитель, — сказала Сара.

— Я стараюсь как могу, милая.

— Ты живешь своей прежней жизнью. День за днем по заведенному распорядку, по унылым привычкам. Никакого утешения.

— По-твоему, мне оно не требуется? — спросил Мэйкон. — Ты не единственная, Сара. Не понимаю, почему ты считаешь это своей единоличной утратой.

— Порой так оно и выходит.

Они помолчали. Волны из лужи, озером разлившейся посреди шоссе, ударили в автомобильное брюхо, машину повело вправо. Мэйкон тормознул и вновь дал газу.

— Вот, к примеру, этот дождь, — сказала Сара. — Ты же видишь, я нервничаю. Чего стоило бы переждать? Этим ты бы выказал заботу. Дал понять, что в горе мы вместе.

Мэйкон вглядывался сквозь ветровое стекло, под струями казавшееся мраморным.

— У меня своя система, Сара, — ответил он. — Ты же знаешь, я вожу по системе.

— Ох уж эти твои системы!

— И потом, если жизнь тебе кажется бессмысленной, чего уж нервничать из-за ливня.

Сара съежилась на сиденье.

— Ты только глянь! — воскликнул Мэйкон. —

Фургон вообще смыло на другой конец стоянки.

— Я хочу развод, — сказала Сара.

— Что? — Мэйкон затормозил и уставился на жену. Машина вильнула. Мэйкон перевел взгляд на шоссе. — Что я такого сказал? Что не так?

— Просто я больше не могу с тобой жить.

Мэйкон смотрел на дорогу, однако нос его заострился и побелел, словно кожа на лице туго натянулась. Мэйкон прокашлялся.

— Милая. Послушай. У нас был трудный год. Тяжелое время. Такое часто бывает с теми, кто потерял ребенка. Все это говорят. Все говорят, это ужасное испытание для брака…

— Как только вернемся, я подыщу себе жилье, — перебила Сара.

— «Себе жилье», — эхом повторил Мэйкон, но так тихо, что за шумом дождя казалось, будто он беззвучно пошевелил губами. — Что ж. Ладно. Если ты и впрямь этого хочешь.

— Можешь забрать дом, — сказала Сара. — Ты же ненавидишь переезды.

Почему-то именно это ее доконало. Она резко отвернулась. Мэйкон включил правый поворотник. Заехал на заправку «Тексако», встал под навесом и выключил мотор. Потом начал растирать себе колени. Сара вжалась в угол. Только стук

дождя по высокому навесу нарушал тишину.

Глава вторая

Мэйкон думал, что после ухода жены дом покажется просторнее. Но в нем вдруг стало тесно. Окна сжались. Потолки давили. Настырная мебель как будто осаждала.

Сарины вещи, конечно, исчезли — всякая мелочь вроде одежды и украшений. Но неожиданно оказалось, что и кое-какие крупные предметы несут отпечаток ее личности. Ящики раскладного стола в гостиной, забитые надорванными конвертами и неотвеченными письмами. Приемник в кухне, настроенный на станцию «98 Рок». («Надо знать, чем дышат мои ученики», — говаривала Сара, когда, напевая, проворно накрывала завтрак.) Шезлонг, захвативший единственный солнечный пятачок на заднем дворе, — там она загорала. Разглядывая цветастое сиденье, Мэйкон поражался тому, что пустота может быть так полна следами человека: он слышал легкий аромат кокосового масла, всегда навевавший мысли о пина-колада, видел широкое блестящее лицо, непроницаемое за темными очками, и ладную фигуру в купальнике с юбочкой, о котором

Сара слезно молила на свое сорокалетие. В душевом поддоне остались волосы из ее роскошной шевелюры. Опустевшая полка в шкафчике для лекарств, заляпанная сизоватыми пятнами жидких румян, мгновенно вызывала в памяти ее облик. Мэйкон всегда бранил жену за неряшливость, но сейчас эти пятна казались трогательными, словно разноцветные игрушки на полу, оставленные ребенком, которого отправили спать.

Средних размеров дом ничем не выделялся в ряду таких же домов на улице в старой части Балтимора. Раскидистые дубы укрывали его от палящего летнего солнца и вместе с тем защищали от ветра. В квадратных комнатах царил сумрак. Из Сариных вещей в шкафу остался только коричневый шелковый кушак, висевший на крючке, а в ящиках комода — ватные шарики и пустые флаконы из-под духов. В прежней детской был идеальный порядок, точно в гостиничном номере. Кое-где в доме слышалось что-то вроде эха. Мэйкон подметил, что по дому ходит бочком, стараясь не задеть мебель; он будто сомневался, что здесь его возьмут в постояльцы. И казался себе долговязым. Неуклюжие ступни где-то далеко-далеко внизу. В дверных проемах он пригибался.

Ну вот, говорил он себе, выпал шанс все пе-

ределать. В нем разгорался легкий неуместный интерес. Домоводство требовало определенной системы, чего Сара никак не понимала. Она была из тех хозяек, у кого вся посуда без разбору свалена в кучу. Ей ничего не стоило запустить посудомоечную машину ради горсти вилок. Мэйкона это раздражало. Он был противником посудомоечных машин вообще, считая, что они жрут электричество. Это было, можно сказать, его хобби. Экономия электроэнергии.

Теперь кухонная раковина всегда была наполнена водой с раствором хлорки, куда отправлялись грязные тарелки. Через день Мэйкон вынимал затычку и окатывал посуду очень горячей водой. Затем складывал тарелки в моечную машину, которая в его новой системе превратилась в объемистый посудный шкаф.

Когда он, скрючившись над раковиной, включал кран, зачастую возникало чувство, что Сара за ним наблюдает. Казалось, стоит скосить глаза — и он ее увидит: руки сложены на груди, голова склонена набок, четко очерченные пухлые губы задумчиво поджаты. На первый взгляд за ним просто наблюдали; на второй взгляд над ним (уж конечно) потешались. В глазах ее тлел хорошо знакомый огонек. «Понятно», — кивала она в от-

вет на какое-нибудь его пространное объяснение, и тогда он подмечал и огонек, и предательскую усмешку, затаившуюся в уголке рта.

В том видении (если это можно назвать видением, поскольку он ни разу не обернулся) Сара была в ярко-голубом платье, которое носила на заре их супружества. Бог его знает, когда она его выкинула, но, конечно, очень и очень давно. Казалось, это призрак умершей Сары. В каком-то смысле, думал Мэйкон, выключая воду, она *и впрямь* умерла — та юная пылкая Сара, обитавшая в их прелестной первой квартире на Колд-Спринг-лейн. Мэйкон пытался вспомнить то время, но мысль, что Сара его бросила, искажала ее облик. Он представлял их знакомство в ту пору, когда оба только что вышли из детства, и теперь оно воспринималось всего лишь началом разлуки. В тот первый вечер, когда она, взглянув на него, погоняла кубики льда в бумажном стаканчике, оба уже начали движение к своему последнему тяжкому и горестному году вдвоем, к взаимной отчужденности, когда что ни скажешь, все невпопад. Они уподобились тем, кто, раскинув руки, бежит навстречу друг другу, но промахивается и, разминувшись, разбегается в разные стороны. В результате все окончилось ничем. Мэйкон

уставился в раковину, ощущая ласковое тепло, исходившее от тарелок.

Что ж, надо жить дальше. Надо жить дальше. Мэйкон решил поменять утренний душ на вечерний. Казалось, так выражается его приспособляемость, этакая живость духа. Принимая душ, он напускал воды в поддон и, энергично топтался по белью, в котором был нынче днем. Потом выжимал и развешивал сушиться. Затем облачался в приготовленное свежее белье, тем самым избавляясь от стирки пижамы. Теперь в еженедельную стирку отправлялись только полотенца и простыни — полотенец всего два, но простыней куча. Последнее объяснялось тем, что Мэйкон разработал систему, позволявшую еженощно спать на чистых простынях, не утруждаясь застилкой постели. Он давно предлагал эту систему Саре, но та закоснела в своих привычках. Идея была в том, чтобы вообще отказаться от постельного белья, заменив его этакими огромными конвертами, на швейной машинке состроченными из простыней. Мэйкон мысленно окрестил свое изобретение «Нательным мешком Мэйкона Лири». Новшество не требовало, чтобы его подтыкали под матрас, не сбивалось и не съезжало, легко заменялось и весило идеально

для летних ночей. Зимой, конечно, пришлось бы чем-нибудь утепляться, но о зиме Мэйкон пока что не думал. Хватило бы сил прожить нынешний день и перебраться в следующий.

Порой Мэйкон, топчась на скомканном белье в душевом поддоне или забираясь в свой постельный мешок, разложенный на голом матрасе в ржавых пятнах, понимал, что, возможно, перегибает палку. Но не смог бы объяснить почему. Ему всегда нравился порядок, однако манией это не назовешь. Скорее всего, думал он, теперь и Сара в своей безалаберности хватила через край. Может быть, все эти годы они удерживали друг друга в разумных рамках, а вот порознь как-то размагнитились и напрочь сбились с курса. Сарина новая квартира, которую он никогда не видел, представлялась безумным хаосом: на плите кроссовки, на диване гора посуды. Подумать страшно. Мэйкон с удовольствием оглядывал собственное жилище.

В основном он работал дома, иначе, наверное, не уделял бы такого внимания домашнему укладу. Устроившись в офисном кресле, он на пишущей машинке, верой и правдой служившей ему еще в колледже, отстукивал путеводители для тех, кому приходилось совершать деловые поездки. Забавно, если учесть, что сам Мэйкон

терпеть не мог путешествия. Стрелой промчавшись по заграницам — зажмурившись, задержав дыхание и тоскуя по надуманному домашнему уюту, — он возвращался домой и, облегченно выдохнув, выдавал на-гора пухлые книжицы в мягком переплете. *Случайный турист во Франции. Случайный турист в Германии. В Бельгии.* Имя автора не указывалось, один логотип на обложке — крылатое кресло.

Путеводители охватывали только города, ибо в деловых поездках «прибыл-убыл» никто не видит окрестностей. Да и городов-то, по сути, не видит. Командированным желательно обманчивое впечатление, будто и не было разлуки с родиной. Какие мадридские отели располагают большими матрасами «Сладкий сон»? Какие токийские рестораны предлагают заменитель сахара? В Амстердаме есть «Макдоналдс»? В Мехико имеются закусочные «Тако Белл»? В Риме где-нибудь подают равиоли «Шеф Боярди»? Иные путешественники надеялись отыскать особенные местные вина, а читателей Мэйкона интересовало пастеризованное гомогенизированное молоко.

Насколько Мэйкон ненавидел путешествия, настолько обожал сочинительство, получая

истинное наслаждение от упорядочивания беспорядочного, удаления несущественного и второсортного и собирания всего прочего в аккуратные сжатые абзацы. Иногда он брал сведения из других путеводителей, выклевывая ценные зернышки и отбрасывая ненужное. Проводил восхитительные часы в размышлениях над пунктуацией. Благочестиво и безжалостно выпалывал страдательный залог. Когда Мэйкон печатал, от усердия рот его слегка кривился, и никто бы не подумал, что он получает несказанное удовольствие. *Рад сообщить*, с угрюмой и напряженной миной долбил он по клавишам, *что отныне в Стокгольме можно купить «Жареного цыпленка из Кентукки»*, и, подумав, добавлял: *а также лепешки пита*. Непонятно, как это вышло, но с недавних пор лепешки эти стали таким же американским продуктом, как хот-доги.

— Конечно, ты справляешься, — по телефону сказала сестра. — Кто говорит, что нет? Но ты бы хоть известил нас. Три недели, это ж надо! Три недели, как Сара тебя бросила, а я узнаю об этом только сейчас. И притом случайно. Не попроси я ее к телефону, ты бы так ничего и не сказал?

— Никто никого не бросил, — возразил Мэйкон. — В смысле, все не так, как ты это подаешь.

Мы поговорили как взрослые люди и решили расстаться, только и всего. Мне совсем не нужно, чтобы родичи мои причитали: ах, бедняжка Мэйкон, почему Сара с ним так поступила…

— Я и не думала причитать. Всем известно, что с мужчинами Лири жить трудно.

Мэйкон вздохнул.

— Где она? — спросила Роза.

— Живет где-то в городе, — сказал Мэйкон и добавил: — Смотри не вздумай суетиться, приглашать ее пообедать и всякое такое. У нее есть свои родственники. А ты должна быть за меня.

— Я думала, ты не хочешь, чтобы мы принимали чью-то сторону.

— Нет, не хочу. Вернее, ты не должна принимать *ее* сторону, вот что я пытаюсь сказать.

— Когда Чарлз развелся, его жена по-прежнему с нами отмечала Рождество. Помнишь?

— Помню. — Мэйкон устало вздохнул. Речь шла об их старшем брате.

— Наверное, она бы и сейчас к нам приходила, если б снова не вышла замуж за какого-то иногороднего.

— Что? Будь ее новый муж балтиморцем, вы бы их обоих приглашали?

— Бывало, жена Портера, тогда еще не разведен-

ка, и Сара усядутся в кухне и давай перемывать кости мужчинам Лири. Дескать, они такие, они сякие, все-то у них по полочкам, все загодя продумано, вечно они требовательны, словно и впрямь сумеют держать жизнь в узде. Ох уж эти Лири! Я так их и слышу. Потеха, на День благодарения Портер и Джун собрались куда-то ехать, детишки еще были маленькие, Джун уже в дверях, на руках у нее малышка, Дэнни цепляется за подол, да еще куча сумок с игрушками и провизией, но тут Портер орет «Стоп!» и начинает зачитывать список, который всегда составлял по кассовым чекам: *бутылочки, молочная смесь из холодильника, одеяло, пеленки…* Тут Джун глянула на подруг и закатила глаза.

— Что ж, проверить по списку совсем неглупо, когда имеешь дело с Джун.

— И заметь, список был в алфавитном порядке, — сказала Роза. — Уж я-то знаю, что это маленько облегчает борьбу с хаосом.

В ее кухне абсолютно все стояло по алфавиту, и оттого мускатный орех соседствовал с мышьяком. С ней было легко говорить о мужчинах Лири.

— Ладно, — продолжила Роза. — После ухода Сара давала о себе знать?

— Раз-другой появилась. Вообще-то, раз. Кое-

что забрать.

— Что — кое-что?

— Ну, пароварку. И прочее в таком роде.

— Это предлог, — тотчас заявила Роза. — Пароварки есть в любом хозяйственном магазине.

— Сказала, ей нравится наша.

— Она проверяла, как ты. Ты ей небезразличен. Вы поговорили?

— Нет. Я просто отдал пароварку. И еще эту штуку — открывать бутылки.

— Ох, Мэйкон. Пригласил бы ее зайти.

— Я боялся, она откажется.

Помолчали.

— Ладно. Ничего, — наконец сказала Роза.

— Но я же справляюсь!

— Да, конечно.

Потом сестра сказала, что ей надо следить за духовкой, и повесила трубку.

В кабинете Мэйкон подошел к окну. Был жаркий день начала июля, от синевы неба резало глаза. Засунув руки в задние карманы брюк и упершись лбом в стекло, Мэйкон смотрел во двор. На дубе птичка высвистывала нечто похожее на три начальные ноты «Моей милой цыганочки»: спи… мо… я… Случится ли такое, подумал Мэйкон, что когда-нибудь он еще взгрустнет о те-

перешних временах? Это казалось невозможным, ибо в его жизни не бывало дней безрадостнее нынешних, но он знал, что время приукрашивает прошлое. Вот, скажем, птичка эта поет так чисто, нежно, проникновенно. Мэйкон отвернулся от окна, зачехлил пишущую машинку и вышел из комнаты.

Питался он теперь кое-как. Проголодавшись, выпивал стакан молока или прямо из коробки зачерпывал ложку-другую мороженого. Даже от крохи еды в животе возникала тяжесть, словно он переел, но, одеваясь по утрам, Мэйкон заметил, что, похоже, исхудал. Воротничок рубашки стал слишком свободным. Ложбинка над верхней губой так углубилась, что ее было трудно выбрить. Волосы, которые раньше ему подстригала Сара, утесом нависали надо лбом. Почему-то обвисли нижние веки. Серые глаза-щелочки вдруг распахнулись, взгляд стал испуганным. Тоже признак недоедания, что ли?

Завтрак. Самая главная еда. В спальне Мэйкон установил на подоконнике кофеварку и электросковородку, подключив их к радиочасам. Конечно, если два сырых яйца всю ночь продержать в комнатной температуре, напросишься на пищевое отравление, но Мэйкон изменил свое меню и

тем самым решил проблему. В подобных делах требуется гибкость. Теперь его пробуждал запах сваренного кофе и горячего попкорна в масле, которые он мог отведать, не вылезая из постели. Да, он справлялся прекрасно, просто прекрасно. Учитывая все обстоятельства.

А вот по ночам было худо.

Не то чтобы он не мог уснуть. Засыпалось легко. Мэйкон смотрел телевизор, пока не начинало печь глаза, потом взбирался по лестнице, включал душ и закидывал белье в поддон. Иногда хотелось сразу перескочить к следующей части процедуры, но это грозило разладкой системы. И потому Мэйкон шел поэтапно: развешивал постирушку, заготавливал ингредиенты завтрака, нитью чистил зубы. Он не мог лечь в постель, не почистив зубы. Сару это почему-то раздражало. «Если б тебе вынесли смертный приговор, — сказала она однажды, — и объявили, что на рассвете расстреляют, ты бы, конечно, потребовал, чтобы тебе дали почистить зубы на ночь». Мэйкон подумал и согласился. Да, безусловно потребовал бы. Он же чистил зубы, когда свалился с пневмонией? И в больнице, куда его уложила желчекаменная хворь. И той ночью в мотеле, когда убили их сына. Мэйкон гляделся в зеркало. Несмотря на

уход, зубы так и не стали идеально белыми. А теперь, похоже, и лицо приобретало желтоватый оттенок.

Мэйкон выключал свет, передвигал кошку, подсаживал пса на кровать. Коротконогий вельш-корги обожал спать в постели и потому каждый вечер с надеждой смотрел на хозяина, положив передние лапы на матрас и ожидая подмоги. Затем все трое укладывались. Мэйкон залезал в конверт, кошка клубком сворачивалась в тепле его подмышки, пес укладывался в ногах. Мэйкон закрывал глаза и засыпал.

А потом вдруг понимал, что не плывет по волнам сновидений, но занудливо конструирует сны, придирчиво отбирая детали. Сообразив, что не спит, он щурился на будильник. Тот показывал час ночи. В лучшем случае два. Предстояло пережить долгие часы до рассвета.

В голове теснились ерундовые тревоги. Он запер дверь черного хода? Не забыл убрать молоко? Кажется, вместо чека за газ он отправил выписку своего банковского счета? Мать честная, он же поставил в морозилку открытую банку сока. Металл окислится! Гарантированное отравление свинцом!

Мелкие беспокойства сменялись тяжкими

раздумьями. Почему его супружество пошло наперекосяк? Сара была его первой и единственной девушкой; пожалуй, стоило сперва попрактиковаться на ком-нибудь другом. В их двадцатилетнем браке бывали минуты — вернее, долгие дни, — когда казалось, что никакого супружеского союза нет и в помине. Напротив, они остались двумя отдельными личностями и даже не всегда дружили. Порой они больше смахивали на соперников, которые, пихаясь локтями, соревнуются, кто из них лучше. Сара, кипучая и взбалмошная? Или Мэйкон, методичный и уравновешенный?

Рождение Итана еще сильнее выявило их несхожесть. Обнажились черты, которые прежде они умели не замечать друг в друге. Сара, расхлябанная и беспечная, никогда не загоняла сына в какие-то рамки. А Мэйкон (он сам это прекрасно понимал) так стремился подготовить мальчика ко всяким случайностям, что не оставалось времени порадоваться его существованию. Вот Итану два года, а вот уже четыре — облик его виделся так четко, словно на потолке спальни показывали цветное кино. Смешливый, лучезарный малыш, а вот над ним нависла сгорбленная тень папаши, заламывающего руки. Шестилет-

него малыша Мэйкон рьяно обучал бейсбольной подаче — он бы не пережил, если б сына не взяли в команду. «Ну и что? — говорила Сара. — Не возьмут так не возьмут. Ну и пусть, чего ты?» Ну и пусть! В жизни полно всякого, с чем ничего не поделаешь, от такого надо по возможности увернуться. Сара смеялась, когда целую осень Мэйкон собирал забавные стикеры с карточек «Уэки Пэкс»[1], — это было увлечение Итана, он обклеил ими дверь своей спальни. «Такой коллекции нет ни у одного третьеклассника!» — похвалялся Мэйкон. Потом интерес сына угас, а он еще долго упрямо приносил ему наклейки. Мэйкон понимал, что это нелепо, однако вот есть один стикер, который они еще не заполучили…

Почти ровно год назад Итан — ему исполнилось двенадцать — поехал в лагерь. Ровесники его уже давно туда ездили, а вот Мэйкон все оттягивал с отправкой. Зачем вообще заводить ребенка, говорил он Саре, если только того и дожидаешься, чтобы сослать его в богом забытую вирджинскую дыру? Когда наконец он сдался, Итан, светловолосый рослый стригунок с открытым дружелюбным

[1] Сноски: 1

Пародийные карточки и наклейки, высмеивающие самые обычные американские товары; выпускаются с 1967 года, популярны и сейчас. — *Здесь и далее примеч. ред.*

лицом и обаятельной манерой покачиваться с пятки на носок в минуты волнения, уже дорос до старшей группы.

Не думай об этом.

На второй лагерный день Итана убили в закусочной «Бургер Бонанза». Это было убийство из разряда бессмысленных, когда налетчик уже забрал деньги и может сваливать, но вдруг ни с того ни сего решает выстрелом в затылок уложить всех и каждого.

Итан вообще оказался там случайно. Он удрал в самоволку с приятелем, который остался караулить на улице.

Виноват лагерь, где возможно такое разгильдяйство. Виновата паршивая охрана закусочной. Виноват приятель: не останься он на улице, все, может быть, сложилось бы иначе (господи, чего он там караулил-то?). Виновата Сара, отпустившая сына из дома, виноват Мэйкон, на это согласившийся, и даже Итан виноват (да, черт побери!). Виноват, что захотел ехать в лагерь, что без спросу удрал, что как последний дурак вперся в закусочную в момент ограбления. Виноват, что, подчинившись приказу, вместе с другими покорно прошел в кухню, положил руки на стену и стал, конечно, покачиваться с пятки на носок…

Не думай об этом.

Начальник лагеря не захотел огорошить новостью по телефону, он сам приехал в Балтимор. А потом отвез их в Вирджинию. Мэйкон часто вспоминал этого начальника. Джим его звали, Джим Робинсон то ли Робертсон, — плотный седоусый мужик с армейским «ежиком», поверх футболки с логотипом «Редскинз» он надел пиджак, вроде как из уважения к их горю. Молчание, похоже, его тяготило, и он изо всех сил старался заполнить тишину всякой болтовней. Мэйкон его не слушал, вернее, думал, что не слушает, но теперь все эти байки всплывали в памяти. Джимова мамаша, родом из Балтимора, появилась на свет в тот год, когда Бейб Рут играл за «Ориолс». А вот с помидорами Джима творилось что-то странное — зеленые плоды с горошину осыпались с кустов, не успев созреть. Жена его боялась ездить задним ходом и всячески избегала ситуаций, требовавших подобного маневра. Сейчас, в ночной тиши, Мэйкон над этим усиленно размышлял. Можно ли водить машину, не прибегая к заднему ходу? А если на перекрестке водитель автобуса высунется в окошко и попросит сдать чуть назад, чтобы он смог повернуть? Дамочка откажется? Мэйкон представил, как она, вся такая грозная и

неприступная, смотрит перед собой и якобы ничего не замечает. Матерится водитель, сигналят клаксоны, все вокруг орут «Эй, баба!». Выразительная картинка. Запечатлелась накрепко.

В конце концов Мэйкон вылезал из своего мешка. Пес, вздыхая, тоже вставал и, соскочив с кровати, вслед за хозяином ковылял вниз по лестнице. На половицах ступням было зябко, кухонный линолеум казался вовсе ледяным. Мэйкон открывал холодильник, озарявшийся светом, наливал стакан молока, потом плелся в гостиную и включал телевизор. Обычно шел какой-нибудь черно-белый фильм — мужчины в костюмах и фетровых шляпах, дамы в жакетах с накладными плечами. Мэйкон не следил за сюжетом. Маленькими размеренными глотками он прихлебывал молоко, представляя, как кальций проникает в кости. Где-то писали, что кальций излечивает бессонницу. Мэйкон рассеянно поглаживал кошку, неведомо как очутившуюся на его коленях. Казалось, это вальяжное серое существо сотворено из материи невероятной плотности, отчего голым ляжкам было очень жарко. А пес обычно устраивался на хозяйские ступни. «Вот и остались мы втроем, мои верные друзья», — приговаривал Мэйкон. От кошки на коленях

оставался влажный след, похожий на запятую.

Потом Мэйкон сгонял с себя зверье и выключал телевизор. Относил стакан в раковину с хлорным раствором. Взбирался по лестнице. В окно спальни смотрел на черные ветки, корябавшие ночное пурпурное небо, на дощатую обшивку домов, белевшую в темноте, и выглядывал случайный огонек. Он всегда радовался, если удавалось отыскать непогашенное окно. Значит, еще кому-то не спится, думал Мэйкон. Иные варианты, вроде вечеринки или задушевной беседы старых друзей, он не рассматривал. Хотелось верить, что еще у кого-то сна ни в одном глазу, что еще кто-то борется со своими мыслями. От этого было гораздо легче. Мэйкон забирался в постель. Укладывался. Закрывал глаза и без всяких усилий проваливался в сон.

Глава третья

Сара позвонила Мэйкону и спросила, можно ли забрать темно-синий ковер из столовой.

— Темно-синий ковер, — повторил Мэйкон (он тянул время).

— Я бы не просила, но все равно он тебе никогда не нравился. Ты говорил, неправильно стелить ковер там, где люди едят.

Да, он это говорил. Мол, сборщик крошек. Антисанитария.

Тогда почему вдруг так жалко расстаться с ковром?

— Мэйкон, алло.

— Да, я слушаю.

— Так ты не против, если я его заберу?

— Наверное, нет.

— Вот и славно. У меня в квартире голые полы, ты не представляешь, как…

Она приедет за ковром, он пригласит ее зайти. Предложит хересу. Со стаканами в руках они сядут на кушетку, и он спросит: «Ты скучала по мне?» Нет, он скажет: «Я скучал по тебе, Сара».

Она ответит…

— Если тебе удобно, я загляну в субботу утром, — сказала Сара.

Но никто не пьет херес с утра.

И потом, Мэйкона вообще не будет дома.

— Завтра днем я уезжаю в Англию, — сказал он.

— О, опять в Англию?

— Можешь приехать сегодня вечером.

— Нет, у меня машина в ремонте.

— А что случилось?

— Ну, я ехала и… Знаешь, слева на панели есть такой красненький огонек?

— Ты про датчик масла?

— Ну да, и я подумала, что если останавливаться и смотреть, что да как, то опоздаю к дантисту, а машина вроде едет нормально….

— Погоди. Сигнал загорелся, так? Но ты продолжала ехать?

— Да вроде ничего не шумело, все было как обычно, и я решила…

— Господи ты боже мой!

— А что такого страшного?

— Вероятно, ты запорола двигатель.

— К твоему сведению, ничего я не запорола. Просто нужна совсем маленькая починка, но, к несчастью, это займет несколько дней. Ладно,

ничего. Ключ от дома у меня есть, я сама заеду в субботу.

— Я могу привезти тебе ковер.

— Это терпит до субботы.

— Заодно посмотрел бы твою квартиру. Я же ее не видел.

— Нет, она еще не готова.

— Неважно.

— У меня кавардак. Ничего не разобрано.

— Как это — не разобрано? Ты уже больше месяца там живешь.

— Не все так потрясающе организованны, как ты, Мэйкон.

— Не нужно никакой организованности, чтобы…

— Иногда целый день я валяюсь в халате.

Мэйкон промолчал.

— Надо было соглашаться на эту работу в летней школе, — сказала Сара. — Чтобы жизнь обрела хоть какие-то очертания. Утром открываю глаза и думаю: а зачем вставать?

— Я тоже, — откликнулся Мэйкон.

— Зачем есть? Зачем дышать?

— И со мной так, милая.

— Как ты думаешь, тот человек что-нибудь понял? Я хочу поехать к нему в тюрьму. Сяду

напротив него и через решетку, стекло или что там у них скажу: «Посмотри на меня. Посмотри. Посмотри, что ты натворил. Ты убил не только тех, в кого стрелял, ты убил и других. И твое злодеяние продолжается, оно бесконечно. Ты убил не только моего сына, ты убил меня, ты убил моего мужа. Я к тому, что у меня даже нет сил повесить шторы. Понимаешь, что ты сделал?» И когда я удостоверюсь, что он все понял, действительно понял и ужаснулся, я достану из сумки пистолет и выстрелю ему меж глаз.

— Перестань, дорогая…

— Думаешь, это бредни, да? Но я вправду ощущаю в руке отдачу после выстрела. Я никогда не стреляла из пистолета… господи, я его даже *не видела* никогда. Странно, да? А вот Итан видел, он такое изведал, о чем мы с тобой понятия не имеем. Но иногда я вытягиваю руку со вскинутым большим пальцем, как делают мальчишки, играющие в ковбоев, дергаю воображаемую собачку и понимаю, что это было бы несказанное удовольствие.

— Сара, такие разговоры вредны.

— Да ну? А какие полезны?

— Я хочу сказать, если ты поддашься злобе, она тебя… сожрет. Ты сгоришь. Это непродуктивно.

— Ну конечно! Боже мой, зачем тратить время на всякую непродуктивность.

Мэйкон потер лоб.

— Сара, я просо понимаю, что нам нельзя допускать такие мысли.

— Легко тебе говорить.

— Нет, совсем не легко, черт подери…

— А ты захлопни дверь, Мэйкон. И уйди. Притворись, что ничего не было. Мало ли дел, разложи гаечные ключи по номерам — от большого к маленькому, а не наоборот, это очень забавно.

— Сара, черт тебя возьми…

— Не смей меня чертыхать, Мэйкон Лири!

Помолчали.

— Ладно, — сказал Мэйкон.

— Ну вот и хорошо, — отозвалась Сара.

— Значит, ты заглянешь, пока я в отъезде.

— Если это удобно.

— Да, вполне. — Мэйкон повесил трубку.

На душе был неприятный осадок, словно он впускал в дом чужака, который мог еще что-то забрать, кроме ковра из столовой.

Для поездки в Англию Мэйкон выбрал свой самый удобный костюм. *Одного костюма вполне достаточно*, наставлял он в путеводителе, *если с собой прихватить пятновыводитель в компакт-*

ной упаковке (ему были известны все товары, выпускавшиеся в компактной упаковке, от дезодоранта до обувного крема). *Неброский серый цвет предпочтительнее. На сером грязь незаметна, и такой костюм сгодится для непредвиденных похорон и прочих официальных мероприятий. Вместе с тем он не слишком мрачен и как повседневный наряд*.

Мэйкон уложил в сумку минимум белья и бритвенный набор. Экземпляр своего последнего путеводителя по Англии. Книгу — почитать в самолете.

Путешествуйте только с ручной кладью. Багаж — лишняя морока. Моющие средства в компактной упаковке избавят вас от лап зарубежных прачечных.

Закончив сборы, он присел на кушетку передохнуть. Даже не столько передохнуть, сколько собраться с духом — так купальщик делает несколько глубоких вдохов перед нырком в воду.

Мебель — сплошь прямые линии и закругления, ласкающие глаз. В солнечном луче пляшут пылинки. До чего же дома хорошо! Если б не отъезд, приготовил бы себе растворимый кофе. Ложку положил бы в раковину и прихлебывал из кружки, а кошка выписывала бы зигзаги у его

ног. Потом, наверное, проверил бы почту. Сейчас все эти действия казались приятными и милыми сердцу. И он еще жаловался на скуку? Дома все устроено, ни о чем не задумываешься. А в поездках всякая мелочь требует усилий и принятия решения.

Через два часа рейс, пора выходить. До аэропорта всего полчаса езды, но Мэйкон ненавидел спешку. На прощанье он обошел дом, задержавшись в нижней уборной — последней, на его взгляд, *подобающей* уборной, какую он не увидит всю ближайшую неделю. Свистнул собаку. Взял сумку и вышел на улицу. Жара саданула точно обухом.

Пес ехал лишь до ветлечебницы. Знай он об этом, ни за что не запрыгнул бы в машину. Похожий на кеглю, он занял пассажирское сиденье и пыхтел, весь напружинившись от радостного ожидания. Мэйкон заговорил с ним притворно беззаботным тоном:

— Что, жарко, Эдвард? Включить тебе кондиционер? — Он щелкнул тумблером. — Ну вот. Так лучше?

Мэйкон сам расслышал этакую елейность в своем голосе. Видимо, Эдвард тоже ее уловил, потому что перестал пыхтеть и окинул хозяина

подозрительным взглядом. Лучше помолчать, решил Мэйкон.

Покатили по улицам под пологом древесных крон. Потом свернули на солнцепек, к засилью магазинов и станций техобслуживания. На подъезде к Мюррей-авеню пес заскулил. А на парковке ветлечебницы как будто уменьшился в размерах.

Мэйкон вышел из машины и, обойдя ее, открыл дверцу, ухватил Эдварда за ошейник. Пес вцепился когтями в обшивку сиденья, а потом скреб ими по горячему бетону, пока его волоком доставляли в лечебницу.

В приемной никого не было. Под цветным плакатом, живописавшим жизненный цикл сердечного червя, в углу булькал аквариум. За конторкой на табурете сидела девица, худышка в топике.

— Я привез собаку на постой, — громко сказал Мэйкон, перекрывая вопли Эдварда.

Девица, мерно пережевывая жвачку, вручила ему формуляр и карандаш.

— Здесь уже бывали? — спросила она.

— Да, не раз.

— Фамилия?

— Лири.

— Лири, Лири… — Девица перебирала учетные карточки.

Мэйкон заполнял формуляр. Эдвард встал на задние лапы и уткнулся мордой в его колени, точно малыш, страшащийся детского сада.

— Вау. — Нахмурившись, девица вытянула карточку. — Эдвард? С Рэйфорд-роуд?

— Да, верно.

— Мы не можем его принять.

— Что?

— Он укусил служителя. Вот, записано: «Укусил Барри за лодыжку, не принимать».

— Никто мне не сказал.

— Должны были.

— Никто словом не обмолвился! Я оставлял его в июне, когда мы ездили на взморье, потом забрал, и все.

Девица безмятежно лупала глазами.

— Послушайте, я завез его по дороге в аэропорт. У меня самолет.

— Я только выполняю указания, — сказала девица.

— А почему пес психанул? — спросил Мэйкон. — Кто-нибудь выяснял? Может, у него была веская причина.

Девица опять хлопнула ресницами. Эдвард уже

стоял на четырех лапах и поглядывал заинтересованно, как будто прислушиваясь к разговору.

— Пропади вы пропадом! — рявкнул Мэйкон. — Пошли, Эдвард.

Уговаривать не пришлось, пес пулей пролетел через стоянку.

За несколько минут машина превратилась в духовку. Мэйкон опустил стекло со своей стороны; на холостом ходу урчал мотор. И что теперь? Может, попросить сестру? Скорее всего, она тоже откажет. По правде, жалобы на Эдварда поступали не впервые. Вот, скажем, на прошлой неделе брат Чарлз заехал одолжиться пазником, так Эдвард кинулся к нему и, виясь вьюном, стал трепать его штанины. Чарлз разинул рот и лишь медленно поводил головой.

— Чего это он? — спросил изумленный брат. — Такого с ним не бывало.

Когда Мэйкон сграбастал пса за ошейник, Эдвард зарычал. Оскалился и зарычал. Интересно, у собак бывают нервные срывы?

Вообще-то Мэйкон не особо жаловал собак. Он предпочитал кошек. Ему нравилось, что они такие сами по себе. Лишь с недавних пор он стал уделять хоть какое-то внимание Эдварду. В своем нынешнем одиночестве Мэйкон начал с ним раз-

говаривать, а иногда просто сидел и разглядывал его, любуясь умными карими глазами и лисьей мордочкой в симметричных золотистых отметинах по обеим сторонам носа. А походка! Итан говорил, что Эдвард так ходит, словно набрал песка в плавки. Этот вихляющий зад, эти куцые лапы, будто наспех притороченные к туловищу.

За неимением вариантов Мэйкон поехал домой. Он прикидывал, что будет, если Эдварда, как кошку, запереть в доме, оставив побольше еды и питья. Нет, не годится. А Сара не сможет два-три раза в день проведать собаку? Идея эта, означавшая просьбу, претила. Значит, придется набрать номер, по которому никогда не звонил, и просить об услуге.

ВЕТЕРИНАРНАЯ КЛИНИКА «МЯУ-ГАВ» — гласила вывеска на другой стороне улицы. Мэйкон тормознул, Эдварда кинуло вперед.

— Извини. — Мэйкон свернул налево и заехал на парковку.

В приемной «Мяу-Гав» сильно пахло дезинфекцией. За конторкой стояла тощая молодая женщина в блузке с рюшами. Невероятной курчавости темные волосы до плеч напоминали куфию.

— Привет, — сказала женщина.

— Вы берете собак на постой? — спросил Мэйкон.

— Конечно.

— Я бы хотел оставить у вас Эдварда.

Перегнувшись через стойку, женщина посмотрела на пса. В ответ тот радостно задышал. Он явно еще не понял, куда его привезли.

— Вы по брони?

— Что? Нет.

— Обычно место бронируют.

— Ну, я не знал.

— Особенно летом.

— Может, сделаете исключение?

Женщина нахмурилась, задумчиво разглядывая Эдварда. Крохотные глазки на ее заостренном бескровном лице смахивали на тминные семечки.

— Прошу вас, — сказал Мэйкон. — Мне надо успеть на самолет. Я на неделю уезжаю, а присмотреть за собакой некому. Войдите в мое отчаянное положение.

По взгляду, который женщина метнула в него, он понял, что чем-то ее заинтересовал.

— А что, жена не может присмотреть? — спросила регистраторша.

Странный ход мыслей, подумал Мэйкон.

— Нет, иначе зачем я бы тут торчал?

— А, так вы не женаты?

— Да нет, женат, но супруга… живет в другом месте. Там не разрешают держать питомцев.

— Угу.

Женщина вышла из-за конторки. Она была в коротеньких красных шортах, ноги ее походили на палки.

— Я сама в разводе. Ваши переживания мне знакомы.

— Понимаете, там, где я обычно его оставляю, вдруг заявили, что он кусается. Мол, тяпнул служителя, и теперь ему отказано в пансионе.

— Ты кусачий, Эдвард? — спросила женщина.

Мэйкон сообразил, что сболтнул лишнее, но это, казалось, не обескуражило регистраторшу.

— Как же тебе не стыдно? — допрашивала она пса.

Эдвард ухмыльнулся и прижал уши, предлагая его погладить. Женщина потрепала его по голове.

— Так вы его возьмете? — спросил Мэйкон.

— Пожалуй. — Женщина выпрямилась и пробуравила его карими глазками. — Коль уж положение ваше отчаянное. — Она выделила последнее слово, как будто умышленно драмати-

зируя ситуацию. — Вот, заполните. — Женщина подала бланк из стопки формуляров на конторке. — Имя, адрес, срок проживания. Не забудьте указать дату своего возвращения.

Мэйкон кивнул, отвинчивая колпачок авторучки.

— Вероятно, мы еще увидимся, когда вы будете забирать собаку. То есть если вы укажете время своего визита. Меня зовут Мюриэл.

— Клиника открыта допоздна?

— До восьми. Ежедневно, кроме воскресенья.

— Хорошо.

— Мюриэл Притчетт.

Пока Мэйкон заполнял формуляр, женщина присела на корточки перед Эдвардом и сняла с него ошейник. Пес лизнул ее в щеку — наверное, решил, что с ним хотят подружиться. Мэйкон дописал и оставил бланк на конторке. Не простившись, он поспешно вышел, придерживая звякавшие в кармане ключи.

В самолете до Нью-Йорка соседом его оказался иностранного вида усач в наушниках, подключенных к портативному магнитофону. Чудесно — опасность разговоров не грозила. Мэйкон удовлетворенно откинулся в кресле.

Летать он любил. Когда нет болтанки, дви-

жение вообще незаметно. Можно вообразить, что спокойно сидишь дома. Неизменный вид из окна — воздушный простор, интерьер не хуже любого другого.

Мэйкон игнорировал предложенные напитки, а сосед его снял наушники и заказал «Кровавую Мэри». В розовых губчатых кругляшах слышалась витиеватая арабская мелодия, тихая, жестяная. Мэйкон разглядывал миниатюрное устройство и прикидывал, не купить ли себе такое. Не для музыки, избави бог, в мире и так чересчур шумно, а ради уединения. Наденешь наушники, и никто к тебе не полезет. Можно гонять чистую пленку, это целых тридцать минут тишины. Перевернул кассету — и еще полчаса покоя.

В аэропорту имени Кеннеди челнок подвез его к терминалу для пересадки на лондонский рейс, который вылетал вечером. Устроившись в зале ожидания, Мэйкон стал разгадывать кроссворд в воскресном номере «Нью-Йорк таймс», который специально приберег для поездки. Он огородился этакой баррикадой — в одно соседнее кресло поставил сумку, в другое положил пиджак. Вокруг топтался народ, но Мэйкон не отрывал глаз от газеты, легко продвигаясь к отгадке акростиха. Когда он покончил с обоими заданиями, объяви-

ли посадку на его рейс.

Теперь с ним соседствовала седая женщина в очках. Она запаслась собственным вязаным покрывалом. Дурной знак, подумал Мэйкон, но ничего не поделаешь. После недолгой суеты — ослабить галстук, скинуть туфли, достать книгу из сумки — он сделал вид, что углубился в чтение.

В романе «Мисс Макинтош, моя дорогая»[2] было 1198 страниц. (*Всегда с собой берите книгу, защиту от чужаков. Журналов хватит ненадолго. Отечественные газеты породят тоску по дому, а зарубежные напомнят, что вы тут пришлый. Вы же знаете, как непривычно выглядит шрифт иностранных газет.*) Мэйкон уже давно мусолил «Мисс Макинтош». В романе отсутствовал сюжет, что, на взгляд Мэйкона, было преимуществом, но читал он с неизменным интересом, причем с любой страницы. Всякий раз, отрывая взгляд от книги, Мэйкон не забывал пометить ногтем абзац, на котором остановился, и сохранить задумчивость на лице.

Из динамиков лилась обычная воркотня стю-

---

[2] Сноски: 2

Роман Маргерит Янг (1908–1995), писавшийся почти двадцать лет (1947–1964), один из самых значительных в американской литературе, своего рода «американский “Улисс”»; на русский язык не переведен.

ардесс о ремнях безопасности, запасных выходах и кислородных масках. Удивляли странные логические ударения: «В *нашем* полете вам *будут* предложены…» Соседка спросила, не желает ли Мэйкон угоститься мятной конфеткой. «Нет, спасибо», — сказал он и вернулся к чтению. Соседка зашуршала оберткой, вскоре его окутал аромат мяты.

Мэйкон отверг коктейль и поднос с ужином, взяв только молоко. Он съел яблоко и пакетик изюма, которые достал из сумки, выпил молоко, а потом в туалете щеткой и нитью почистил зубы. Когда он возвращался на свое место, в салоне уже выключили свет, лишь местами горели лампочки для чтения. Кое-кто уже спал. Соседка Мэйкона собрала волосы в пучок, крест-накрест заколов его шпильками. Беспардонность отдельных пассажиров просто поражала. Некоторые мужчины переоделись в пижамы, некоторые женщины намазались кремом. Похоже, приличия их не заботили.

Мэйкон подставил книгу под узкий луч светильника и перевернул страницу. Надсадно ныли двигатели. Наступило тягомотное, по выражению Мэйкона, время — провал между ужином и завтраком, когда ты подвешен над океаном и ждешь

появления светлой полоски на небе, означающей утро, которое, конечно, не сравнить с домашними рассветами. В иных часовых поясах, считал Мэйкон, утро смахивает на театральную декорацию — этакий задник с намалеванным восходом, прикрывающий взаправдашнюю тьму.

Мэйкон откинулся в кресле и закрыл глаза. Временами сквозь гул двигателей прорезался голос стюардессы, доносившийся из тамбура в носовой части самолета:

— Ну вот, сели мы, а заняться абсолютно нечем, из всех развлечений только газета за среду, но ты же знаешь, что по средам никогда ничего интересного не случается…

Мужской голос негромко окликнул его по имени, однако Мэйкон даже не шелохнулся. Он уже привык к ночным звуковым фокусам в самолете. Глаза его были закрыты, но вдруг невероятно четко он увидел мыльницу на раковине в своей кухне. Еще один фокус. В овальной фарфоровой мыльнице, расписанной желтыми розочками, лежали обмылок и забытые Сарой кольца, помолвочное и обручальное.

— Я взял билеты, — послышался голос Итана. — Через пять минут начнут пускать.

— Хорошо, — сказал Мэйкон. — Давай разра-

ботаем план.

— Какой еще план?

— Где мы сядем.

— А нельзя сесть без плана?

— Ты же сам просился на этот фильм, Итан. Я думал, тебе важно, где сидеть. Ладно, вот мой план. Ты посчитаешь малышню по левую сторону прохода. Я — по правую.

— Ох, пап…

— Хочешь сесть рядом с каким-нибудь егозой?

— Да нет.

— И потом, где тебе лучше — с краю ряда?

— Все равно.

— С краю, Итан, или по центру? Ты должен что-то предпочесть.

— Я не знаю.

— Середина ряда?

— Без разницы.

— Разница огромная, Итан. С крайних мест выйти легче. Если надумаешь сбегать в буфет или туалет, лучше сидеть с краю. С другой стороны, через тебя весь ряд будет протискиваться к своим местам. Так что, если не собираешься выходить во время сеанса, я предлагаю…

— Пап, хорош, а?

— Ладно. Если ты намерен говорить в таком

тоне, мы сядем на первые попавшиеся места.

— Чудесно, — сказал Итан.

— Превосходно, — сказал Мэйкон.

Вот теперь он шелохнулся — из стороны в сторону повозил головой, но глаза не открыл, только крепче зажмурился. Постепенно голоса стихли, и он погрузился в прерывистую дрему, что в поездках сходит за сон.

Утром Мэйкон взял предложенный кофе и проглотил витамины, запасенные в дорогу. Лица вокруг были бледны и помяты. Соседка отправилась в туалет, с собою прихватив целый саквояж, и вернулась тщательно причесанная, но чуть опухшая. Мэйкон считал, что поездки провоцируют отечность. Ботинки как будто слегка жали, а во время бритья он заметил несвойственные ему мешки под глазами. Однако выглядел он лучше большинства попутчиков, поскольку не ел соленого и не пил спиртное. Алкоголь, конечно, задерживается в организме. Если выпьешь в самолете, полагал Мэйкон, еще несколько дней будешь как пьяный.

Стюардесса объявила лондонское время, и пассажиры завозились, переводя часы. Мэйкон переставил цифровой будильник, хранившийся в бритвенном наборе. Наручные часы, со стрел-

ками и циферблатом, не тронул.

Сели внезапно. Это напоминало возвращение к суровой действительности — неожиданное касание земли, тряский пробег, рев двигателей, торможение. Ожили динамики, мурлыча вежливые напоминания. Соседка Мэйкона свернула свое покрывало.

— Я так волнуюсь, — сказала она. — Впервые увижу внука.

Мэйкон улыбнулся и пожелал ей, чтобы все прошло хорошо. Теперь, когда он не боялся угодить в ее силки, дама казалась вполне милой. Кроме того, выглядела она очень по-американски.

В Хитроу царила всегдашняя атмосфера недавнего бедствия. Одни растерянно метались по залам, другие, точно беженцы, замерли в окружении узлов и чемоданов, сотрудники аэропорта пытались справиться со шквалом вопросов. Поскольку багажа у Мэйкона не было, он раньше других прошел через формальности. Затем обменял деньги и спустился в метро. *Я рекомендую метро всем, кроме тех, кто боится высоты, и даже им, если они не воспользуются следующими станциями с невероятно крутыми эскалаторами…*

В поезде он разложил деньги по конвертам,

которые взял с собой, — на каждом четко проставлен номинал. (*Если заранее рассортировать иностранную валюту, вы не будете мучиться с незнакомыми монетами и разглядывать загадочные купюры.*) Пассажиры, сидевшие напротив, наблюдали за его манипуляциями. Люди здесь выглядели иначе, но сразу не скажешь, в чем это выражалось. Пожалуй, вид у них изящнее и одновременно болезненнее. Женщина с капризным малышом беспрестанно повторяла на таком ясном, текучем, непринужденном английском:

— Тише, милый. Тише, милый.

Было жарко, лоб ее блестел. Мэйкон и сам покрылся испариной. Он сунул конверты во внутренний карман пиджака. Поезд остановился, вошли новые пассажиры. Кто стоял, держался не за ременные петли, а за набалдашники на гибких прутах, которые в свой первый приезд Мэйкон принял за микрофоны.

Обычно он базировался в Лондоне, откуда совершал вылазки в другие города и составлял коротенький список отелей и ресторанов, расположенных в шаговой доступности: его книжки вовсе не претендовали на всеохватность. («Другие путеводители советуют, как увидеть побольше городских достопримечательностей, — говорил

его начальник. — А ты должен подсказать, как их увидеть поменьше».) Гостиница его называлась «Джоунс Террас». Мэйкон предпочел бы какой-нибудь сетевой американский отель, но это было слишком дорого. Впрочем, «Джоунс Террас» был неплох — небольшой и опрятный. Мэйкон тотчас обустроился по своему вкусу: сунул в шкаф безобразное кроватное покрывало, распаковался, спрятал сумку. Потом сменил нижнее белье, простирнул ношеное и развесил его на душевой стойке. Окинул печальным взглядом кровать и пошел завтракать. По его биологическим часам стояла глубокая ночь, но поскольку командированным чаще всего приходилось решать вопрос завтрака самостоятельно, Мэйкон всегда тщательно исследовал имевшиеся возможности.

Он зашел в «Усладу янки», где заказал омлет и кофе. Обслуживали здесь отлично. Кофе подали мгновенно и внимательно следили, чтобы чашка не пустовала. Вкусом омлет уступал домашнему, но так было всегда и всюду. Что за напасть с общепитовскими яйцами? В них не было темперамента, подлинного характера. Тем не менее Мэйкон открыл свой путеводитель и напротив «Услады янки» поставил галочку. К концу недели черт ногу сломит на этих страницах. Одни на-

звания будут вычеркнуты, другие вписаны, поля испещрены пометками. Мэйкон всегда вновь посещал все отели и рестораны, указанные в его путеводителе. Занятие муторное, но этого требовал начальник Джулиан. «Ты только представь, как это будет выглядеть, — говорил он, — если турист отправится в рекомендованное тобой кафе и обнаружит, что оно стало вегетарианским».

Оплатив счет, Мэйкон перешел в «Новую Америку», что была дальше по улице, и вновь заказал омлет и кофе.

— Без кофеина, — уточнил он, поскольку уже превратился в комок нервов.

— Такого не держим, — оповестил официант.

— Ах, не держите, — кивнул Мэйкон и, когда официант отошел, сделал пометку в путеводителе.

Третьей остановкой стало заведение «Открытый чемпионат США», где сосиски были так не сочны, словно их жарили на кровельном железе. Похоже, сию закусочную рекомендовал читатель. Ох уж эти читательские рекомендации! Однажды, то ли в Детройте, то ли в Питтсбурге, в общем, в каком-то городе, Мэйкон, составляя «Случайного туриста в Америке», сдуру зарезервировал номер в мотеле, расхваленном этаким

советчиком. Едва взглянув на тамошние простыни, он тотчас выписался и сбежал в «Хилтон» на другой стороне улицы, где швейцар выскочил ему навстречу и, сердобольно охая, словно узрел путника, пересекшего пустыню, подхватил его сумку. Это был первый и последний раз, поклялся себе Мэйкон. Он оставил сосиски нетронутыми и спросил счет.

Днем (вроде как) он прошел по отелям. Поговорил с управляющими и осмотрел номера, где проинспектировал кровати, опробовал сливные бачки, вгляделся в душевые лейки. Почти все отели более или менее соответствовали требованиям, но вот что-то случилось с «Наследным принцем». Он выглядел каким-то… иностранным, что ли. В холле негромко переговаривались смуглые красавцы в ладных шелковых костюмах, а шоколадные ребятишки играли в догонялки, лавируя меж плевательниц. Казалось, Мэйкон безнадежно заплутал и очутился в Каире. В карусельных дверях вертелись конусообразные женщины в длинных черных накидках, нагруженные магазинными пакетами, полными… чем? Мэйкон постарался представить, как они покупают потертые джинсовые шорты и сапоги-чулки в розовую сеточку, выставленные в

витринах большинства магазинов.

— Э-э… — промямлил он, обратившись к управляющему. Как сказать-то? Не хотелось выглядеть человеком с предрассудками, но его читатели всеми силами избегали экзотики. — А что, у отеля сменился владелец?

Управляющий, похоже, сильно обиделся. Он подтянулся и сообщил, что «Наследным принцем» всегда владела, владеет и будет владеть одна неизменная корпорация.

— Понятно, — сказал Мэйкон и ушел, сбитый с толку.

Отужинать ему надлежало в каком-нибудь заведении без выкрутасов. Для ублажения клиентов предстояло в каждом городе отметить хотя бы один консервативный ресторан. Однако нынче этим заниматься не хотелось. Мэйкон отправился в свое любимое кафе «Моя американская кузина». Там посетители и часть персонала говорили с американским акцентом, а на входе хозяйка вручала гостям пронумерованные билеты. Счастливчик, чей номер оглашали по громкоговорителю, мог выиграть телевизор или, в крайнем случае, обрамленную открытку с видом ресторана.

Мэйкон заказал приятный ужин из вареных

овощей, двух бараньих котлет в белых бумажных манжетках и стакана молока. Человек за соседним столиком, тоже сам по себе, угощался добрым мясным пирогом. Когда официантка предложила ему десерт, он, словно избалованный женскими уговорами нарастить мяска на костях, капризно процедил: «Ладно, может, еще надумаю». Мэйкон взял имбирный пряник. Его подали со взбитыми сливками, как бывало в бабушкином доме.

В восемь вечера по наручным часам Мэйкон был в постели. Рановато, конечно, но что поделаешь, если у англичан уже полночь. Завтра начнутся скоротечные визиты в другие города. Отобрать показательные отели, снять пробы с показательных завтраков. Кофе с кофеином и без кофеина. Мясо с кровью и хорошо зажаренное. Апельсиновый сок, свежий, консервированный и замороженный. Снова душевые лейки, снова матрасы. Фены в наличии? Адаптеры для электробритв? Мэйкон уснул, и ему снилась карусель из безликих гостиничных номеров. По бесконечному кругу ездили багажные подставки с парусиновым плетением, потолочные разбрызгиватели, заламинированные правила пожарной безопасности. На гипсовом верблюде ехал Итан, он кричал «Лови меня!» и валился набок, но

уезжал дальше по кругу, прежде чем Мэйкон успевал его подхватить.

Мэйкон обладал одним скверным свойством: еще на полпути ему жутко хотелось домой. В середине даже очень короткой поездки он вдруг решал, что пора возвращаться, ибо потрачено чересчур много времени, а все самое необходимое уже сделано. Ну, почти все и почти сделано.

Остаток командировки уходил на телефонные звонки в транспортные агентства, бесплодные поездки в авиакассы и напрасные ожидания чьей-нибудь неявки на рейс, после чего приходилось возвращаться в гостиницу, откуда только что выписался. Всякий раз Мэйкон давал себе слово, что этого больше не повторится, но почему-то оно всегда повторялось. В Англии это произошло на четвертый день. И чего я здесь торчу? — начал маяться Мэйкон. Все главное уже сделано.

По правде, дело было в субботе. Занося очередную трату в список расходов, он отметил, что нынче суббота. Дома наступает утро. Сегодня Сара приедет за ковром.

Она откроет входную дверь и учует домашний запах. Пройдет по комнатам, где провела столько счастливых лет. (Разве не была она счастлива?) Увидит кошку, вальяжно разлегшуюся на кушет-

ке, подсядет к ней и подумает: *как я могла уйти?*

К несчастью, летом, как всегда, был переизбыток пассажиров. Мэйкон потратил два дня, выискивая хоть крохотный шанс уехать, испарявшийся при его приближении. «Куда угодно! Отправьте меня куда угодно! Не обязательно в Нью-Йорк, я полечу в Вашингтон. В Монреаль! В Чикаго! Черт, я полечу в Париж или Берлин, может, оттуда есть рейсы. А пароходом? Сколько сейчас добираться пароходом? А если б это был чрезвычайный случай? Скажем, у меня мать на смертном одре или еще что-нибудь? То есть нет никакой возможности отсюда уехать?»

Люди, с которыми он общался, были неизменно вежливы, жизнерадостны и благодушны (в иных обстоятельствах он бы, наверное, и впрямь полюбил англичан), но не могли решить его проблему. В результате пришлось остаться. Последние дни Мэйкон сидел в номере, таращился в телевизор и грыз ногти; перебивался консервами и противно теплыми напитками, ибо видеть не мог рестораны.

Разумеется, в день отъезда он был первым в очереди на регистрацию и выбрал место у окна в ряду для некурящих. В соседях оказалась совсем юная парочка, настолько поглощенная друг

другом, что «Мисс Макинтош» не понадобилась, и потому весь долгий тягостный день Мэйкон смотрел на облака.

Время от полудня до вечера он не жаловал вообще, а уж нынче оно выдалось хуже некуда: нескончаемые часы, перемежаемые предложениями выпить, пообедать и снова выпить, которые он отвергал. В это время крутили фильмы, приходилось надевать наглазники. Салон был залит оранжевым светом, густым и неприятным.

Однажды Мэйкон возвращался из особо тяжелой поездки в Японию, где по вывескам не отыщешь обратную дорогу в гостиницу, и Сара встречала его в Нью-Йорке. Она хотела сделать сюрприз на их пятнадцатилетнюю годовщину. У Бекки из трансагентства вызнала номер токийского рейса, забросила Итана к матери и примчалась в аэропорт Кеннеди. В пикниковой корзинке Сара привезла сыр и вино, коими они угощались прямо в зале ожидания, коротая время до рейса в Балтимор. Память запечатлела каждую деталь того пира: ломтики сыра на мраморной доске, вино в хрустальных фужерах, сумевших пережить дорогу. До сих пор помнился шелковистый вкус бри. А перед глазами была Сарина рука, красивая и маленькая, решительно наре-

завшая хлеб.

Однако нынче Сара не встретит его в Нью-Йорке.

И даже в Балтиморе не встретит.

На парковке Мэйкон забрал машину и сквозь набрякшие сумерки, сулившие нечто драматическое — грозу либо зарницы, — поехал в город. Может, Сара ждет его дома? Она в полосатом халате, который он так любит? А в патио на столике накрыт холодный ужин?

Дабы не принимать желаемое за действительное, Мэйкон тормознул у магазина «7-11» и купил молока. Потом поехал за Эдвардом. Он как-то сумел заблудиться и к клинике «Мяу-Гав» подъехал перед самым закрытием. За конторкой никого не было. Мэйкон стукнул по звонку. Девушка с конским хвостом высунулась из двери, выпустив сумятицу воев, писков и рыков в разных тональностях, напомнившую настраивающийся оркестр.

— Да? — сказала девушка.

— Я за своей собакой.

Девушка подошла к конторке и открыла папку:

— Фамилия?

— Лири.

— Ага. Одну минуту.

«Что теперь отчебучил Эдвард?» — подумал Мэйкон.

Девушка скрылась, а через секунду появилась та, курчавая. Нынче она была в чересчур коротком платье — крупные розовые цветы на черном фоне, глубокий вырез, накладные плечи — и босоножках на нелепо высоких каблуках.

— Привет! — радостно сказала женщина. — Как съездили?

— Ничего… Где Эдвард? С ним все в порядке?

— Да, все хорошо. Он был просто душка.

— Ну вот и чудесно.

— Мы с ним с ходу поладили. Не знаю почему, но я, похоже, ему глянулась.

— Прекрасно. — Мэйкон прокашлялся. — Можно его забрать?

— Сейчас Каролина его приведет.

— Ага.

Помолчали. Женщина облокотилась на конторку, переплела пальцы и, игриво улыбаясь, разглядывала Мэйкона. Он отметил ее ногти в багровом лаке и темную губную помаду, придававшую рту странную угловатость, свойственную некоторым сортам яблок.

— Кх-м. Может, я пока расплачусь? — сказал

Мэйкон.

— Да, конечно. — Женщина перестала улыбаться и раскрыла папку. — С вас сорок два доллара.

Мэйкон протянул кредитку. Женщина неловко ковырялась с терминалом, поскольку, оберегая ногти, действовала подушечками пальцев. Потом каракулями заполнила квитанцию и подтолкнула ее Мэйкону:

— Подпись и телефон. — Перегнувшись через стойку, она следила за его ручкой. — Это домашний телефон или рабочий?

— Всё вместе. А что? Какая разница?

— Просто спросила. — Столь же неуклюже она оторвала второй экземпляр квитанции, который отдала Мэйкону, а первый кинула в ящик конторки. — Не помню, говорила я, что занимаюсь, между прочим, дрессировкой собак?

— Надо же. — Мэйкон посмотрел на дверь, за которой скрылась девушка. Он всегда нервничал, если Эдварда долго не выводили. Что они там делают — уничтожают улики?

— Я специализируюсь на кусачих собаках.

— Специализируются по.

— Что?

— Словарь рекомендует использовать предлог «по».

Женщина смотрела непонимающе.

— Опасная, наверное, работа, — проявил вежливость Мэйкон.

— Ерунда! Я не боюсь ничего на свете.

За дверью послышался цокот когтей по полу. В приемную влетел Эдвард, за ним поспешала девушка с конским хвостом. Радостно повизгивая, пес так вертелся, что Мэйкон даже не смог его погладить, все время промахивался.

— Ну хватит уже! — увещевала девушка Эдварда, пытаясь надеть на него ошейник. Меж тем женщина за стойкой не умолкала:

— Кусачие, брехливые собаки, глухие, трусливые, обозленные, собаки со скверными привычками и те, кто после питомника не доверяет человеку… Я управлюсь с любой.

— Замечательно, — сказал Мэйкон.

— Ваш-то и не думал кусаться. Кажется, я говорила, он в меня просто втюрился.

— Приятно слышать.

— Но я запросто могу отучить его кусаться вообще. Вы подумайте и звякните мне. Мюриэл, помните? Мюриэл Притчетт. Я дам вам свою карточку.

Женщина протянула нежно-розовую визитку, неведомо откуда появившуюся в ее руке. Споты-

каясь об Эдварда, Мэйкон шагнул к конторке и взял карточку.

— Я обучалась у дрессировщика, который натаскивал сторожевых псов. Не чета вашему тихоне.

— Буду иметь в виду, — сказал Мэйкон. — Большое спасибо.

— Можете звонить без всякого повода. Просто поболтать.

— Поболтать?

— Ну да. Об Эдварде, его закидонах и… всякой всячине. Неужели вам никогда не хотелось просто снять трубку и почесать языком?

— Вообще-то нет, — сказал Мэйкон.

Тут Эдвард испустил особенно пронзительный вопль, и они поспешили домой.

Конечно, ее там не было. Мэйкон это понял, едва вошел в дом и учуял жаркую стоялую духоту комнат с закрытыми окнами. Он наперед знал, что так и будет. Но обманывал себя. Сочинял сказки.

Мимо прошмыгнула кошка, негодующе мяукая. Пес кинулся в столовую, намереваясь покататься по ковру, изгнать приютский дух. Но ковра не было, только голый пол в ворсяных катышах; Эдвард замер, вид у него был глупый. Мэйкон понимал его чувства.

Он поставил молоко в холодильник и пошел наверх распаковываться. Принял душ, потоптался на грязном белье, приготовил постель. Выключил свет в ванной; развешенное белье, ронявшее капли в поддон, напомнило о поездке. В общем-то, никакой разницы. *Случайный турист в своем доме*, подумал Мэйкон, устало забираясь в спальный конверт.

Глава четвертая

Когда заголосил телефон, Мэйкону привиделось, что звонит Итан. Он в лагере и хочет узнать, почему его не забирают домой. «Мы думали, ты умер», — сказал Мэйкон, а голос Итана, такой звонкий и ломкий на верхах, ответил: «Ни фига себе, с чего это?» Телефон опять зазвонил, и Мэйкон проснулся. В грудь ударил всплеск разочарования. Видно, не зря говорят «сердце упало».

Мэйкон нехотя взял трубку:

— Да.

— С возвращением, Мэйкон!

Даже спозаранку начальник Джулиан Эдж был, как всегда, бодр и громогласен. Мэйкон вздохнул.

— Как прошла поездка?

— Нормально.

— Приехал вчера вечером?

— Да.

— Отыскал какие-нибудь суперские местечки?

— Суперские — слишком сильно сказано.

— Значит, теперь возьмешься за перо.

Мэйкон промолчал.

— Когда предполагаешь сдать рукопись?

— Не знаю, — сказал Мэйкон.

— Ну, по прикидкам, скоро?

— Я не знаю.

Повисла пауза.

— Я тебя разбудил, что ли? — сказал Джулиан.

— Да.

— Мэйкон Лири в постели. — Джулиан произнес это как некий заголовок. Моложе Мэйкона, он был беззаботен, весел и легкомыслен. И ему, похоже, нравилось выставлять подчиненного этаким недотепой. — Ладно, к концу месяца сделаешь?

— Нет.

— Почему?

— Материал не систематизирован.

— Чего там систематизировать? Подправил старый вариант — и все дела.

— Работы гораздо больше, — сказал Мэйкон.

— Слушай, старина. Сегодня у нас… — голос стал глуше — видимо, Джулиан отвернулся от трубки и взглянул на календарь своих выпендрежных золотых часов с перфорированным кожаным ремешком, — третье августа. Я хочу, чтобы в октябре книга была на прилавках. Стало быть, рукопись нужна к тридцать первому августа.

— Я не смогу, — сказал Мэйкон.

Удивительно, что ему вообще хватало сил продолжать этот разговор.

— До тридцать первого целых четыре недели.

— Мало.

— Мало, — повторил Джулиан. — Ладно. Значит, так — середина сентября. До черта всего пойдет кувырком, но я дам тебе срок до середины сентября. Годится?

— Не знаю, — сказал Мэйкон.

Собственный тусклый голос его удивил. Он как будто наблюдал за собой со стороны. Видимо, Джулиан что-то почувствовал.

— Старина, с тобой все нормально? — помолчав, спросил он.

— Все прекрасно.

— Я понимаю, дружище, тебе здорово досталось…

— У меня все хорошо! Просто замечательно! Что не так? Мне нужно время, чтобы систематизировать материал, только и всего. К пятнадцатому сентября я представлю рукопись. Возможно, раньше. Вполне возможно. Может быть, в конце августа. Все?

Мэйкон повесил трубку.

Но в кабинете, тесном и сумрачном, шибало злым чернильным духом умственного тупика.

Работа казалась неподъемной, как будто хаос все-таки восторжествовал. Мэйкон развернулся и вышел вон.

Пусть не заладилась систематизация путеводителя, но вот систематизация дома — совсем иной коленкор. Эта работа приносила некое утешение, и даже больше того — создавала впечатление, что удалось отогнать опасность. С неделю Мэйкон слонялся по дому, внедряя новые системы. Он радикально перевесил кухонные шкафы и вышвырнул покрытые жирной пылью бутылки с неведомым осадком, к которым Сара не прикасалась годами. К пылесосу присобачил стофутовый удлинитель от газонокосилки. Прополкой, стрижкой и безжалостной обрезкой преобразил двор. Прежде за садом следила Сара, и кое-что в этой работе стало откровением. Одни сорняки, едва их коснешься, взрывались семенами, впечатляя отчаянным сопротивлением, а другие безропотно расставались с вершками, тем самым сохраняя корешки. Поразительное упорство! Неистребимая живучесть! Почему у людей все иначе?

В подвале Мэйкон натянул бельевую веревку, и сушильный агрегат, жуткий транжира электричества, стал не нужен. Мэйкон отсоединил гибкий откачной рукав, через незастекленный

оконный проем выходивший на улицу, и приучил кошку пользоваться этим путем. Отпала нужда в кошачьем туалете. Теперь кошка бесшумно спрыгивала в бельевой поддон и, привстав на задние лапы, выскакивала во двор.

Жаль, придумка не годилась для Эдварда. Мэйкон терпеть не мог выгуливать пса: не приученный к команде «рядом», тот шнырял под ногами, опутывая поводком. Да уж, с собаками очень хлопотно. И потом, они страшные обжоры. Корм для Эдварда надо было привезти из супермаркета, выгрузить из багажника и по высокому крыльцу занести в чулан. Впрочем, Мэйкон решил эту проблему. Под старый угольный желоб, уходивший в подвал, он подставил пластиковое мусорное ведро, в котором прорезал квадратное окошко. Потом опорожнил пакет с остатками собачьего корма в ведро, и оно, как по волшебству, превратилось в неиссякаемую кормушку, наподобие кошкиной. Теперь все стало проще: можно было подъехать к торцу дома и по угольному желобу ссыпать собачий корм в подземелье.

Закавыка была в том, что Эдвард, как выяснилось, боялся подвала. Каждое утро он топал в чулан, где прежде находил свой завтрак, и, усевшись на толстый зад, скулил. Оступаясь на

лестнице, Мэйкон на руках относил извивавшегося пса в подвал. Похоже, затея не удалась, поскольку смысл ее был в том, чтоб пощадить свою каверзную поясницу. Но пока Мэйкон не сдавался.

Все ради той же поясницы выстиранное белье укладывалось в мешок и по еще одному желобу спускалось в подвал, где его ждала корзина, привязанная к старому скейтборду Итана. То есть отпала необходимость таскать тяжести по лестнице и собственно подвалу. Бывало, правда, и так, что Мэйкон усердно катил модернизированную корзину от бельевой веревки к желобу, перекладывал высушенное белье из корзины в мешок, затем спешил наверх и вытягивал бечеву, но его грыз червь сомнения: может, он дурью мается?

Однако, если вдуматься, все на этом свете — дурь.

Соседи, видимо, прознали о Сарином уходе. Они стали названивать в будние вечера и приглашать на ужин «в складчину». Мэйкон думал, речь о такой вечеринке, когда каждый приносит что бог послал и случайный ассортимент блюд превращается в полноценный ужин. К Бобу и Сью Карни он пришел с миской макарон с сыром. Поскольку Сью приготовила спагетти, взнос Мэйкона не

выглядел удачным. К его макаронам, отставленным на край стола, никто не притронулся, кроме трехлетней Далилы, которая лишь раз-другой их ковырнула.

Мэйкон не ожидал увидеть за столом детей. Он понял, что теперь его воспринимают иначе — этаким дядюшкой-холостяком, которого изредка надо обогреть семейным теплом. По правде, он не любил чужих детей. И любого рода сборища его угнетали. От физического контакта с посторонними — объятие за плечи, хватание за рукав — он сворачивался, точно улитка.

— Знайте, Мэйкон, вы можете приходить к нам когда захотите. — Сью Карни подалась вперед и похлопала его по руке: — Не дожидаясь приглашений.

— Вы очень любезны, Сью, — ответил Мэйкон. «Почему чужая плоть кажется такой ненастоящей, словно восковой? — подумал он. — Как будто нас разделяет еще какой-то невидимый слой». Улучив момент, он убрал руку.

— Если бы ты мог жить по своему вкусу, — однажды сказала Сара, — ты бы, наверное, выбрал необитаемый остров.

— Почему? Вовсе нет, — возразил Мэйкон. — Я бы взял с собой тебя, Итана, сестру и братьев…

— Но только не других людей. В смысле обычных, незнакомых.

— Наверное, нет. А ты взяла бы?

Конечно, она взяла бы. В то время. До смерти Итана. Сара всегда была общительной. На досуге она охотно шлялась по магазинам с их адской толчеей. Сара любила многолюдье. Ей нравилось знакомиться с новыми людьми. Она обожала любые вечеринки, даже фуршеты. Лишь чокнутый, считал Мэйкон, любит фуршеты, эти бестолковые сборища, на которые его водили силком, и он сгорал от стыда, если вдруг втягивался в пустопорожнюю болтовню. «Вращайся, вращайся», — шептала Сара, со стаканом в руке проскальзывая за его спиной.

В последний год все изменилось. Сара разлюбила многолюдье. Она близко не подходила к магазинам, не таскала Мэйкона по вечеринкам. После смерти Итана они ходили только на спокойные семейные обеды, но сами никого не приглашали.

— Может, позовем Смитов и Миллардов? — както раз предложил Мэйкон. — Они-то нас часто принимают.

— Конечно, конечно. В ближайшее время, — сказала Сара, но сама и пальцем не шевельнула.

На вечеринке они и познакомились. Обоим было по семнадцать. Две школы устроили совместное развлечение. Уже тогда Мэйкон терпеть не мог всякие сборища, однако втайне мечтал о любви и потому рискнул явиться на это мероприятие, но потом забился в угол, где, изображая, как ему думалось, беспечность, потягивал имбирное пиво. Шел 1958 год. Весь мир носил рубашки с воротничком на пуговках, но Мэйкон, переживавший свой поэтический этап, был в черном свитере под горло, черных брюках и сандалиях. А Сара, бойкая круглолицая девушка с копной каштановых волос, огромными синими глазами и пухлой нижней губой, была, помнится, в чем-то розовом и оттого как будто вся сияла. Ее окружало кольцо поклонников. Невысокая и ладная, она как-то по-особому скрестила изящные загорелые ноги, словно всем своим видом говоря, что этому очумелому стаду из баскетбольных и футбольных звезд ее не охмурить. Мэйкон мгновенно понял, что здесь ему ничего не светит. Вернее, он даже не прикидывал свои шансы, а, минуя взглядом красавицу, высматривал иной, достижимый для себя вариант. И потому Саре пришлось самой сделать первый шаг. Она подошла к нему и спросила, чего он так выпендривается.

— Я? — опешил Мэйкон. — Я вовсе не выпендриваюсь.

— Полное впечатление, что выпендриваешься.

— Да просто здесь… скукота.

— А потанцевать не хочешь?

Они танцевали. Мэйкон, ничего подобного не ожидавший, был как в тумане. И лишь дома, немного успокоившись, смаковал и обдумывал недавнее событие. Он понял, что если б не выглядел воображалой, Сара его не заметила бы. Он один не увивался за ней в открытую. Значит, и впредь не стоит ее домогаться, проявлять излишнюю настойчивость и выказывать свои чувства. Похоже, в общении с ней надо сохранять достоинство.

Видит бог, это было непросто. Мэйкон жил с дедом и бабкой, твердо убежденными в том, что водительские права нельзя выдавать раньше восемнадцати лет. (И неважно, что штат Мэриленд считал иначе.) Поэтому дед Лири возил Мэйкона и Сару на их свидания. В длинном черном «бьюике» Мэйкон одиноко восседал на обитом серым бархатом заднем сиденье, ибо внуку не по чину, заявил дед, сидеть с ним рядом.

— Я тебе не наемный шофер, — говорил он. — И потом, в твоем местоположении есть скрытый

смысл. (В юности Мэйкона почти всем заправляли скрытые смыслы.)

И вот он одиноко сидел на задах, а Сара располагалась рядом с дедом. Облако ее волос, подсвеченное фарами встречных машин, напоминало неопалимую купину. Подавшись вперед, Мэйкон прокашливался и задавал вопрос:

— Ты уже закончила курсовую?

— Что? — переспрашивала Сара.

— Курсовая, — говорил дед. — Парень интересуется, закончила ты ее или нет.

— А, да, закончила.

— Она ее закончила, — транслировал старый Лири.

— Я не глухой, дед.

— Хочешь вылететь из машины и дуть пешедралом? Я не потерплю этакую наглость. Ведь я мог бы сидеть дома в тепле, а не раскатывать тут в потемках.

— Извини, дедушка.

Только молчание давало надежду. Неподвижный и отрешенный, Мэйкон затаивался на заднем сиденье. Если Сара обернется, она увидит лишь блик на его светлых волосах и бледное пятно лица, все остальное — тьма, с которой сливается его черный свитер. Ход сработал.

— О чем ты все время *думаешь*? — шепнула Сара ему на ухо, когда они танцевали в актовом зале ее школы. Мэйкон лишь криво усмехнулся, словно вопрос его позабавил, и ничего не ответил.

Мало что изменилось, когда он получил права; мало что изменилось, когда он поступил в колледж. Правда, он наконец-то расстался с черными свитерами и приобрел облик небрежно элегантного студента Принстона в белой рубашке и брюках цвета хаки. Без Сары было ужасно пусто, но в письмах к ней он говорил лишь об учебе. Сара, учившаяся в балтиморском Гаучер-колледже, отвечала: «Ты по мне совсем не скучаешь? Я избегаю мест, где мы с тобой бывали, боюсь, что встречу твой загадочный взгляд издали». Свои письма она заканчивала: «С любовью, Сара», он подписывался: «С приязнью, Мэйкон». По ночам он представлял, как она лежит рядом и пряди ее шуршат о подушку, хотя в реальности они лишь до одури целовались. По правде, он сомневался, что отважится на большее, если — как тогда выражались? — не размундирится. Иногда он даже слегка злился на Сару. Казалось, ему навязали фальшивую роль. Чтобы Сара его любила, приходилось изображать бесстрастность. Ох, от мужчин ждут чересчур многого!

Сара писала, что ни с кем не встречается. Мэйкон тоже не ходил на свидания, но, разумеется, об этом помалкивал. Летом он приехал домой и работал на дедовой фабрике; в местном бассейне Сара работала над своим загаром. Пролетела уже половина лета, когда она спросила, почему он никогда не предлагал ей переспать с ним. Мэйкон подумал и спокойно ответил, что как раз хотел ей это предложить. Они пошли к ней домой, поскольку родители ее проводили отпуск в Рехобот-Бич. Поднялись в ее спаленку — сплошь белые оборки, запах свежей краски, разогретой жарким солнцем.

— Ты захватил этот, как его? — спросила Сара, и Мэйкон, не желая признаться, что в глаза не видел этой штуковины, рявкнул:

— Нет, я не захватил этот-как-его! За кого ты меня принимаешь?

Вопрос, если вдуматься, глупый, но Сара восприняла его как знак, что он шокирован ее невиданной распущенностью.

— Извини, что я живая! — крикнула она и, скатившись по лестнице, выскочила из дома.

Ушло полчаса, чтобы ее отыскать, и гораздо больше времени, чтобы унять ее слезы. Да нет, успокаивал Мэйкон, он просто заботится о ней,

ибо по опыту знает, что эти-как-их не гарантируют безопасность. Он пытался выглядеть искушенным и неуязвимым для страсти. Потом предложил ей показаться его знакомому врачу, который пользовал бабку от женских хворей. Сара отерла слезы, спросила у него ручку и на изнанке обертки от жвачки записала фамилию врача. А вдруг он ее не примет? Вы, скажет, даже не помолвлены. Делов-то, пожал плечами Мэйкон, возьмем и обручимся. Это было бы чудесно, сказала Сара.

Помолвка длилась три года, до окончания учебы.

Дед Лири призывал повременить со свадьбой, пока внук не утвердится хорошенько на рабочем месте; под местом этим подразумевалась фабрика «Лири Металс», выпускавшая бутылочные пробки для безалкогольных напитков, что в Мэйконе не пробуждало даже секундного интереса. Кроме того, суетливые встречи в Сариной спальне в те дни, когда мать ее отлучалась на мероприятия Красного Креста, уже плохо сказывались на женихе и невесте.

Весной, закончив колледжи, они поженились. Мэйкон стал работать на фабрике, Сара преподавала английский в частной школе. Через семь

лет родился Итан. К тому времени Сара уже не величала Мэйкона «загадочным». Теперь его молчаливость ее вроде как раздражала. Мэйкон это чувствовал, но ничего не мог с собой поделать. Как-то вышло, что он застрял в той личине отчужденности, какую надел на их первой встрече. Застыл в ней. Вспоминалось старое бабкино остережение: не коси глазами, останешься косым. Мэйкон очень хотел измениться, но все равно Сара воспринимала его как человека хладнокровного, который гораздо уравновешеннее ее, но не столь чуток.

Однажды Мэйкон наткнулся на заполненную Сарой анкету в женском журнале — чепуху из серии «Насколько вы счастливы в браке?»; в графе «Мне кажется, я люблю свою половину больше, чем он/она любит меня» Сара проставила «Да». И вот что встревожило: сперва-то он машинально фыркнул — мол, ничего подобного, а потом задумался — может, так оно и есть? Мысль эта задела за живое. До сих пор он был весьма холоден душой и никогда ни по кому не страдал всерьез, если не считать сына (но это не показатель, ибо переживать за ребенка вполне естественно).

Вспоминая об этом теперь, Мэйкон радостно отмечал: ну вот же, он тоскует по Саре. Но потом

эта радость казалась проявлением все той же бесчувственности, и тогда он стонал, тряс головой и рвал на себе волосы.

— Мэйкон? — спросил женский голос в трубке.

Он тотчас понял, что звонит не Сара. У нее голос светлый, воздушный, а этот грубый, резкий, скрипучий.

— Это Мюриэл, — сказала женщина.

— Кто? — переспросил Мэйкон.

— Мюриэл Притчетт.

— А, ну да, — сказал он, хотя понятия не имел, кто это.

— Ну из лечебницы, — напомнила женщина. — Я та самая, кто поладил с вашей собакой.

— Ах, из лечебницы.

Помнилась она смутно. Перед глазами возникли губы в темно-красной помаде, трубочкой на букве «ю» и сомкнутые на «п».

— Я просто хотела узнать, как там Эдвард.

Мэйкон глянул на пса. В кабинете они были вдвоем, Мэйкону удалось напечатать полстраницы. Эдвард лежал на брюхе, вытянув куцые задние лапы; он смахивал на выпотрошенную утку.

— По-моему, с ним все хорошо, — сказал Мэйкон.

— То есть больше не кусается?

— Да вроде нет, но появилось кое-что новое. Он недоволен, когда я ухожу из дома. Лает и скалится.

— Я думаю, все же надо его подрессировать.

— Видите ли, ему четыре с половиной, и, мне кажется…

— Не такой уж он старый! Я вмиг все исправлю. Знаете что, а давайте я к вам подъеду и мы обо всем поговорим. Выпьем по рюмашке и обсудим собачьи проблемы.

— Пожалуй, не стоит…

— Или вы ко мне приезжайте. Угощу вас ужином.

Интересно, как это поможет Эдварду, если его потащить на ужин в чужом доме? — подумал Мэйкон.

— Ну, что скажете? — спросила женщина.

— Э-э… наверное, я попробую справиться своими силами.

— Что ж, я вас понимаю. Уж поверьте. Сама через это прошла. Ладно, буду ждать вашего сигнала. Визитку мою не потеряли, нет?

Цела, заверил Мэйкон, хотя даже не помнил, куда ее сунул.

— Не сочтите меня настырной, — сказала Мю-

риэл.

— Нет, что вы… — Мэйкон повесил трубку и вернулся к работе.

Близился конец августа, а он все еще возился с предисловием. И с чем он встретит срок сдачи? Спинка кресла давила на поясницу в ее самой больной точке. Клавиша «с» беспрестанно западала. Машинка отстукивала звучащие слова. «Неподражаемо», — произносила она, идеально точно копируя Сарину интонацию, когда та выговаривала мужу: «Ты в своей неподражаемой манере…» *Вообще-то английская еда не такая противная, как в других странах. Хорошо приготовленные овощи, блюда под белым соусом, пудинг на десерт… Я не понимаю, почему некоторые путешественники жалуются на английскую еду*.

В сентябре Мэйкон решил поменять свою одежную систему. Если дома ходить в спортивном костюме — таком, без молний, чтобы ничто не царапало и не стесняло, — от душа до душа можно не переодеваться. Спортивный костюм послужит пижамой и домашней одеждой.

Мэйкон купил два комплекта неброского серого цвета. В первую ночь он наслаждался мягкостью ткани, а утром радовался, что не надо

переодеваться. Ему даже пришла мысль, что в таком одеянии можно щеголять два дня кряду, пропуская вечерний душ. Это ж какая экономия электричества! Утром нужно будет только побриться. А не отпустить ли бороду? — подумал Мэйкон.

Однако к середине следующего дня настроение его слегка упало. Печатая на машинке, он вдруг понял, что весь сгорбился, сидит квашней. Это из-за спортивного костюма, решил Мэйкон. Он встал и подошел к большому зеркалу в прихожей. Отражение напоминало пациента психбольницы. Наверное, отчасти виной тому были ботинки — обычные черные ботинки на шнурках, предполагавшие иной наряд. Купить кроссовки, что ли? Не дай бог, примут за любителя бега трусцой. Мэйкон отметил, что без ремня живот слегка выпирает. Он подтянулся. Вечером, когда пришла пора простирнуть первый спортивный костюм, он сделал воду погорячее, дабы одеяние село, убавив в мешковатости.

Утром самочувствие было паршивым. Ночь выдалась душная, Мэйкон проснулся липким и разбитым. Мутило от мысли о попкорне на завтрак. Мэйкон занялся стиркой постельного конверта и потом, развешивая его, вдруг застыл,

уронив голову и свесив руки через бельевую веревку, словно его самого пришпилили на просушку.

— Встряхнись! — сказал он громко. В отсутствие разговорной практики голос сипел.

Был вторник — день закупки провизии, когда супермаркет не так забит народом. Но почему-то не было сил пойти в магазин. Пугала вся эта возня с тремя записными книжками в закладках, с которыми он делал покупки. В одну вносились данные из «Потребительского вестника» — скажем, под буквой «х» значились лучшие сорта хлеба. В другую книжку записывались цены, в третью складывались купоны. То и дело приходилось останавливаться, листать записи и, шепча цены, сравнивать торговые марки, предлагавшие скидки. Поход в магазин казался невообразимой тяготой. Стоит ли утруждаться? И вообще, зачем есть?

С другой стороны, хотелось молока. У Эдварда заканчивался корм, кошка Хелен вообще все подъела.

И тогда Мэйкон сделал нечто неслыханное. Он позвонил в «Продуктовую корзину», небольшой дорогой магазин, доставлявший покупки на дом. И заказал не просто самое необходимое — нет, он

продиктовал весь недельный список.

— Доставить к парадному или черному ходу? — нарядным голосом спросила оператор.

— К черному, — сказал Мэйкон. — Нет, погодите. Скоропортящиеся продукты подвезите к черному ходу, а собачий корм оставьте возле угольного желоба.

— Возле угольного желоба, — повторила оператор, видимо записывая.

— Он с торца дома. Но кошачью еду там не оставляйте, она идет вместе со скоропортящимися продуктами.

— Минутку, позвольте…

— А верхние пункты — к парадной двери.

— Какие еще верхние пункты?

— Зубная паста, плавающее мыло, собачье печенье…

— Кажется, вы сказали, собачье печенье идет к угольному желобу.

— Не печенье, а корм собачий! Это корм идет к угольному желобу, черт бы вас побрал!

— Эй, послушайте! — возмутилась оператор. — Нельзя ли повежливее?

— Ладно, извините. По-моему, ничего сложного: я хочу, чтобы коробка «Молочной косточки» была у меня под рукой в спальне. Если Эдварда

угостить промасленным попкорном, у него будет расстройство желудка, а иначе я бы слова не сказал. Не подумайте, что я собираюсь сам жрать печенье, но Эдвард очень чувствителен к жирному, а я в доме один, и если его вырвет, то убирать мне. Больше некому, я совсем один, один-одинешенек, как будто все… сбежали от меня, что ли, я всех лишился и вот теперь стою и вопрошаю: куда все подевались? Где вы? Боже мой, чем я так сильно провинился?

Голос его осекся, Мэйкон бросил трубку. Уставившись на телефон, потер лоб. Он сказал ей свою фамилию? Или нет? Не вспомнить. Господи, пусть он не успел назваться!

Он явно дошел до ручки. А теперь надо взять себя в руки. Первым делом — долой спортивный костюм. Это какое-то проклятье. Мэйкон хлопнул в ладоши и направился к лестнице. В ванной стянул с себя спортивный костюм и кинул его в душевой поддон. Вчерашний костюм, все еще влажный, висел на перекладине шторы. Наверняка к вечеру не высохнет. Промашка. Надо же так свалять дурака! Еще чуть-чуть — и он превратится в жалкую личность, какую иногда встретишь на улице: немытая, небритая, нечесаная, затрапезно одетая, она бредет бесцельно и что-то себе

под нос бормочет.

Нарядившись в белую рубашку и брюки хаки, Мэйкон понес непросохший костюм в подвал. Пожалуй, зимой он сойдет за теплую пижаму. Мэйкон положил костюм в сушильный агрегат, вернул на место откачной рукав и задал режим сушки. Лучше потратить немного электроэнергии, чем впадать в отчаяние из-за сырого спортивного костюма.

У входа в подвал заскулил Эдвард. Пес оголодал, но не отваживался самостоятельно сойти в подземелье. Увидев Мэйкона, он распластался на верхней ступеньке, всем своим видом выражая мольбу.

— Трус! — пристыдил его Мэйкон.

Он сграбастал пса на руки и понес вниз. Эдвард заклацал зубами, отбивая мелкую дробь. Может, он что-то чует? — подумал Мэйкон. Привидение или что-нибудь этакое? Прошло довольно много времени, а пес по-прежнему боялся подвала и порой, замерев перед миской с едой, напруживал лужу, даже не удосужившись поднять лапу.

— Ты себя ведешь как дурак, — сказал Мэйкон.

И тут вдруг раздался зловещий вой, донесшийся невесть откуда. Равномерный, нараставший, он как будто заполнял собою все пространство.

Эдвард, видимо, давно ожидал чего-то подобного, ибо мгновенно лягнулся, крепкими когтистыми лапами засадив хозяину под дых. Мэйкон поперхнулся. Эдвард слепо рванул вперед и, отрикошетив от мокрых спальных мешков на веревке, вновь врезал Мэйкону в живот. Мэйкон покачнулся, угодил ногой в корзину на колесиках и, потеряв равновесие, рухнул плашмя.

На липком цементном полу он лежал навзничь, подвернув под себя левую ногу, сложившуюся вдвое. Вой, из-за которого все это случилось, на долю секунды стих, затем возобновился. Теперь было ясно, что исходит он из откачной трубы.

— Зараза! Неужели эта кретинская кошка не могла сообразить, что сушилка работает? — сказал Мэйкон оседлавшему его Эдварду. Пес судорожно дышал.

Все стало понятно. Кошку, желавшую войти обычным путем, встретил свистящий поток воздуха, но она упрямо лезла в рукав. Можно представить ее глаза, под пыльным ветром превратившиеся в щелочки, и уши, прижатые к башке. Кошка негодующе выла, но держалась привычного курса. Потрясающее упорство!

Мэйкон спихнул с себя Эдварда и перекатился на живот. Даже такое незамысловатое движе-

ние аукнулось дикой болью. К горлу подкатила тошнота, но Мэйкон, волоча ногу, сделал еще переворот. Стиснув зубы, он дотянулся до дверцы сушилки и открыл ее. Спортивный костюм медленно прекратил вращение. Кошачий ор смолк. Через минуту показалась встрёпанная Хелен, задом выбиравшаяся из рукава, который вдруг вывалился из оконного проема и шлепнулся в поддон. Но кошка успела выскочить. Похоже, она не пострадала, только вид у нее был слегка взъерошенный. Проводив взглядом Хелен, шмыгнувшую в другое окно, Мэйкон набрал в грудь воздуху и начал долгий мучительный подъем из подвала.

Глава пятая

Из кухни доносилось Розино пение.

— Ах, сильно я плутала, много напортачила… — выводила сестра дребезжащим старушечьим фальцетом, хотя была моложе Мэйкона. Такие голоса услышишь в сельской церкви где-нибудь в глубинке, где и сейчас женщины носят плоские соломенные шляпки. — Грешила и дурила, но я лишь странник божий к блаженству на пути…

На террасе дедова дома Мэйкон лежал на кушетке. Левая нога, от середины бедра до ступни закованная в гипс, не то чтоб беспокоила, а вроде как отсутствовала. Постоянное ватное чувство онемелости порождало желание ущипнуть себя за голень. Но это невозможно, когда ты огражден от самого себя. Даже мощный удар кулаком по лубку ощущался лишь стуком в стену недовольных соседей.

И все же Мэйкон был, можно сказать, удовлетворен. Прислушиваясь, как на кухне сестра готовит завтрак, он рассеянно почесывал кошку, угнездившуюся в одеяле.

— Прошла чрез испытанья, прошла через пе-

чаль я… — весело распевала Роза, — изведала я горе, и жертвы были тож…

Сейчас она поставит кофейник на плиту и поможет Мэйкону пересечь гостиную, добраться до туалета. Пока что он не решался на одиночное плавание, особенно по натертым полам. Теперь он восхищался увечными на костылях, которых прежде не замечал. Они напоминали стаю длинноногих птиц на мелководье, что с ошеломляющей лихостью совершают прыжки и плавные пируэты. Как это они умудряются?

У стены стояли его собственные новенькие костыли с еще нестертыми резиновыми набалдашниками. На спинке стула висел халат. Возле окна расположился раскладной ломберный столик на шатких ножках, с картонной столешницей под дерево. Дед с бабкой давно умерли, но столик был на прежнем месте, словно готовый для их вечного бриджа. Мэйкон знал, что с изнанки столешницы есть пожелтевшая этикетка с надписью «Пр-во комп. Атлант» и тисненым рисунком: шесть угрюмых толстяков в крахмальных воротничках стоят на доске, уложенной на этот самый столик. ОБМАНЧИВО ХРУПКАЯ МЕБЕЛЬ, гласил рекламный слоган. Фраза эта — обманчивая хрупкость — ассоциировалась с бабкой. Мальчишкой

Мэйкон лежал на полу террасы и разглядывал бабкины тощие лодыжки, на которых кости выпирали, точно круглые дверные ручки. Ступни, обутые в прочные черные башмаки на низком каблуке, на фут отстояли друг от друга. Бабка никогда не притоптывала и не возила ногами.

Наверху брат Портер подсвистывал Розиной песне. Мэйкон знал, что это Портер, поскольку Чарлз никогда не свистел. Шумел душ. Сестра заглянула на веранду, следом просунулся Эдвард и, увидев Мэйкона, часто задышал, как будто засмеялся.

— Ты проснулся? — спросила Роза.

— Да уж давно, — сказал Мэйкон. В сестре было нечто, заставлявшее братьев притворяться бедными и несчастными, когда она уделяла им внимание. Миловидная, но неяркая, Роза собирала темно-русые волосы в неказистый пучок, чтоб просто не мешали. Она сохранила девичью фигуру, но наряд вековухи скрывал ее формы.

Роза подала Мэйкону халат и помогла подняться. Вот теперь нога заныла ужасно. Похоже, это было как-то связано с гравитацией. Пульсирующая боль медленно сползала по всей кости. С одного боку опираясь на Розу, а с другого на костыль, Мэйкон запрыгал в гостиную с обшар-

панной резной мебелью. Под ногами путался пес.

— Может, я минутку передохну? — сказал Мэйкон, минуя диван.

— Осталось немножко.

Добрались до кладовой. Роза открыла дверь туалета, помогла Мэйкону войти.

— Позови, как закончишь, — сказала она, затворяя за ним дверь. Мэйкон осел на унитаз.

За завтраком Портер оживленно балаболил, остальные ели молча. Ладно скроенный пшеничный блондин, он был самый симпатичный из всех Лири. И в отличие от братьев выглядел энергичным и целеустремленным.

— Сегодня у меня куча дел, — с набитым ртом говорил Портер. — Встреча с Херрином, отбор кандидатов на место Дейва, из Атланты прилетает Кейтс…

Чарлз прихлебывал кофе. Он еще был в пижаме, контрастировавшей с костюмом Портера. Казалось, этот рыхлый человек с добрым лицом вообще не шевелится; при всяком взгляде на него вы неизменно встречались с печальными глазами, чуть скошенными по внешнему краю.

Роза принесла подогретый кофейник.

— Этой ночью Эдвард дважды меня будил, про-

сился на улицу, — сказала она. — Может, у него нелады с почками?

— Он приноравливается, — объяснил Мэйкон. — Привыкает к перемене. Удивительно, как он соображает, что нельзя будить меня.

— Может, соорудить ему какой-нибудь лаз? — предложил Портер. — Типа такой дверки для домашних питомцев.

— Он толстый, в дверку не пролезет, — возразил Мэйкон.

— И потом, двор не огорожен, — сказала Роза. — Одного его выпускать нельзя.

— Тогда лоток, — не сдавался Портер.

— Лоток? Собаке?

— А что? Сделать побольше.

— Тогда уж взять ванну, — сказал Мэйкон. — Из подвала. Ею никто не пользуется.

— А кто будет за ним убирать?

— М-да.

Все посмотрели на Эдварда, лежавшего у Розы в ногах. Пес ответил взглядом исподлобья.

— Откуда он вообще взялся? — спросил Портер.

— Итан завел, — сказал Мэйкон.

— А, понятно. — Портер кашлянул и вновь забалаболил: — Зверье! Вы не задумывались,

кем они нас считают? В смысле, вот мы пришли из магазина, нагруженные курами, свининой, здоровенным окороком. Ушли мы утром, вернулись вечером и, стало быть, за день наловили уйму добычи. Наверняка в глазах питомцев мы величайшие на свете охотники!

Мэйкон откинулся в кресле, баюкая в ладонях кружку с кофе. Пригревало солнышко, с кухни вкусно пахло поджаренным хлебом. Возникла странная мысль: а что, если он неосознанно, шаг за шагом сам подстраивал свое увечье, чтобы вот так спокойно сидеть в кругу близких, с кем начиналась его жизнь?

Чарлз и Портер уехали на фабрику, наверху Роза начала пылесосить. Мэйкон предполагал поработать над путеводителем, но, добравшись до террасы, вырубился. В родном доме он ужасно много спал. Сонливость, тяжелая, как черное пушечное ядро, одолевала его, и он безвольно ронял голову на грудь.

На стене висел групповой портрет Чарлза, Портера, Мэйкона и Розы, сгрудившихся в кресле. Его заказал их дед, еще до того как дети к нему переехали. Тогда они жили в Калифорнии вместе с матерью — молодой и ветреной вдовой военного. Время от времени она посылала деду фотографии

внуков, но тот был недоволен. Снимки, ворчал он в письмах, лживы по своей природе. Они показывают, каков человек в мимолетную долю секунды, но чтоб толком его разглядеть, нужны долгие неспешные минуты. Тогда, говорила Алиша, картины, выходит, тоже врут? Вместо минут они отражают часы. Говорила она это не деду, а художнику, пожилому калифорнийцу, которого дед Лири как-то умудрился разыскать. Мэйкон не помнил, что ответил художник и ответил ли вообще.

Но он помнил сеансы позирования, и сейчас, глядя на портрет в золоченой раме, четко видел мать: в розовом кимоно она стоит чуть поодаль, полотенцем сушит волосы и наблюдает, как картина обретает форму. Пушистые ломкие волосы она стригла коротко и, по ее выражению, «помогала» им с цветом. Такой тип лица нынче уж не встретишь — он не просто немоден, он сгинул вообще. Как это женщины себя формуют, чтоб выглядеть современно? Куда подевались округлые подбородки, выпуклые лбы и маленькие пухлые барочные рты, столь модные в сороковые годы?

Художник явно считал мать весьма привлекательной. То и дело он отвлекался от работы и говорил, что хотел бы видеть ее своей моделью.

В ответ Алиша издавала беззвучный смешок и отмахивалась. Возможно, раз-другой она с ним встретилась. Мать вечно сходилась с новым мужчиной, и всякий раз он оказывался, по ее словам, невероятным, потрясающим человеком. Если это был художник, она устраивала званый вечер и заставляла всех гостей покупать его картины. Если по выходным он летал на спортивном самолете, она записывалась на курсы пилотирования. Если он был политик, она стояла на уличном углу и всучивала петиции прохожим. Дети ее были слишком малы, чтобы тревожиться из-за маминых хахалей, да те и повода для тревог не давали. Нет, их беспокоила ее фонтанировавшая восторженность, бешеная стремнина увлечений, друзей, любовников и дел. Она как будто постоянно ходила по краю. Ни в чем не знала удержу. Голос ее так звенел, словно вот-вот оборвется. Чем быстрее она тараторила, чем ярче горели ее глаза, тем пристальнее смотрели на нее дети, словно призывая последовать их примеру уравновешенности и надежности.

— Да что с вами? — спрашивала мать. — Чего вы такие деревянные? — И, махнув на них рукой, упархивала к своим приятелям. В прихожей, дожидаясь ее возвращения, малышка Роза сосала

большой палец и гладила старую меховую накидку, которую Алиша больше не носила.

Порой мать изливала свою неуемность на детей, что доставляло им большие неудобства. Она тащила их в цирк и пичкала сладкой ватой, которую они, чистюли, терпеть не могли. Срывала со школьных занятий и отправляла пожить в экспериментальной общине, где все ходили голые. Озябшие и несчастные, они сидели в актовом зале, нахохлившись, зажав ладони меж голых коленей. На Хэллоуин мать наряжалась ведьмой и вместе с ними отправлялась выпрашивать угощение, а их от стыда корежило, ибо она, как всегда, увлекшись, гоготала, каркала, подбегала к незнакомым людям и грозила им облезлой метлой. Однажды Алиша надумала сшить себе и Розе одинаковые ярко-розовые платья с рукавами-буфами, но бросила эту затею и расплакалась, швейной машинкой прострочив себе палец. (Она вечно ранилась. Наверное, из-за спешки.) Потом было еще что-то, еще что-то, еще что-то. Перемены, казалось, стали ее религией. Тебе грустно? Заведи нового мужика! Одолели кредиторы, пора платить за жилье, температурят дети? Переезжай на новую квартиру! За год они сменили столько адресов, что после школы Мэйкон не сразу сооб-

ражал, в какую сторону идти.

В 1950-м мать решила выйти за инженера, который по всему миру возводил мосты.

— Португалия. Панама. Бразилия, — сообщила она. — Наконец-то мы увидим нашу планету.

Дети каменно молчали, поскольку даже не помнили, встречались ли с этим человеком.

— Вы что, не рады? — спросила мать. Позже — кажется, это было после того, как ее избранник сводил их всех в ресторан, — она известила, что решила отправить их к деду с бабкой. — Все-таки в Балтиморе вам будет лучше, — сказала мать.

Они взъерепенились? Не вспомнить. Детство виделось этаким стеклянным кубом, из которого Мэйкон безмолвно следил за пробегавшими мимо взрослыми, что-то ему говорившими и все время что-то менявшими. Как бы то ни было, одним жарким июньским вечером Алиша посадила детей в самолет до Балтимора. Там их встретили дед с бабкой — худые суровые старики в безупречной темной одежде. Детям они сразу понравились.

С тех пор Алиша появлялась лишь изредка и ненадолго, с охапкой ерундовых подарков из заморских краев. В кричащих платьях и с чересчур ярким макияжем она казалась чужестранкой. А

ее смешили сине-белая школьная форма и идеальная осанка детей.

— Господи, до чего же вы стали скучные! — негодовала она, явно забыв, что всегда считала их занудами. — Вы копия своего отца, — говорила она, и это, похоже, не было комплиментом. (Если дети просили рассказать о нем, она только скашивала глаза и басила: «Ох, Алиша, когда ты наконец повзрослеешь!»)

Позже, когда сыновья ее сами стали мужьями, она, вероятно, увидела в них еще большее сходство со своим первым супругом, ибо в разное время извинилась перед всеми тремя невестками за то, что им приходится терпеть. Мэйкону она представлялась этакой феей-озорницей, которая врывалась в их жизни, а потом исчезала, оставив шлейф безответственных высказываний и ничуть не заботясь об их последствиях.

— Не понимаю, как ты столько времени живешь с одним и тем же мужем, — говорила мать Саре. Сама она уже в четвертый раз была замужем — за ландшафтным архитектором с седой козлиной бородкой.

Спору нет, дети с портрета походили на нее мало. В них не было ее синевы-золотистости: пепельные волосы, стального цвета глаза. У всех

ярко выраженная ложбинка над верхней губой. Взгляд напряженный и подозрительный, совершенно не свойственный Алише.

Застыв в неловкой мизансцене, дети смотрят с полотна. Два старших мальчика, пухлый Чарлз и симпатяга Портер, в белых рубашках-апаш унаследовали на подлокотниках. На сиденье — Роза и Мэйкон в костюмчиках. Роза вроде как присела к Мэйкону на колени, однако на самом-то деле она втиснулась к нему между ног, и он помнил это неприятное ощущение чужой непривычной близости. У всех четверых волосы гладко зачесаны на лоб. Тонкие, почти бесцветные губы Мэйкона плотно сжаты, словно он готов что-то отстаивать. Знакомое выражение. Мэйкон отвернулся, потом вновь посмотрел на портрет. Рот Итана. Двенадцать лет Мэйкон представлял себе сына этаким заезжим студентом, гостем из внешнего мира, а теперь вот оказывается, что он всегда был Лири. Какое странное и запоздалое открытие.

Мэйкон резко сел и потянулся за брюками, у которых Роза отрезала левую штанину, обметав край ровными мелкими стежками.

На всем свете ни одна душа не знала, где он. Ни Джулиан, ни Сара, никто вообще. Мэйкону это нравилось.

— Как приятно быть недосягаемым, — поделился он с Розой. — Хорошо бы какое-то время так оно и оставалось.

— А что мешает?

— Ну как? Кто-нибудь сюда позвонит, Сара или еще кто…

— Можно не брать трубку.

— Что, пусть себе трезвонит?

— А что такого?

— Вообще не подходить к телефону?

— Мне звонят только соседи, — сказала Роза. — Не дозвонятся — заглянут. А братья, ты же знаешь, не жалуют телефон.

— Да, верно.

Джулиан постучит в его дверь, намереваясь устроить выволочку за срыв сроков. И уйдет несолоно хлебавши. Потом за половником или еще чем-нибудь заявится Сара, никто ей не откроет, она спросит соседей, а те скажут, что уж давно его не видели. Она попробует дозвониться до его родных, но в телефонной трубке гудки, гудки, и тогда она забеспокоится. *Что произошло?* — станет теряться она в догадках. *Как я могла бросить его одного?*

Мэйкон подметил, что с недавних пор Сара видится ему этаким врагом. Он уже не тосковал

по ней и начал измышлять ей муки совести. Удивительно, как быстро он переменился. Значит, таков он, плод двадцатилетнего брака? Мэйкон с удовольствием воображал, как Сара казнится. Вновь и вновь придумывал ей покаянные слова. Такого с ним не было с детства, когда он представлял мать, рыдающую на его похоронах.

Бывало, днем он работал за обеденным столом, и тут вдруг телефон звонил, и тогда пальцы замирали на клавиатуре пишущей машинки. Один звонок, второй. Третий. Со средством для чистки серебра в комнату входила Роза. Похоже, она не слышала звонков.

— А вдруг что-нибудь неотложное? — спрашивал Мэйкон.

— Хм. Кто это по неотложности будет звонить *нам*? — Роза усаживалась с другого краю стола и начинала чистить столовое серебро.

В семье всегда кто-нибудь нуждался в ее заботе. Покойная бабушка, которая долгие годы была прикована к постели, потом сильно одряхлевший дед, затем Чарлз и следом Портер, после распавшихся браков вернувшиеся домой. И потому она сама решала, чем ей заняться. Или придумывала себе занятие, поскольку не было никакой нужды чистить каждую серебряную

ложку-вилку еженедельно. Мэйкон, в силу обстоятельств проводивший с ней целые дни, видел, с каким тщанием она составляет меню семейных трапез, как часто перекладывает кухонную утварь на место удобнее, как гладит даже носки, предварительно освободив их от пластмассовых прищепок, с которыми во избежание путаницы они загружались в стиральную машину. Ему на обед она готовила натуральное мясо, стол сервировала с подставками под тарелки. В граненых мисочках подавала пикули и оливки, которые потом возвращались в свои банки несъеденными. В розетку накладывала чуть-чуть майонезу собственного приготовления.

Понимает ли она, раздумывал Мэйкон, что живет странной жизнью — без работы, без мужа, на иждивении у братьев? А вот какая работа ей бы сгодилась? — прикидывал он. Пожалуй, ее можно представить в роли оплота какой-нибудь старой солидной юридической или бухгалтерской фирмы. Номинально секретарша, фактически она бы сама всем заправляла, по утрам выкладывая список дел на стол босса и не позволяя никому, независимо от ранга, упустить ни единой мелочи. Он бы хотел иметь такую секретаршу. Не чета рыжей бестии с неизменной жвачкой во рту в

кавардачном офисе Джулиана. Эх, побольше бы на свете таких как Роза, вздыхал Мэйкон.

Он выдернул лист из каретки и положил в стопку готовых страниц. Мэйкон уже разделался с введением (общие наставления типа *Сабвей — это не метро* и *Не говорите «уборная», говорите «туалет»*) и закончил главу «Попытка поесть в Англии». Вчера Роза отправила их издателю. Это был новый тактический ход — высылать книжку частями, не раскрывая своего местоположения.

— Ты не указал обратный адрес, — сказала Роза.

— Так и задумано, — ответил Мэйкон.

С важным видом Роза кивнула. В семье только она считала путеводители Мэйкона настоящей литературой. В алфавитном порядке они стояли на стеллаже в ее спальне.

После обеда Роза прекращала работать и смотрела свою любимую мыльную оперу. Мэйкон этого не понимал. Зачем тратить время на подобную чушь?

— Там есть одна обворожительная злодейка, — объясняла Роза.

— В жизни и так полно злодеев, — говорил Мэйкон.

— Да, но не обворожительных.

— Уж это точно.

— Тут, понимаешь, все как на ладони. Сразу ясно, кому нельзя доверять.

Роза смотрела сериал и вслух общалась с персонажами. В столовой Мэйкон слышал ее голос.

— На кой ляд ты ему сдалась, милашка, — говорила Роза в абсолютно несвойственной ей манере. — Погоди, сама все поймешь. Ха-ха!

Пошла реклама, но сестра завороженно пялилась в экран. Мэйкон работал над главой «Попытка поспать в Англии» и вяло долбил по клавишам.

Звякнул дверной звонок, но Роза не откликнулась. Эдвард зашелся лаем, царапнул дверь, подбежал к Мэйкону и кинулся обратно в прихожую.

— Роза! — крикнул Мэйкон. Ответа не было. Наконец Мэйкон встал, подвесился на костыли и, стараясь не шуметь, поскакал к двери.

Взгляд сквозь тюлевую занавеску сообщил, что это не Сара. Мэйкон приоткрыл дверь и высунул голову:

— Да?

Приехал его сосед Гарнер Болт, костлявый тщедушный старикашка, сколотивший состояние на чистящих средствах. Он увидел Мэйкона, и все

морщины на его подвижном заостренном лице загнулись кверху.

— Вот вы где! — Из-за лая вконец обезумевшего Эдварда его было почти не слышно.

— В чем дело, Гарнер? — спросил Мэйкон.

— Мы испугались, что вы померли.

— Вот как?

Мэйкон цапнул Эдварда за ошейник, но промазал.

— На лужайке куча газет, под дверью почта — уж не знали, что и думать.

— Да, я хотел послать сестру забрать корреспонденцию. Я, понимаете ли, ногу сломал.

— Ох ты, как же это?

— Долгая история. — Мэйкон неохотно отступил в сторону: — Ну ладно, входите.

Гарнер снял бейсболку с логотипом «Краски Шервин-Уильямс». Он был в коричневом пиджаке, от старости залоснившемся, и комбинезоне, на ляжках вытертом до белизны. Гарнер перешагнул порог, шарахнулся от собаки и закрыл дверь. Теперь Эдвард заскулил.

— У меня машина забита вашей почтой, — сказал Гарнер. — Бренда говорит, отвези его сестре и справься о нем. И подруге вашей я обещал разузнать.

— Какой подруге?

— Дамочке в бриджах.

— Не знаю никакой дамочки в бриджах, — сказал Мэйкон. Он даже не знал, что бриджи еще существуют.

— Она стояла на вашем крыльце, дергала дверную ручку и кричала: «Мэйкон, вы дома?» Такая худышка, лохматая. Лет двадцати пяти, где-то так.

— Не представляю, кто это.

— Ладони этак ширмочкой сделала и зырила сквозь стекло.

— Кто же это мог быть?

— Чуть не сковырнулась с крыльца, пока спускалась на высоченных каблучищах.

— Собачница! — догадался Мэйкон. — Господи!

— Молодуха, да?

— Я с ней едва знаком.

— Прошла к черному ходу и опять зовет: Мэйкон, Мэйкон!

— Я ее видел-то два раза.

— Это она сказала мне про воротца.

— Про что?

— Ну, воротца у подвала, где все стекла побиты. Осень придет, включится отопление. Расход тепла и прочего.

— А, да. Наверное.

— Мы подумали, к вам воры залезли или еще что.

Мэйкон провел его в столовую.

— Понимаете, как вышло: я сломал ногу и решил пожить у родных, пока не оправлюсь.

— Мы не видели «скорой» и ничего такого.

— Я позвонил сестре.

— Она у вас врач?

— Нет, чтоб приехала и отвезла меня в травмпункт.

— Когда Бренда оступилась на лестнице и сломала бедро, она вызвала «скорую», — сказал Гарнер.

— А я вот вызвал сестру.

— Нет, Бренда вызвала «скорую».

Разговор, похоже, забуксовал.

— Я думаю, надо уведомить почту насчет моей корреспонденции, — вырулил Мэйкон, опускаясь в кресло.

Гарнер подтянул к себе другое кресло и сел в него, не расставаясь с бейсболкой.

— Я и дальше могу привозить вам письма, — сказал он.

— Да нет, Роза сходит на почту. Господи, там же, наверное, всяких счетов скопилось…

— А то мне совсем нетрудно.

— Спасибо, не нужно.

— А то давайте.

— По правде, я не уверен, что вернусь домой, — сказал Мэйкон. Мысль эта пришла только сейчас. Он аккуратно сложил костыли, словно хаси, и положил их на пол возле кресла. — Возможно, буду жить здесь с родными.

— Бросите такой славный домик?

— Для одного он вроде как великоват.

Гарнер нахмурился, разглядывая бейсболку. Потом ее надел, но передумал и опять снял.

— Знаете, — сказал он, — когда мы с Брендой только поженились, у нас была не жизнь, а кошмар. Чистый кошмар. Мы друг друга не выносили, и я даже не знаю, как это мы не разбежались.

— Но мы-то не новобрачные. Двадцать лет прожили.

— Однажды мы почти весь год не разговаривали, — продолжил Гарнер. — С января по август тридцать пятого. С Нового года до моего отпуска. Ни словечка не сказали.

— Да ну? — заинтересовался Мэйкон. — Даже «передай соль» или «открой окно»?

— Даже этого.

— А как же вы жили-то?

— В основном она жила у сестры.

— Ах так.

— Утром в первый день отпуска мне было так паршиво, аж сдохнуть хотелось. Чего же это я вытворяю? — сказал я себе. По межгороду позвонил в Оушен-Сити и заказал номер на двоих. Межгород, тогда это была такая морока, доложу я вам. Одна телефонистка, другая телефонистка, и все это стоило кучу денег. Потом побросал я в чемодан кое-какие шмотки, свои и Бренды, и поехал к ейной сестре. «Чё те надо?» — встречает меня сестрица. Такая склочная баба. Я мимо нее. Бренда сидит в гостиной, штопает чулок. Открываю чемодан. Глянь, говорю. Вот твое платье на бретельках, чтоб сходить в ресторан морепродуктов. Двое шортов. Пара блузок. Купальник. Она и ухом не ведет. Твой халат, говорю, и ночнушка с медового месяца. Она сидит, будто меня здесь и нет. Бренда, говорю, мне, говорю, девятнадцать, и второй раз девятнадцать уже не будет. Не будет, говорю, еще одной жизни. Жизнь, Бренда, она, говорю, вроде как одна, и я уже ухлопал ее здоровенный кусок, пока весь такой гордый сидел один в пустой квартире, я, говорю, не шел на мировую, потому что шибко боялся, что ты скажешь «нет», но даже если сейчас ты скажешь «нет», хуже

мне уже не будет. Я самый одинокий человек на белом свете, говорю, пожалуйста, Бренда, говорю, поехали со мной в Оушен-Сити. И Бренда откладывает свою штопку и говорит: ладно, раз уж ты просишь, но ты, по-моему, забыл мою купальную шапочку. И мы поехали. — Гарнер победоносно откинулся в кресле. — Вот.

— Угу, — сказал Мэйкон.

— То есть вы уловили мою мысль?

— Какую?

— Надо ей намекнуть, что она вам нужна.

— Знаете, Гарнер, по-моему, мы с ней уже миновали всякую ерунду вроде намеков…

— Не взыщите, Мэйкон, но я скажу без обиняков: порой вы слегка огорчаете. Я не о себе, учтите, я-то понимаю. Но вот других соседей это маленько задевает. Вот, скажем, ваше несчастье. Я к тому, что в таких случаях люди всегда хотят оказать поддержку — ну там прислать цветы, зайти проститься с покойным, принести запеканку на поминки. Но у вас даже панихиды не было. И словом не обмолвились, но где-то там в богом забытой Вирджинии провели кремацию и прямиком домой. Пег Эверетт говорит вам, что молится за вас; благослови вас Господь, отвечает ей Сара, а что сказали вы? Спросили, не возьмет ли ее сын

велик Итана, а то все равно выбрасывать.

Мэйкон простонал.

— Верно, — сказал он. — Я не знаю, как себя вести в таких случаях.

— И затем вы стрижете лужайку как ни в чем не бывало.

— Так трава-то растет.

— Да любой бы с радостью сделал это за вас.

— Спасибо, конечно, но работа доставила мне удовольствие.

— Вот. Понимаете, к чему я клоню?

— Нет, погодите. Давайте немного упорядочим нашу беседу…

— Вот об этом-то я и говорю!

— Вы начали о Саре. И перескочили на то, как я огорчаю соседей.

— Так это одно и то же. Может, вы не в курсе, но со стороны вы смотритесь, как будто вы сам по себе. Вы гляньте, как вы ходите! Вы ж несетесь галопом, голова впереди ног. Если кто попробует вас остановить, чтоб… я не знаю… ну там выразить соболезнование, вы же его стопчете. Я-то знаю, что вам не все равно, и вы это знаете, но как это выглядит для других, скажите на милость? Неудивительно, что она взяла и ушла.

— Я ценю вашу заботу, Гарнер, но Сара пре-

красно знает, что мне не все равно. Не такой уж я недотепа, каким вы меня выставляете. И потом, наш случай не из простенького разряда брак-этот-можно-спасти. Я хочу сказать, вы чертовски *заблуждаетесь*, Гарнер.

— Ладно. — Старик уставился на бейсболку, потом резко ее напялил: — Принесу-ка я вашу почту.

— Хорошо. Спасибо.

Шаркая, Гарнер вышел на улицу. Его уход встревожил Эдварда, пес опять залаял. Мэйкон разглядывал свою гипсовую броню и прислушивался к репликам мыльной оперы, доносившимся из гостиной. Эдвард крутился у двери, подвывая и стуча когтями. Вернулся Гарнер.

— В основном каталоги, — сказал он, сгружая ношу на стол. От него пахнуло уличной свежестью и сухими листьями. — С газетами не заморачивайся, сказала Бренда, выкинь, и все.

— Да, конечно. — Мэйкон встал. Пожали друг другу руки. Жесткая ладонь и узловатые пальцы Гарнера на ощупь были точно скомканная бумага. — Спасибо, что зашли.

— Пустяки, — сказал Гарнер, глядя в сторону.

— Вы уж извините, если я… показался несдержанным.

— Да нет. — Гарнер вяло махнул рукой: — Бог-то с ним. Не берите в голову.

Он развернулся к выходу, и Мэйкона тотчас затопило доводами, которые надо было привести. Не я один виноват, хотел он сказать. Сара тоже приложила руку. Ей нужен человек-скала, хотел он сказать, такой вот несокрушимый. Иначе почему она выбрала в мужья меня? Но он промолчал и только смотрел старику в затылок. В бурой морщинистой ложбинке, резко обозначенной шейными жилами, было что-то жалкое.

С работы вернулись братья, в доме воцарилось умиротворение. В гостиной Роза задернула шторы и зажгла неяркий свет. Чарлз и Портер переоделись в свитеры. Мэйкон готовил свою особую салатную заправку. Он считал, что если пряности сперва потолочь в ступке, вкус будет совсем иной. Все соглашались, что заправка ему удается как никому. «Вот ты уехал, — жаловался Чарлз, — и нам пришлось перебиваться магазинной дрянью». Он так говорил, словно Мэйкон куда-то отъезжал на неделю-другую, как будто все его супружество было лишь недолгой отлучкой.

На ужин Роза подала тушеное мясо, салат с заправкой Мэйкона и печеную картошку, их издавна любимое блюдо. Они пристрастились к ней

еще малышней, и даже потом, когда подросли и могли приготовить себе что-то иное, всякий раз, как Алиша оставляла их на собственное попечение, питались исключительно печеной картошкой. В запахе печеного «айдахо» было что-то невероятно уютное и еще что-то такое *непреходящее*, как это для себя называл Мэйкон. Он хорошо помнил те давнишние зимние вечера: за кухонными окнами чернота, в углах копошится мохнатая тьма, а они вчетвером сидят за щербатым эмалированным столом и тщательно обмазывают маслом выскобленные картофелины. Пока масло впитывалось сквозь кожуру, готовился маринад; кожура сохранялась до самого конца. Это стало почти ритуалом. Помнится, однажды мать куда-то надолго отъехала и ее подруга Элиза приготовила им какую-то квелую фаршированную фигню, даже отдаленно не похожую на настоящую печеную картошку, под названием «картофельные кораблики». Они брезгливо сморщились, выковырнули начинку и съели только кожуру, притворившись, что не заметили кулинарной оплошности. Кожура должна хрустеть. Солить не надо. Перец должен быть свежемолотым. Паприка допускалась, но лишь американская. Венгерская чересчур жгу-

чая. Мэйкон обходился без нее вообще.

За ужином Портер вслух раздумывал, что ему делать с детьми. Завтра очередное еженедельное свидание, он поедет в Вашингтон, где дети его жили с матерью.

— Штука в том, — говорил он, — что ресторанная кормежка ужасно ненатуральная. Настоящей едой там и не пахнет. И потом, у троицы моей разные вкусы. Вечно они спорят, куда пойти. Одна на диете, другая стала вегетарианкой, третий не выносит хрустящей еды. Кончается тем, что я ору: «Всё! Хватит! Идем туда-то!» И весь вечер все сидят надутые.

— Может, тебе вообще не ездить? — резонно предложил Чарлз. (Своих детей у него не было.)

— Да нет же, я хочу их проведать. Просто желательна иная программа. Знаешь, что было бы идеально? Чтоб мы вместе что-нибудь мастерили. Как было до развода, когда Дэнни помогал мне сменить фильтр в водонагревателе, а Сьюзан сидела на доске, которую я пилил. Вот если б я приехал, а Джун с мужем свалили в кино или еще куда, и мы бы с ребятишками прочистили водостоки, утеплили окна, заизолировали трубы с горячей водой… От муженька этого толку ноль, наверняка трубы так и остались голые. Я бы даже

захватил свои инструменты. Чудесно провели бы время! Сьюзан сварила бы нам какао. А вечером я бы собрал свои причиндалы и отбыл, оставив дом в идеальном состоянии. Джун должна бы ухватиться за такой шанс.

— Так предложи ей, — сказал Мэйкон.

— Нет. Она не согласится. Такая непрактичная. На прошлой неделе я ей говорю: ты заметила, говорю, что на крыльце ступенька расшаталась? Наступишь, она гуляет. Да ладно, отвечает, так всегда и было. Словно это предписано свыше и поделать ничего нельзя. Водосток забит прошлогодней листвой, а она мне — это же природа, зачем идти против нее? Ужасно непрактичная.

Сам Портер был практичен невероятно, такого еще поискать. Из всех Лири только он разбирался в финансах. Лишь благодаря его финансовым способностям семейное дело, не особо прибыльное, держалось на плаву. В начале века дед Лири основал скобяную фабрику, которая в 1915-м перешла на выпуск бутылочных крышек. Он себя величал «Закупорочным королем», и прозвище это помянули в его некрологе, но вообще-то основным производителем крышек была «Бутылочная пробка», а дед Лири плелся на втором, а то и третьем месте. Единственный сын его, За-

купорочный принц, едва заняв отцовское место, добровольцем ушел на Вторую мировую войну, выказав взбалмошность несравнимо опаснее любого закидона Алишы. После его гибели дело кое-как ковыляло без особых достижений, но и без полного краха, пока свежеиспеченный дипломированный специалист Портер не взял финансы в свои руки. Для него деньги были сродни летучему химическому веществу, которое в соединении с другими веществами дает любопытную реакцию. Портер не стремился к наживе, его интересовали не сами деньги, но захватывающие возможности, которые они открывали; кстати, после развода он без единого слова почти все свое имущество отдал жене.

Компанией управлял Портер, он контролировал финансы и рождал идеи. Чарлз, больше технарь, отвечал за производство. Когда Мэйкон работал на фабрике, он занимался всем понемногу, но чаще изнывал от скуки, поскольку для третьего человека дела, в общем-то, не было. Лишь в угоду семейной гармонии Портер постоянно уговаривал его вернуться.

— Слушай, Мэйкон, — и сейчас сказал он, — а не хочешь завтра прокатиться с нами, глянуть на свое былое поприще?

— Нет, спасибо, — ответил Мэйкон.

— На заднем сиденье ты и с костылями умостишься.

— Как-нибудь в другой раз.

После ужина Роза носила посуду в мойку, братья мотались следом. Помощь Роза не принимала — мол, у нее своя система мытья посуды. Бесшумно порхая по старомодной кухне, она расставляла тарелки в высокие деревянные шкафы. Чарлз вывел собаку — на костылях Мэйкон увяз бы в рыхлой земле. Портер задернул кухонные шторы и теперь просвещал Розу: ночи стали прохладнее, однако светлые поверхности отдают тепло помещению.

— Да знаю я. — Роза глянула салатницу на просвет и убрала в шкаф.

Потом все исполнительно посмотрели теленовости, а затем перешли на террасу и сели за ломберный столик, наследие деда с бабкой. Карточная игра «Прививка», которую в детстве они сами придумали, с годами стала такой головоломной, что никому другому не хватало терпения ей обучиться. Новичков возмущало, что правила ее менялись в зависимости от обстоятельств.

— Нет, минутку, — говорила Сара, еще не потеряв надежду освоить игру. — По-моему, вы

сказали, что туз — старшая карта.

— Верно.

— Значит…

— Только если не берешь его из колоды.

— Ага. А почему Розин туз старший, ведь он из колоды?

— Потому что она его вытащила после двойки.

— Старшим считается туз, который оказался следом за двойкой?

— Нет, старший тот, который берешь за маленькой картой, вышедшей два раза подряд.

Сара свернула свой карточный веер и лицом вниз положила его на стол — из невесток она сдалась последней.

Мэйкон угодил в карантин, ему пришлось передать свои карты Розе. Та придвинулась ближе и ходила вместо него, а он, откинувшись в кресле, почесывал кошку за ухом. В застекленном переплете террасы Мэйкон видел собственное и сестрино отражения, казавшиеся выразительнее своих прототипов: черные провалы глаз, острые скулы.

В гостиной сдавленно тренькнул, а потом в полный голос прозвонил телефон. Никто, похоже, его не услышал. Роза королем побила даму Портера.

— Вот же зараза, — сказал Портер.

Телефон прозвонил еще и еще раз. На четвертом звонке осекся и смолк.

— Прививка! — Роза покрыла тузом короля.

— Ты воистину зараза, сестрица.

С портрета на стене маленькие Лири бросали затуманенные взоры. А ведь мы сидим почти в той же композиции, подумал Мэйкон. По бокам Чарлз и Портер, на первый план вылезла Роза. И что изменилось? Кольнуло нечто очень похожее на панику. Вот он здесь! Все тот же! *И чего я достиг?* — спросил себя Мэйкон. Сглатывая ком в горле, он смотрел на свои пустые руки.

Глава шестая

— На помощь! Уберите собаку!

Мэйкон перестал печатать и поднял голову. Вопли с улицы превосходили уровень истеричности. Но Эдвард гулял с Портером. Очевидно, речь о какой-то другой собаке.

— Уберите ее к чертовой матери!

Мэйкон встал и, опираясь на костыли, добрался до окна. Да нет, речь об Эдварде. Похоже, он кого-то загнал на огромную магнолию по правой стороне дорожки. Пес осатанело лаял и подпрыгивал на четырех лапах одновременно, точно игрушка, подчиняющаяся нажатию резиновой груши.

— Эдвард! Прекрати! — крикнул Мэйкон.

Эдвард не прекратил. Наверное, он даже не слышал команды. Мэйкон проковылял в прихожую и открыл входную дверь:

— Иди сюда сейчас же!

Эдвард даже не сбился с ритма.

Воскресное утро в начале октября выдалось бледно-серым и промозглым. На крыльце нога без штанины озябла. Мэйкон выронил костыль,

но успел ухватиться за железное перильце в бисеринах росы.

Он допрыгал до магнолии и, качко нагнувшись, схватил поводок, волочившийся за псом. Потом без особого труда намотал его на руку, поскольку Эдвард уже терял интерес к событию. Мэйкон вгляделся в чернильную тьму магнолии.

— Кто здесь? — спросил он.

— Твой работодатель, Мэйкон.

— Джулиан?

Начальник слез с хлипкой ветки в раскидистой кроне магнолии. Брюки его измазались. Светлые волосы, всегда аккуратно уложенные, точно у молодца с рекламы рубашек, сейчас торчали в разные стороны.

— Мэйкон, я всей душой ненавижу людей с очумелыми собаками, — сказал он. — К собакам претензий нет, ненавистны хозяева.

— Ради бога, извини. Я думал, пес гуляет.

— Он у тебя сам по себе гуляет?

— Да нет…

— Пес отправляется на одинокий променад. Такое возможно только у Мэйкона Лири. — Джулиан обмахнул замшевый пиджак. — Что у тебя с ногой?

— Сломал.

— Я вижу. Но как тебя угораздило?

— Глупое недоразумение, — сказал Мэйкон.

Они пошли к дому, рядом послушно трусил Эдвард. Джулиан помог Мэйкону взобраться на крыльцо. Спортивного телосложения, он двигался с небрежной ленцой гребца, которого в нем выдавали докрасна обветренное лицо и нос, обгорелый даже в эту пору года. Человеку с такой светлой кожей, остерегал его Мэйкон, нельзя подолгу находиться на солнце. Но в этом был весь Джулиан — бесшабашный. Удалой яхтсмен, лихач за рулем, завсегдатай баров знакомств, он делал покупки, не советуясь с «Потребительским вестником». И сейчас держался абсолютно беззастенчиво, словно в этом доме его заждались; он подал Мэйкону упавший костыль и, придержав дверь, махнул рукой — мол, заходи.

— Как ты меня нашел? — спросил Мэйкон.

— А что, ты скрываешься?

— Нет, конечно.

Джулиан оглядел прихожую, которая Мэйкону тотчас показалась убогой. На шелковом абажуре настольной лампы зияли прорехи, он, похоже, отжил свой век.

— Твой сосед поведал, где тебя искать, — наконец сказал Джулиан.

— А, Гарнер.

— Я к тебе заехал, когда не смог дозвониться. Ты понимаешь, что безбожно опаздываешь с путеводителем?

— Ты же видишь, произошел несчастный случай.

— Все начеку, требуют рукопись. Я как попугай повторяю, что жду ее ежеминутно, но…

— С минуты на минуту.

— Что?

— Ждешь с минуты на минуту.

— Да, но пока я получил лишь две главы и никаких объяснений.

Не умолкая, Джулиан прошел в гостиную и сел в самое удобное кресло.

— Где Сара? — спросил он.

— Кто?

— Твоя жена, Мэйкон.

— А. Кх-м. Мы с ней… — Мэйкон подумал, что надо бы потренироваться произносить это вслух. Слово «расстались» казалось чересчур лобовым, оно годилось только для других. Мэйкон долго усаживался на диван, пристраивал костыли и наконец выговорил: — Она снимает квартиру в городе.

— Вы *разбежались*?

Мэйкон кивнул.

— О господи!

Эдвард носом подтолкнул руку Мэйкона — давай, гладь меня. Мэйкон обрадовался, что нашлось какое-то занятие.

— Бог мой, из-за чего? — спросил Джулиан.

— Ни из-за чего! — Вышло излишне громко, и Мэйкон, приглушив голос, добавил: — То есть я не могу тебе ответить.

— Ах так, извини.

— Я в том смысле, что ответа *нет*. Как выяснилось, такое случается без всякого повода.

— Да уж, вам обоим крепко досталось. Черт, это несчастье и все такое… Она вернется, когда это изживет… не избавится, нет, а…

— Возможно. — Мэйкону стало неловко за Джулиана, дрыгавшего ногой в мокасине. — Что ты думаешь о первых двух главах?

Джулиан открыл рот, но Эдвард не дал ему ответить. Заливисто лая, пес кинулся в прихожую, где распахнувшаяся дверь шарахнула по батарее. «Замолчи!» — послышался Розин голос. Через секунду сестра заглянула в гостиную. Джулиан встал.

— Джулиан Эдж, — представил его Мэйкон. — А это моя сестра Роза. — Он заметил Чарлза, возник-

шего за ее спиной, и добавил: — И брат Чарлз.

Роза и Чарлз, нагруженные покупками, не могли подать руку. Прижимая к груди коричневые пакеты, они вошли в комнату, а Джулиан пустился в свое обычное шутовство:

— У Мэйкона Лири сестра! Да еще и брат. Почему-то мне и в голову не приходило, что у него есть родственники.

Роза ответила вежливой озадаченной улыбкой. Выглядела она не лучшим образом, длинное черное пальто совершенно обесцветило ее лицо. А взъерошенный Чарлз пыхтел, пытаясь перехватить пакет, выскальзывавший из рук.

— Позвольте я вам помогу. — Джулиан взял у Чарлза пакет и заглянул внутрь. Мэйкон испугался, что сейчас он пройдется по поводу покупок Мэйкона Лири, но этого, слава богу, не произошло.

— Да, теперь я вижу родовое сходство, — сказал Джулиан, глядя на Розу.

— Вы издатель Мэйкона, — ответила та. — Я запомнила ваше имя в адресе.

— Простите?

— Это я отправляла вам готовые главы.

— Ах вот как.

— Я должна отправить новую порцию, но сперт-

ва надо купить конверты девять на двенадцать. У нас остались только десять на тринадцать. Ужасно, когда что-то не по размеру. Очень некрасиво.

— Угу. — На секунду Джулиан задержал на ней взгляд.

— Не будем тебя отрывать от дел, Роза, — сказал Мэйкон.

— Пустяки! — Она улыбнулась Джулиану, вскинула пакеты повыше и вышла из комнаты. Чарлз забрал у Джулиана пакет и побрел следом за ней.

— Мэйкон Лири и его кризис конвертов девять на двенадцать, — провозгласил Джулиан, вновь усаживаясь в кресло.

— Ну хватит уже, а? — сказал Мэйкон.

— Извини. — Джулиан вроде как удивился.

Помолчали.

— Нет, правда, Мэйкон, я понятия не имел. В смысле, если б ты хоть намекнул, что у тебя происходит…

Он опять задрыгал ногой. Казалось, без постоянных подколок ему неуютно. После смерти Итана он долго избегал Мэйкона; прислал несуразно огромный букет, но с тех пор имя мальчика никогда не упоминал.

— Слушай, — наконец проговорил Джулиан, —

если тебе нужен еще, скажем, месяц…

— Чепуха, — отмахнулся Мэйкон. — Подумаешь, жена ушла — другую найдем, верно? Ха-ха. Ладно, давай-ка ты глянешь, что уже готово.

— Ну смотри сам.

— И тогда останется только заключение, — через плечо бросил Мэйкон, пробираясь в столовую, где на буфете стопкой лежали отпечатанные главы. — А это пара пустяков. В основном я перекатаю старый вариант.

Он вернулся в гостиную, отдал рукопись Джулиану и опять сел на диван. Издатель начал читать. В прихожей оглушительно залаял Эдвард, встречая Портера.

— Уродина! — донесся голос брата. — Ты знаешь, сколько я тебя искал?

Надрывался телефон, никто не брал трубку. Джулиан посмотрел на Мэйкона, вскинул брови, но ничего не сказал.

Они познакомились лет двенадцать назад, когда Мэйкон еще работал на пробочной фабрике, но уже приглядывал себе иное занятие. Он возомнил, что мог бы работать в газете. Правда, не было специального образования, даже каких-нибудь журналистских курсов. И тогда он пошел единственно возможным путем: на правах вне-

штатного автора отправил заметку в местный еженедельник. Темой стала вашингтонская ярмарка ремесел. *Добраться туда непросто*, писал он, *ибо шоссе так пустынно, что вам начинает казаться, будто вы заблудились, и вас охватывает тоска. Но вот вы добрались на место, и стало еще хуже. Улицы там совсем не похожи на наши, они какие-то косые.* Далее он оценивал еду, купленную в уличном киоске; она не понравилась непривычными специями: *нечто желтое и холодное, этакое, я бы сказал, заморское*, а посему на другой стороне улицы он купил хот-дог у лоточника, который даже не участвовал в ярмарке. *Вот хот-дог я смело рекомендую*, писал он, *хотя он заставил меня слегка взгрустнуть, поскольку моя жена Сара использует тот же соус чили, и едва я его учуял, как тотчас затосковал по дому.* Еще он лестно отозвался о лоскутных одеялах: одно с узором в виде звездной россыпи напомнило ему одеяло в бабушкиной спальне. Он советовал читателям уехать с ярмарки не позже половины четвертого: *ведь на обратном пути вы минуете лексингтонский рынок и непременно захотите купить крабов, покуда он не закрылся.*

Заметку опубликовали под шапкой ИНСТРУКТАЖ ПО

ПРЕЛЕСТЯМ ЯРМАРКИ РЕМЕСЕЛ, а ниже дали подзаголовок: *или Я Просто Жутко Исстрадался по Дому*. Лишь увидев второе название, Мэйкон понял тон своего очерка. И почувствовал себя дураком.

Но Джулиан Эдж счел материал превосходным и позвонил автору:

— Статейка о хот-догах в «Страж-птице» ваша?

— Ну да.

— Ха!

— Не вижу ничего смешного, — сухо сказал Мэйкон.

— Никто и не смеется. Отличная работа. У меня к вам предложение.

Они встретились в закусочной «Старая бухта», куда дед с бабкой водили детей отмечать дни рождения.

— Рекомендую крабовый суп, — сказал Мэйкон. — Он ни капли не изменился с тех пор, как мне стукнуло девять.

— Ха! — опять воскликнул Джулиан и покачался на стуле. Он был в рубашке-поло и парусиновых брюках, нос его отливал ярко-розовым. Стояло лето, может, конец весны. Во всяком случае, он уже спустил лодку на воду. — Вот, значит, какая идея, — поведал он за супом. — Я владею неболь-

шой компанией «Пресса бизнесмена». Ну как, относительно небольшой. Вообще-то наш охват от побережья до побережья. Продукция без претензий, но, знаете ли, полезная. Еженедельники, ордерные книжки, таблицы сложных процентов и конвертации иностранной валюты… А теперь я хочу выпустить путеводитель для деловых поездок. Сперва по Штатам, а потом, может, и по заграницe. Под каким-нибудь манящим названием вроде *Случайный турист*. А вы его напишете.

— Я?

— Я это понял, едва прочел ваш опус о хот-догах.

— Но я ненавижу поездки.

— Нетрудно догадаться. Бизнесмены тоже их ненавидят. То есть они раскатывают по стране не ради ее прелестей. В своих гостиных им было бы куда как лучше. И вы поможете создать впечатление, что они их даже не покидали. — Из нагрудного кармана он вытащил бумажный пакет: — Что вы об этом скажете?

На металлической пластине было выгравировано большое мягкое кресло с притороченными к спинке огромными перистыми крыльями наподобие тех, с какими в древних Библиях изображали серафимов. Мэйкон сморгнул.

— Ваш логотип, — пояснил Джулиан. — Доходчиво?

— Хм…

— В то время как кресельные путешественники мечтают о перемене мест, путешествующие кресла мечтают не трогаться с места. Я думаю поместить логотип на обложке.

— Вон как! — уразумел Мэйкон. — А мне самому придется ездить?

— Ну да.

— Ох!

— Весьма скоротечно. Энциклопедия не требуется, совсем наоборот. И учтите доход.

— Ожидается доход?

— Куча денег.

Куча не куча, но книжка и впрямь обеспечила безбедную жизнь. Она хорошо раскупалась в аэропортах, на вокзалах, в магазинах канцтоваров. Путеводитель по Франции имел еще больший успех. Он стал частью рекламной кампании международного агентства по прокату автомобилей и продавался в одной упаковке с «Разговорником бизнесмена», на немецком, французском и испанском предлагавшим фразы типа «Мы ожидаем рост зарубежных капиталов». Мэйкон, конечно, не работал над разговорником.

Из иностранных языков он знал только латынь.

Сейчас Джулиан закончил чтение и собрал страницы.

— Превосходно, — сказал он. — По-моему, в таком виде можно отправлять. С заключением еще много возни?

— Не особо.

— Дальше я планирую новый заход по Штатам.

— Так скоро?

— Три года прошло, Мэйкон.

— Да, но… — Мэйкон кивнул на свою ногу: — Как видишь, путешествовать мне затруднительно.

— Когда снимут гипс?

— Первого ноября, самое раннее.

— Да? Это недолго.

— Но я вправду считаю, что Штаты я уже окучил. — Мэйкон ощутил странную усталость. Второй раз по бесконечному кругу: Бостон, Атланта, Чикаго… Он откинул голову на диванную спинку.

— Все меняется каждую минуту, — сказал Джулиан. — Изменения — вот что позволяет нам быть в плюсах. Где б мы сейчас были, торгуй мы устаревшими путеводителями?

Мэйкон вспомнил от старости рассыпавшиеся «Советы путешествующим в Европу» из дедовой

библиотеки. *Поставьте на кровать бокал вверх дном,* поучала книга, *если он запотеет — значит, простыни сырые.* Рекомендация дамам: *прежде чем упаковать флаконы духов в баул, залейте пробки расплавленным свечным воском.* Казалось, книга обращается к беззащитным странникам, испуганно сбившимся в кучу. Наверное, Мэйкон был бы не прочь попутешествовать в то время.

Джулиан собрался уходить. Он встал, Мэйкон, закряхтев, тоже поднялся. Эдвард, учуявший, что кто-то уходит, влетел в гостиную и вновь загавкал.

— Эдвард, хватит! — перекрывая лай, крикнул Мэйкон и извиняющимся тоном добавил: — Видимо, в нем говорит пастуший инстинкт. Хуже нет, если кто-то отбился от стада.

Они двинулись из комнаты, стараясь не наступить на брехавшего пса, крутившегося под ногами. В прихожей Эдвард перегородил входную дверь. К счастью, никто не снял с него поводок, и Мэйкон, передав один костыль Джулиану, нагнулся и схватил ременную петлю. Почувствовав рывок, Эдвард обернулся и зарычал.

— Ого! — сказал Джулиан, ибо ощерившийся Эдвард был воистину страшен. Клыки его будто в разы увеличились. Он цапнул поводок, звучно

клацнув зубами. А потом укусил руку Мэйкона.

Тот ощутил его жаркое дыхание и странную интимность влажной пасти. Укус больше походил на толчок, этакий удар током от электроизгороди. Выпустив поводок, Мэйкон отпрянул и выронил второй костыль, загремевший по полу. Казалось, прихожая, в которой воздух вдруг стал колючим, забита костылями.

— Ничего себе! — во внезапно наступившей тишине проговорил Джулиан. Эдвард уселся и пристыженно засопел. — Он тебя укусил?

Мэйкон посмотрел на ладонь. Четыре красные точки — две с наружной стороны, две изнутри. Крови не было совсем, болело несильно.

— Все хорошо, — сказал он.

Джулиан подал ему костыли, не спуская глаз с Эдварда.

— Такую собаку я бы не держал. Я бы ее пристрелил.

— Просто он меня защищал, — сказал Мэйкон.

— Я бы вызвал надзор за животными.

— Слушай, ты иди, пока он успокоился.

— Или этот, как его, собачий отлов. Скажи, мол, хочешь избавиться от собаки.

— Давай, иди, Джулиан.

— Что ж, ладно. — Джулиан бочком протиснул-

ся в дверь, косясь на Эдварда. — Пес негожий, — бросил он напоследок.

Мэйкон заковылял вглубь дома, Эдвард, пофыркивая, понуро плелся следом. В кухне Роза со стремянки принимала продукты, которые ей подавали Чарлз и Портер, и укладывала их в высокий шкаф с застекленной дверцей.

— Теперь давайте все, что на «м».

— Макароны сгодятся? — спросил Портер. — Они же на «м». А рожки на «р».

— Да, а лапша на «л». Ее надо было подать раньше.

— Роза, — окликнул Мэйкон, — меня тут Эдвард немножко укусил.

Конвейер остановился, Роза, Чарлз и Портер посмотрели на вытянутую руку Мэйкона. Теперь он уже чувствовал саднящую боль.

Роза ахнула и слезла со стремянки.

— Как же это вышло?

— Да так, случайно. Но продезинфицировать стоит.

— Надо сделать противостолбнячный укол, — сказал Чарлз.

— И потом избавиться от этой собаки, — добавил Портер.

Все посмотрели на Эдварда. Тот нервно оскла-

бился.

— Он нечаянно, — сказал Мэйкон.

— Нечаянно чуть не отхватил тебе руку по локоть? Говорю, надо от него избавиться.

— Нет, я не смогу, — покачал головой Мэйкон.

— Почему это?

— Ну, понимаешь…

Все ждали.

— Ты знаешь, я не возражаю против кошки, — сказала Роза. — А Эдвард ужасный неслух. И с каждым днем все непослушнее.

— Можно кому-нибудь его отдать, кому нужна сторожевая собака, — предложил Чарлз.

— На бензоколонку, — поддержала Роза, из выдвижного ящика доставая бинт.

— Ни за что. — Мэйкон сел на стул, указанный Розой, и поставил костыли в угол. — Эдвард один-одинешенек на какой-нибудь заправке? Да он с горя помрет.

Роза обработала ранки меркурохромом. В местах укуса ладонь опухла и посинела.

— Пес привык спать со мной, — сказал Мэйкон. — Он никогда не жил один.

Кроме того, по натуре Эдвард был добрый, просто слегка взбалмошный. Он чувствовал настроение Мэйкона, любил его и всюду ходил за

ним хвостом. Зигзагообразный рисунок на лбу придавал ему озабоченный вид. Заостренные уши, большие и бархатистые, были несравнимо выразительнее, чем у других собак: в минуты радости они торчали в разные стороны, словно крылья аэроплана. И пахло от него неожиданно приятно — он источал сладковатый запах любимого свитера, который нестираным пролежал в комоде.

И еще он был собакой Итана.

Когда-то Итан его расчесывал, купал, они вместе возились на полу; бывало, Эдвард задирал лапу, чтобы поскрести за ухом, а Итан на полном серьезе ему предлагал: «Позволь, я тебе почешу». Каждый день они смотрели в окно, дожидаясь дневной газеты; едва ее доставляли, Итан командовал: «Неси!» — и пес, мелькая пятками, радостным наметом летел по лужайке. Схватив газету, Эдвард на секунду замирал и оборачивался, проверяя, следят ли за ним, а затем с невероятно важным видом шествовал обратно и притормаживал перед зеркалом в прихожей, чтоб на себя полюбоваться. «Задавака», — ласково говорил Итан. Когда Итан готовился бросить теннисный мячик, Эдвард приходил в такой восторг, что вилял не только хвостом, но всем

задом. От футбольного мяча он вообще терял голову — свирепо рыча, трепал его и бодал, загонял в живую изгородь, а Итан смеялся, и смех его, такой живой, звонкий и чистый, плыл в теплом вечернем воздухе.

— Я просто не смогу, — сказал Мэйкон.

Роза так нежно забинтовала ему руку, что он ничего не почувствовал, и, подоткнув кончик бинта, взяла пластырь.

— Может, отправить его в дрессировочную школу? — сказала она.

— Там учат всяким мелочам — «к ноге!» и прочему, — возразил Портер. — У нас тут дело серьезнее.

— Вовсе нет! — вскинулся Мэйкон. — Это все чепуха. Женщина из «Мяу-Гав» прекрасно с ним поладила.

— Что за «Мяу-Гав»?

— Пансион, он там жил, пока я был в Англии. Та женщина просто влюбилась в него. Предлагала позаниматься с ним.

— Так позвони ей, чего ты?

— Наверное, позвоню.

Конечно, он не стал звонить. Женщина какая-то странная. Сейчас не до того.

В воскресенье утром Эдвард разодрал сетчатую

дверь, пытаясь добраться до пожилого соседа, который хотел одолжиться гаечным ключом. Днем он набросился на Портера, не желая выпускать его из дома, и тому пришлось тайком выбираться черным ходом.

— Это возмутительно! — заявил Портер. — Мэйкон, когда ты наконец позвонишь в свой «Кит-Кэт» или как его там?

По воскресеньям «Мяу-Гав» наверняка не работает, отговорился Мэйкон.

В понедельник на прогулке Эдвард кинулся на утреннего бегуна и, дернув поводок, уронил Розу. Домой она вернулась с ободранной коленкой.

— Ты еще не звонил в «Мяу-Гав»? — спросила сестра.

— Нет пока, — сознался Мэйкон.

— Пожалуйста, объясни мне кое-что, — очень спокойно сказала Роза.

— Что именно?

— Почему ты пускаешь это на самотек?

В том-то и дело, что Мэйкон не мог объяснить. Он и сам зашел в тупик. Выходки Эдварда бесили, но он воспринимал их этакой божьей карой. И был бессилен перед ними. Когда чуть позже пес подошел к нему с изжеванным ремнем Портера, свисавшим из пасти, Мэйкон только вздохнул:

— Ох, Эдвард…

Он сидел на диване, засмотревшись на особенно душераздирающую сцену в Розиной мыльной опере. И поймал на себе Розин взгляд. Очень странный взгляд. В нем читался не укор, а скорее… Как назвать-то? Безнадежность. Да, вот точное слово. Вот так же она смотрела бы на, скажем, одурманенную развалину в человеческом обличье, бесцельно бредущую по улице. Взгляд ее говорил, что бедолаге уже ничем не поможешь.

— Ветклиника «Мяу-Гав».

— Могу я… э-э… попросить Мюриэл?

— Минуту.

Мэйкон ждал, опершись на шкаф (он воспользовался телефоном в кладовой). В трубке два женских голоса обсуждали укол от бешенства Пушистику Коэну. Потом возник голос Мюриэл:

— Алло?

— Это Мэйкон Лири. Вы меня, наверное, не помните…

— О, Мэйкон? Привет! Как там Эдвард?

— Знаете, неважно.

Мюриэл поцокала языком.

— На всех кидается. Рычит, кусается, жует вещи…

— Вам сосед сказал, что я к вам заезжала?

— Что? А, да, сказал.

— Как раз на вашей улице я выполняла одно поручение. Это у меня подработка такая. «Джордж» называется. Круто, да?

— Не понял?

— «Джордж». Название моей фирмы. Я сунула листовку вам под дверь. *Пусть это сделает Джордж*, сказано там, и за все проставлены цены: встреча в аэропорту, услуги шофера и курьера, покупки… Дороже всего покупка подарков, поскольку приходится полагаться на собственный вкус. Вы листовку не видели? Вообще-то я просто так к вам заглянула. А сосед сказал, вас давно не видно.

— Я ногу сломал.

— Вот незадача!

— Одному мне было не справиться…

— Вот и позвонили бы Джорджу.

— Какому Джорджу?

— Ну в фирму мою! Я ж только что рассказала.

— Ах да.

— И вам не пришлось бы покидать такой хороший дом. Он мне понравился. Вы там с женой жили, да?

— Ну да.

— Удивительно, как она согласилась его от-

дать.

— Понимаете, я уже на пределе, и вот подумал, не могли бы вы помочь с Эдвардом?

— Конечно, могу!

— Ну вот и замечательно.

— Я занимаюсь всем: поиск и тревога, поиск и спасение, бомбы, наркотики…

— Наркотики?

— Охранная натаска, боевая натаска, распознавание отравы, избавление от страха перед человеком…

— Погодите, для меня это темный лес.

— Я даже обучаю раздвоению личности.

— Как это?

— Когда с вами собака — лапушка, а всех прочих рвет в куски.

— Наверное, это выше моего понимания.

— Да ладно вам!

— У нас совсем небольшая проблема. Он виноват лишь в том, что хочет меня защитить.

— Это может зайти чересчур далеко, — сказала Мюриэл.

— Он как будто говорит: «За дверью джунгли, — попробовал пошутить Мэйкон. — Там опасно. Я в этом разбираюсь лучше тебя, Мэйкон».

— Вот как? Вы позволяете ему называть вас

по имени?

— Ну…

— Надо обучить его почтительности. Я буду приходить пять-шесть раз в неделю, пока не достигнем результата. Начну с основ, так оно всегда: «сидеть», «рядом»… Моя цена — пять долларов за урок. Вам льгота. Обычно я беру десять.

Мэйкон перехватил трубку:

— Может, и с меня возьмете десять?

— Нет, что вы! Вы же друг.

Мэйкон смешался. Он сказал свой адрес и условился о времени визита, но в нем росло чувство, что ситуация выходит из-под контроля.

— До завтра! — сказала Мюриэл. И повесила трубку.

За ужином Мэйкон оповестил родных, но отклик их был каким-то заторможенным.

— Ты вправду позвонил? — спросил Портер.

— Да, а что? — вскинулся Мэйкон, и тему тотчас свернули.

Глава седьмая

— В детстве я вовсе не любила собак, да и вообще животных, — говорила Мюриэл. — Мне казалось, они читают мои мысли. На день рождения предки подарили мне щенка, так он этак голову набок склонит… знаете эту их манеру, да?.. и сверлит меня своими яркими бусинами. «Уберите его от меня! — орала я. — Я не могу, когда на меня так смотрят!» — Переливчатый голос ее скакал по всем тональностям, то взлетая на пронзительные верха, то срываясь в хриплый рык. — Пришлось им отдать щенка соседскому мальчишке и купить мне совсем другой подарок — набор для завивки, о котором я давно мечтала.

Разговор шел в прихожей. Мюриэл так и стояла в своем черном ворсистом пальто, от которого веяло сороковыми годами: накладные плечи, длина три четверти. Эдвард сидел перед ней, исполняя ее команду. Встретил он ее в своей обычной манере, лаем и наскоками, но Мюриэл чуть ли не сквозь него вошла в дом и, указав на его зад, приказала псу сидеть. У Эдварда отвисла челюсть. Мюриэл нагнулась и указательным пальцем,

острым и длинным, ткнула его в огузок.

— А вы этак прищелкните языком, — сказала она и сама поцокала. — Собаки должны знать, что это означает похвалу. А когда я вот так вот вытягиваю руку, это приказ оставаться на месте.

Эдвард сидел, однако через равные промежутки попискивал, очень похоже на электрическую кофеварку. Мюриэл этого словно не замечала. Она начала говорить о плане занятий, а потом вдруг без всякой видимой причины съехала на свою биографию. Встать-то Эдварду уже можно? Сколько ему так сидеть?

— Вы спросите, зачем мне набор для завивки, когда я и так вон какая кучерявая, — говорила Мюриэл. — Прям старая швабра! Но если честно, я такая не от природы. Волосы у меня прямые и тонкие. Горе, да и только. Малышкой я была светленькая, представляете? Как сказочная принцесса. Все вокруг говорили, что если меня завить, я буду совсем как Ширли Темпл, ну мать и накрутила меня на банки из-под апельсинового сока. Еще у меня были голубые глаза, они долго такими оставались, дольше, чем у других младенцев. Все думали, такой я буду всегда, и говорили, мне надо сниматься в кино. Серьезно! Едва я начала ходить, мать записала меня в шко-

лу степа. Никто думать не думал, что волосы мои так подпакостят.

Эдвард заныл. Мюриэл посмотрелась в застекленную картину за спиной Мэйкона и ладонью приподняла свои волосы, словно взвешивая.

— Вы только представьте, каково это однажды утром проснуться и обнаружить, что ты потемнела. Матушка моя чуть не померла, ей-богу. Вот вам заурядная дочка: тусклые карие глаза и черные как смоль волосы.

Мэйкон понимал, что должен как-нибудь возразить, но больше тревожился за Эдварда.

— М-да, — промычал он. — Может, позволим ему встать?

— Что? А, вы о собаке. Еще минутку. Ну вот, значит. А курчавость появилась, когда я сделала фигню под названием «пышный перманент». Не слыхали о таком? По идее, он просто дает крупные волнистые локоны, но что-то пошло не так. И это еще цветочки! Если я пытаюсь щеткой расчесать волосы, они встают торчком. Буквально. Как клоунский парик, понимаете? Так что я даже не могу расчесаться. Утром проснулась — и вперед, какая есть. Господи, о колтунах даже страшно подумать.

— А если попробовать гребешком? — предло-

жил Мэйкон.

— Не протащить. Все зубчики поломаются.

— Есть такие с толстыми зубьями, ими пользуются чернокожие.

— Я знаю, о чем вы говорите, но как-то неловко покупать такой гребень.

— Почему? — удивился Мэйкон. — Они висят в супермаркетах. Ничего сложного. Возьмите молоко, хлеб, еще что-нибудь и африканский гребень, никто не обратит внимания.

— Может, вы и правы. — Казалось, Мюриэл потеряла интерес к теме, втянув собеседника в разговор. — Гуляй! — Она щелкнула пальцами над головой Эдварда. Пес вскочил и залаял. — Это было очень хорошо.

По правде, это было настолько хорошо, что Мэйкон почувствовал себя немного обманутым. «Неужели все так просто?» — хотелось спросить. Эдвард исправился слишком быстро — так исчезает зубная боль, едва переступишь порог приемной дантиста.

Мюриэл сдернула с плеча сумку и поставила ее на столик. Из сумки появился длинный синий поводок со строгим ошейником.

— Он должен носить его постоянно, — сказала Мюриэл. — Весь срок обучения. Так вы сможете

его одернуть за плохой поступок. Поводок стоит шесть долларов ровно, ошейник — два девяносто пять. Плюс налог, и выходит… сейчас… девять сорок. Можете расплатиться в конце занятия.

Через голову она надела Эдварду ошейник и замерла, разглядывая ноготь.

— Если еще один сломаю, я взбешусь, — поделилась Мюриэл.

Потом отшагнула и выставила палец. Помешкав, пес сел. Сейчас он выглядит благородно, подумал Мэйкон, такой важный, грудь колесом, даже на себя не похож. Но как только Мюриэл щелкнула пальцами, пес вскочил всегдашним неслухом.

— Теперь попробуйте вы, — сказала Мюриэл.

Мэйкон взял у нее поводок и показал Эдварду на его зад. Пес не шелохнулся. Мэйкон нахмурился и выставил палец решительнее. Он себя чувствовал глупо. В отличие от женщины, пес знал, как мало в нем властности.

— Ткните его, — велела Мюриэл.

Легко сказать. Мэйкон прислонил костыль к батарее и, неловко согнувшись, пальцем ткнул Эдварда. Тот сел. Мэйкон прищелкнул языком, потом выпрямился и, вытянув руку, попятился. Эдвард тотчас встал и пошел к нему. Мюриэл

цыкнула. Пес сразу сел.

— Он не воспринимает вас всерьез, — сказала Мюриэл.

— А то я не знаю! — озлился Мэйкон.

Заныла сломанная нога.

— Представляете, все детство у меня даже котенка не было, — начала рассказ Мюриэл. А Эдварду так и сидеть, что ли? — И вот пару лет назад я наткнулась на объявление в газете: *Подработка на досуге. Занятость на ваше усмотрение.* Оказалось, это фирма по дрессировке собак на дому. Называлась она «А ну-ка, псина». Паршивое название, правда? Как будто собаку уговаривают сделать дела. И все же я пришла по объявлению. Честно сказала, что не люблю животных, но мистер Куорлс, хозяин, ответил, это, мол, не главное. Самые большие неприятности, сказал, у тех, кто сюсюкает со зверьем.

— Что ж, разумно, — согласился Мэйкон, поглядывая на Эдварда. Говорят, если собак заставлять сидеть долго, у них разовьется радикулит.

— В результате я стала его лучшей ученицей. Видать, у меня был подход к животным. Затем я получила работу в «Мяу-Гав». До того я работала в копировальном центре «В два счета», но, видит бог, хотела чего-нибудь другого. Кто эта

женщина?

— Какая женщина?

— Ну вот сейчас прошла через столовую.

— Это Роза.

— Ваша бывшая? Или кто?

— Моя сестра.

— А, сестра!

— Это ее дом.

— Я тоже ни с кем не живу, — сообщила Мюриэл.

Мэйкон заморгал. Он же только что сказал, что живет вместе с сестрой.

— Бывает, ночью вдруг ужасно захочется с кем-нибудь поговорить, и тогда я звоню в службу времени. Точное время… одиннадцать часов… сорок восемь минут… пятьдесят секунд. — Голос Мюриэл обрел фруктовую спелость. — Точное время… одиннадцать часов… сорок девять минут… ровно. Теперь можно его и отпустить.

— Не понял?

— Собаку отпустите.

Мэйкон щелкнул пальцами. Эдвард вскочил и затявкал.

— А вы кем работаете? — спросила Мюриэл.

— Я пишу путеводители.

— Ух ты! Повезло.

— А в чем везенье?

— Ну как, вы же, наверное, разъезжаете повсюду.

— Да, езжу.

— Я б хотела путешествовать.

— Много рутины, — сказал Мэйкон.

— Я никогда не летала на самолете, представляете?

— Волокита на каждом шагу. Очередь за билетами, очередь к таможенникам… Он так и должен лаять?

Мюриэл сощурилась на Эдварда, и тот смолк.

— Была б возможность, я бы поехала в Париж, — сказала Мюриэл.

— Ужасный город. Одни невежи.

— Прошлась бы вдоль Сены, как в песне поется. «В Париже ты найдешь свою любовь, — пропела она скрипуче, — стоит пройтись вдоль…» По-моему, это жутко романтично.

— Ничуть, — сказал Мэйкон.

— Да вы просто не знаете, где искать. В следующий раз возьмите меня с собой! Я покажу вам отличные местечки.

Мэйкон поперхнулся.

— Знаете, служебные расходы весьма ограничены. Я никогда не брал с собою жену или…

э-э… жену.

— Да я шучу.

— Ах, так.

— А вы подумали, я всерьез?

— Нет-нет.

Мюриэл вдруг заторопилась:

— С вас четырнадцать сорок, это вместе с поводком и ошейником. — Пока Мэйкон возился с бумажником, она все тараторила: — Эдвард должен повторить пройденное, но только с вами, ни с кем другим. Завтра у нас второе занятие. В восемь утра не слишком рано? К девяти мне надо в «Мяу-Гав».

— В восемь очень хорошо. — Мэйкон отсчитал четырнадцать долларов и выгреб из кармана всю мелочь — тридцать шесть центов.

— Четыре цента отдадите завтра, — сказала Мюриэл. Она приказала Эдварду сидеть и передала поводок Мэйкону: — Отпустите, когда я уйду.

Мэйкон вытянул руку и сурово посмотрел в глаза Эдварду, заклиная его не вставать. Пес остался сидеть, но заныл, смекнув, что Мюриэл уходит. Когда Мэйкон щелкнул пальцами, Эдвард вскочил и набросился на входную дверь.

Они тренировались до самого вечера. Эдвард выучился по мановению пальца плюхаться на

задницу. При этом он закатывал глаза и жалобно скулил, а Мэйкон одобрительно прищелкивал языком. К ужину цоканье прочно вошло в семейный язык. Чарлз поцокал, отведав Розину свиную отбивную. Портер щелкнул языком, когда Мэйкон сдал ему хорошие карты.

— Представьте танцовщицу фламенко на грани истощения, — рассказывала Роза братьям. — Это Эдвардова учительша. Она говорит не смолкая, не понятно, когда успевает глотнуть воздуху. Когда намечала план занятий, вместо «просто» все время говорила «легкотня».

— По-моему, тебя просили не маячить на виду, — сказал Мэйкон.

— А ты меня видел, что ли?

— Тебя видела Мюриэл.

— Еще бы! Она беспрестанно заглядывала тебе за спину, что-то высматривала.

Из гостиной доносился грохот — Эдвард таскал за собой кресло-качалку, за которое зацепился его новый поводок. За вечер пес сжевал карандаш и сожрал свиную кость, украденную из мусорного ведра, после чего на террасе его вырвало на ковер. Однако теперь он по команде садился, и потому все пребывали в приподнятом настроении.

— В школе я была круглая отличница, — сказа-

ла Мюриэл. — Удивились, да? По мне не скажешь, что я шибко умная. Вижу, вижу, вы удивились!

— Да нет, — возразил Мэйкон, хотя вообще-то удивился.

— Я стала отличницей, когда смекнула, в чем хитрость. Думаете, никакой хитрости? Хитрость, она есть во всем, вот так и живешь.

Они стояли на крыльце, оба в дождевиках: утро выдалось сырым, сеял мелкий дождик. Мюриэл была в черных замшевых полусапожках на шпильке, с загнутыми носами. Ноги ее смахивали на зубочистки. В руках она держала поводок. В плане занятия значилось обучение Эдварда правильной ходьбе. Но вместо этого Мюриэл ударилась в воспоминания о школьных годах.

— Некоторые учителя советовали мне поступать в университет. Особенно одна, хотя была не училкой, а библиотекаршей, я помогала ей расставлять книги и все такое. Слушай, Мюриэл, говорила она, а чего ты не поступишь в Таусон? Но я чего-то… не знаю… а сама теперь долблю сестре: готовься в универ, ясно? Не прошляпь, как я прошляпила. У меня младшая сестра, я говорила? Клэр. Она так и осталась светленькой. Вылитый ангелочек. Самое смешное, ей все равно. Сколет волосы на затылке, чтоб на

глаза не падали, и все. Ходит в рваных джинсах, забывает брить ноги. Та к оно всегда и бывает, правда? Предки в ней души не чают. Она удачная дочка, а я неудачная. Клэр-то не виновата. Все остаются в рамках чужих мнений, согласны? В Рождественском вертепе Клэр всегда изображала Марию. Мальчишки за ней ухлестывали уже в начальной школе, а за *мной*, старшеклассницей, никто не ухлестывал. Эти мальчишки ужасные дураки, правда? Нет, они куда-нибудь пригласят, типа кино под открытым небом и все такое, а потом сидят, точно кол проглотили, и украдкой обнимут за плечи, продвигаясь по дюйму, словно тогда я ничего не замечу, а затем рука эта лезет все ниже и ниже, ну, вы знаете, как оно бывает, а сами неотрывно пялятся в экран, как будто ничего интереснее в жизни не видели. Однако в понедельник ведут себя, словно ничего и не было, по школе носятся как угорелые, а завидя меня, друг дружку локтями подталкивают и даже не здороваются. Думаете, меня это не задевало? За все время ни один парень не отнесся ко мне как к своей постоянной подружке. Они приглашали на воскресный вечерок и хотели, чтоб я не кочевряжилась, но, думаете, на другой день хоть один подсел ко мне в школьной столовой или

проводил из класса в класс?

Мюриэл посмотрела на Эдварда. Потом хлопнула себя по ляжке, от чего лязгнул ее черный виниловый дождевик.

— Это команда «к ноге!», — пояснила Мюриэл и зашагала вперед. Эдвард неуверенно поплелся следом.

Мэйкон замешкался. Одолеть ступеньки крыльца ему было нелегко.

— Он должен все время держаться рядом, — крикнула Мюриэл. — Неважно, как я иду — быстро, медленно.

Она прибавила шагу. Если Эдвард пересекал ей дорогу, она шла прямо на него. Если пес отставал, она дергала поводок. Мюриэл резво чапала дальше — треугольник развевающихся волос над колоколом жесткого плаща. Мэйкон остановился, по щиколотку утопая в мокрой листве.

Всю обратную дорогу Эдвард держался у левой ноги учительницы.

— Кажется, он просек, — сказала Мюриэл, передавая поводок Мэйкону. — Теперь вы.

Мэйкон попытался хлопнуть себя по ляжке, что на костылях было непросто. Затем отправился в путь. Шел он мучительно медленно, то и дело Эдвард его обгонял, натягивая поводок.

— Одерните его! — командовала Мюриэл, шагая следом. — Он знает, что от него требуется. Фордыбачит.

Наконец Эдвард попал в ритм хозяина, но поглядывал скучающе и высокомерно.

— Не забывайте цокать, — сказала Мюриэл, скрежетнув каблуками. — Всякий раз его надо хвалить. Однажды я работала с собакой, не приученной проситься на улицу. Уже взрослая, два года, она никогда не просилась, хозяева просто осатанели. Сперва я не понимала, в чем дело, но потом сообразила. Собака думала, что писать нельзя нигде вообще, ни в доме, ни на улице. Понимаете, ее никто не хвалил, когда она писала правильно. Когда-нибудь о таком слыхали? Мне пришлось ее подловить, когда она отливала на улице, что было совсем нелегко, потому что собака этого стыдилась и всегда старалась спрятаться. Я ее расхвалила, и очень скоро она все поняла.

Они дошли до угла.

— Значит, так. Когда вы останавливаетесь, он должен сесть, — сообщила Мюриэл.

— А как я это натренирую?

— В смысле?

— Я же на костылях.

— Ну и что? Хорошее упражнение для ноги. —

Она не спрашивала, как Мэйкон ее сломал. И вообще в ней чувствовалась какая-то неотзывчивость, несмотря на весь интерес к его личной жизни. — Занимайтесь подолгу — десять минут за раз.

— Десять минут!

— Ладно, пошли обратно.

Мюриэл зашагала на высоких каблуках, добавлявших дерганости ее угловатой летящей походке. Мэйкон с Эдвардом двинулись следом. Возле дома Мюриэл спросила, который час.

— Восемь пятьдесят, — сурово сказал Мэйкон. Женщинам без часов он не доверял.

— Мне пора. С вас пять долларов и вчерашние четыре цента.

Мэйкон расплатился, Мюриэл сунула деньги в карман плаща.

— В следующий раз побуду подольше, тогда и поболтаем, — сказала она. — Обещаю.

Мюриэл сделала ручкой и, стуча каблуками, пошла к своей машине, припаркованной на улице, — древнему серому седану размером с катер и надраенному до зеркального блеска. Мюриэл забралась на сиденье и захлопнула дверцу, задребезжавшую, как рухнувшая пирамида пивных банок. Мотор гнусаво рыкнул и лишь

потом завелся. Покачав головой, Мэйкон следом за Эдвардом вошел в дом.

Казалось, сутки со среды по четверг он только и делал, что вместе с псом туда-сюда мотался по Демпси-роуд. Ныли натертые подмышки. Ломило бедро. Что было странно, ведь сломана-то голень. Донимали мысли — вдруг что-нибудь пошло не так? Скажем, кость срослась неправильно, отсюда излишняя нагрузка на бедро. Возможно, придется снова ехать в больницу, где ему под общим, наверное, наркозом опять сломают ногу и заново выправят перелом, что повлечет массу кошмарных осложнений: месяцы на вытяжке и до конца жизни хромота. Возникала картинка: неуклюжий, он вперевалку подходит к перекрестку; мимо проезжает Сара, бьет по тормозам, опускает стекло: «Мэйкон? Что случилось?»

Он вяло махнет рукой и уковыляет прочь.

Или еще скажет: «Удивительно, что тебя это вообще интересует».

Нет, уковыляет молча.

Скорее всего, эти короткие приступы жалости к себе (которую он, в общем-то, презирал) были вызваны обыкновенным физическим изнеможением. Как он до этого дошел? Надо изловчиться хлопнуть себя по ляжке, не потерять равновесие,

одергивая пса, выпавшего из совместного ритма, и все время быть начеку — нет ли где белки или пешехода. Мэйкон беспрестанно цыкал и цокол. Наверное, прохожие думали, что он чокнутый. Позевывая, Эдвард трусил рядом и выглядывал велосипедистов, пользовавшихся его особой нелюбовью. Стоило ему завидеть двухколесный агрегат, как шерсть у него на загривке вставала дыбом и он рвался в атаку. Мэйкон чувствовал себя канатоходцем, под которым внезапно раскачался трос.

Однако такой рваный ритм прогулки позволял лучше ознакомиться с окрестностями. Мэйкон знал каждый куст и всякую клумбу с увядшими цветами. Помнил все опасные тротуарные выбоины. Улица, где в основном жили старики, пребывала не в лучшем состоянии. Обитатели ее целыми днями названивали друг другу, удостоверяясь, что никого из них на лестнице не хватил удар или в спальне не застиг сердечный приступ, что никто чем-нибудь не подавился и не обеспамятел возле плиты со всеми включенными горелками. Одни старики отправлялись на прогулку и через час-другой застывали посреди улицы, пытаясь сообразить, куда идут. Другие, днем решившие перекусить яйцом всмятку и

чашкой чая, на закате все еще топтались в кухне, разыскивая соль и вспоминая, как работает тостер. Обо всем этом Мэйкон знал от сестры, к чьей помощи прибегали отчаявшиеся соседи. «Роза, дорогуша! Роза, милочка!» — дребезжащими голосами взывали они, когда шатко входили во двор, размахивая просроченным счетом, растревожившим письмом или пузырьком с пилюлями, хитроумно закупоренным.

На вечерней прогулке с Эдвардом Мэйкон заглядывал в чужие окна и видел стариков, под мерцающими синеватыми бликами телевизоров размякших в цветастых креслах. «Ориолс» побеждала во второй игре Мировой серии, но старики эти как будто уставились в собственные думы. Казалось, они утягивают за собою и Мэйкона, отчего тот горбился, ступал тяжело и одышливо. Даже пес плелся удрученно.

Потом Мэйкон возвращался к своим домочадцам, охваченным очередным приступом нерешительности. Как лучше: на ночь уменьшить мощность термостата или нет? Пониженный режим не увеличит нагрузку на прибор? Портер где-то об этом читал. Шли споры, принималось решение, но потом все начиналось заново. Почему так? — думал Мэйкон. Близкие его не особо-то

отличалась от своих соседей. Они тоже потихоньку старели. Мэйкон вносил свою лепту в дебаты (конечно, следует уменьшить мощность), но, сникнув, умолкал.

Той ночью ему приснилось, что в дедовом «бьюике» пятьдесят седьмого года он подъехал к озеру Роланд. В темной машине с ним рядом сидела какая-то девушка. Он не знал, кто это, но горьковатый запах духов и шорох ее юбки казались знакомыми. Она придвинулась ближе. Он вгляделся в нее. Это была Мюриэл. Он хотел спросить, что она тут делает, но Мюриэл прижала палец к его губам. И придвинулась еще ближе. Забрала у него ключи и кинула их на приборную панель. Не сводя с него глаз, расстегнула ему ремень, и рука ее, прохладная и опытная, скользнула к нему в штаны.

В смятении Мэйкон проснулся и, изумленный, резко сел в кровати.

— Вечно все меня спрашивают, какая у меня-то собака, — сказала Мюриэл. — Вот уж, поди, образцовая, говорят, паинька. Хотите, насмешу? У меня вообще нет собаки. Одна когда-то была, но сбежала. Дух, пес Нормана. Моего бывшего. Как мы поженились, в первый же вечер Дух смылся к Норманову мамаше. Я думаю, он меня

ненавидел.

— Да будет вам! — возразил Мэйкон.

— Ненавидел. Я это знала.

Они стояли на улице, готовясь к очередному уроку. Мэйкон уже приспособился к ритму этих занятий. Он ждал, сжимая в руке поводок.

— Это было прям как в диснеевском мультике, — сказала Мюриэл. — Ну в том, знаете, где собака пехом добирается до Юкона или куда там. Правда, Дух дочапал только до Тимониума. Слинял из нашей квартиры и черт-те сколько миль пробежал до дома Нормановой мамаши в Тимониуме. Мамаша звонит: где вы выкинули Духа? «О чем ты?» — спрашивает Норман.

Она представляла в лицах. Мэйкон слышал пронзительную визгливость мамаши и заикающийся мальчишеский голос Нормана. Он вспомнил давешний сон, и его вновь окатило смятением. Мэйкон в упор посмотрел на собеседницу, отыскивая в ней изъяны, и нашел их в избытке: длинный тонкий нос, желтоватая кожа; выпирающие ключицы, обсыпанные веснушками, не сулили роскошного тела.

— Значит, утром мамаша просыпается, и здрасьте вам — на пороге Дух. Мы только тогда и узнали, что у нас-то его нет. Не поймешь, чего

на него нашло, говорит Норман. Раньше он не сбегал. И смотрит на меня подозрительно. Мол, не ты ли виновата. Может, счел это каким-нибудь знаком. Поженились-то мы совсем сопляками. Мне семнадцать. Ему восемнадцать, он единственный ребенок. Маменькин сынок. Мамаша вдова. Румяный, словно девица, стрижен почти наголо, воротничок застегнут на верхнюю пуговку. Пришел к нам в конце одиннадцатого класса, они переехали из Парквилла. Как увидел меня в летнем платье без бретелек, так все уроки и пялился. Мальчишки над ним смеются, а ему хоть бы хны. Он был такой… простодушный, что ли? И я почуяла свою власть. С кучей книжек в руках ходит за мной по школе, а я ему: хочешь, вместе пообедаем? Он весь закраснеется и отвечает: да, конечно, ты не шутишь? Он даже не умел водить машину, и я ему сказала: получишь права, я с тобой покатаюсь. Поедем, говорю, в какое-нибудь тихое местечко, где нам никто не помешает. Смекаешь, говорю, о чем я? Да уж, я была оторва. Сама не знаю, что тогда со мной творилось. Он вмиг получил права и приехал за мной на мамашиной тачке, купленной, надо ж такому случиться, у моего отца, торговавшего «шевроле». Выяснилось это на свадьбе. Поженились мы осенью последне-

го учебного года, ему аж приспичило жениться, ну а мне-то чего возражать? На свадьбе отец мой и говорит его мамаше: сдается мне, недавно я вам продал машину, а мамаша вся в слезах, ей ни до чего. Вела себя так, словно свадьба эта хуже смерти. Когда Дух к ней прибежал, она и говорит: оставлю-ка я его у себя, ясно как божий день, что у вас ему плохо. То есть плохо со мной, значит. Не могла простить, что я увела у нее сына. Видишь ли, я сломала ему жизнь, он не получит аттестат. Как будто я ему мешала. Он сам сказал, что бросит школу, дескать, на кой ляд она сдалась, если он и так прекрасно проживет на полах.

— На чем? — не понял Мэйкон.

— На полах. Шлифовка полов. У дядьки его своя фирма была — «Притчетт. Отделка». После женитьбы Норман пошел к нему работать, а мамаша все орала о его загубленной жизни. Говорила, он мог бы стать бухгалтером или еще кем, но не знаю, кого она хотела одурачить. О бухгалтерстве Норман ни разу даже не заикнулся.

Мюриэл сняла с рукава собачью шерстинку, осмотрела ее и отщелкнула.

— Ну, давайте глянем, — сказала она.

— Простите?

— Давайте глянем, как он ходит рядом.

Мэйкон хлопнул себя по ляжке и пошел вперед, Эдвард, чуть отставая, засеменил рядом. Когда хозяин остановился, он тоже затормозил и сел. Мэйкона распирало радостным удивлением, но Мюриэл его огорошила:

— Он не сидит.

— Как это? А что же он, по-вашему, делает?

— Вон просвет между его задом и землей. Он халтурит, чтоб только от него отстали.

— Эх, ты! — Мэйкон печально вздохнул и развернулся в обратный путь.

— Над этим еще поработайте, — сказала Мюриэл. — А пока займемся лёжкой. Пошли в дом.

Мэйкон опасался встретить Розу, но ее не было видно. В прихожей пахло нагретой пылью. В гостиной часы отзвонили половину часа.

— Вот мы и подошли к нашей главной проблеме, — объявила Мюриэл. — Надо приучить его лежать, чтобы он то и дело не кидался на дверь.

Она показала, как подается команда, — дважды притопнула. Скрипнул ее ботинок. Эдвард никак не откликнулся. Тогда Мюриэл его уложила, потянув за передние лапы. Потом позволила ему встать, снова уложила, и так несколько раз. Однако Эдвард не усвоил урок. В ответ на притопы он сопел, глядя вбок.

— Упрямец ты! Каких свет не видывал! — Мюриэл повернулась к Мэйкону: — Многие собаки ведут себя точно так же. Не знаю почему, но не любят они ложиться. Теперь вы попробуйте.

Мэйкон притопнул. Эдварда что-то ужасно заинтересовало в стороне.

— Возьмите его за лапы, — сказала Мюриэл.

— Я же на костылях.

— Ну и что?

Мэйкон вздохнул и прислонил костыли к стене. Выставив вперед загипсованную ногу, он присел, ухватил пса за лапы и потянул на себя. Эдвард угрожающе заворчал, но все же подчинился и лег. Чтобы встать, Мэйкону пришлось опереться о столик.

— Это и впрямь очень трудно, — сказал он.

— Чепуха, — ответила Мюриэл. — Однажды я обучала вообще безногого.

— Да? — Мэйкон представил картину: на тротуаре калека мыкается со злющей собакой, а Мюриэл безучастно разглядывает свои ногти. — Наверное, вы никогда не ломали ногу, — сказал он обиженно. — Это лишь кажется, что на костылях управляться легко.

— Однажды я сломала руку.

— Руку! Сравнили!

— Это было на занятии с собакой. Доберман-пинчер сшиб меня с крыльца.

— Доберман?

— Очухалась, а он надо мной стоит, оскалился. Ну, я вспомнила, чему учили в «А ну-ка, псина»: главный кто-то один — либо ты, либо собака. Я и говорю ему: не вздумай. Сказала первое, что пришло в голову, — так мать мне говорила, когда что-нибудь запрещала. Не вздумай, говорю, и смотрю ему прямо в глаза, собаки не выдерживают такого взгляда, потом медленно-медленно встаю, а сама другой рукой поддерживаю сломанную правую руку. И чтоб мне провалиться, если пес тотчас не сел на задницу.

— Господи боже мой!

— В другой раз кокер-спаниель чуть не вцепился мне в глотку. Жуткая была сволочь, доложу я вам. А еще немецкая овчарка, кобель, цапнула меня за лодыжку. Подержал в зубах, потом выпустил.

Мюриэл подняла ногу и покрутила ступней. Щиколотка ее была не толще карандаша.

— А поражения у вас случались? — спросил Мэйкон. — Была какая-нибудь собака, перед которой вы спасовали?

— Ни разу, — сказала Мюриэл. — И ваш Эдвард

счет не откроет.

Однако Эдвард, похоже, думал иначе. Мюриэл с ним билась еще полчаса, но пес ложился только по принуждению, категорически отказываясь делать это по собственной воле.

— Ничего, — сказала Мюриэл. — Почти все они так. Наверняка завтра он опять заупрямится, поэтому денек мы пропустим. Вы с ним повторите пройденное, а я приду в субботу в это же время.

Приказав Эдварду сидеть, она забрала деньги и выскользнула на улицу. Разглядывая пса в несгибаемо величественной позе, Мэйкон приуныл. Зачем вообще нанимать инструктора, если на тебя сваливают всю работу?

— Ну не знаю, не знаю, — пробурчал Мэйкон.

Эдвард вздохнул и пошел прочь, хотя никто его не отпускал.

До самого вечера пес отказывался ложиться по команде. Мэйкон лебезил, угрожал, улещивал; Эдвард сердито урчал и твердо стоял на своем. Роза и братья обходили их стороной и деликатно отводили взгляды, словно невзначай угодив в чью-то личную ссору.

Утром Эдвард кинулся на почтальона. Мэйкон успел схватить поводок, но инцидент породил сомнения. Как все эти «сидеть» и «рядом» смогут

исправить главный собачий недостаток?

— Следовало бы сбагрить тебя в приют, — сказал Мэйкон. И дважды притопнул. Эдвард не лег.

Днем Мэйкон позвонил в «Мяу-Гав».

— Можно попросить Мюриэл? — сказал он, не вспомнив ее фамилию.

— Сегодня она не работает, — ответил женский голос.

— Понятно.

— У нее ребенок заболел.

Мэйкон не знал, что у Мюриэл есть ребенок. Внутри как будто что-то щелкнуло, теперь она выглядела несколько иной, чем ранее.

— Это Мэйкон Лири, — сказал он. — Ладно, я поговорю с ней завтра.

— О, мистер Лири! Вы можете позвонить ей домой.

— Ничего, это не срочно.

— Если хотите, я дам вам ее домашний телефон.

— Это терпит до завтра. Спасибо.

Роза ехала по делам в город и согласилась подбросить Мэйкона к издательству. Он хотел сдать законченную работу. С костылями умостившись на заднем сиденье, Мэйкон смотрел на проплывавшие за окном старые конторские здания,

привлекательные рестораны, магазины здорового питания и флористики, невероятно четкие и яркие под светом ясного октябрьского дня. Роза вела машину на неизменной неспешной скорости, что почти завораживало. В круглой шляпке с лентами, ниспадавшими на спину, она выглядела чопорной ученицей воскресной школы.

Всех четверых Лири объединяла полная неспособность к ориентированию на местности. Мэйкон считал это своего рода дислексией, только географической. Любой из них выходил из дома лишь после того, как исступленно вызубрит все доступные вехи и накрепко зафиксирует их в мысленной карте окрестностей. Дома у Мэйкона была целая стопка карточек с подробнейшими описаниями маршрутов к домам его друзей, даже тех, кого он знал десятилетиями. Когда Итан заводил себе нового приятеля, первым делом Мэйкон встревоженно спрашивал: «Ты знаешь точно, где он живет?» Сын имел склонность заводить неудобные знакомства. Дружил бы с мальчиком из соседнего дома, так нет, ему непременно надо хороводиться с тем, кто живет за окружной дорогой. Ему-то что! Он ориентировался легко, и Мэйкон объяснял это тем, что сын всю жизнь прожил в одном доме. А вот если человека бес-

конечно дергать с места на место, он не разовьет в себе навык четкого ориентирования, но, беспомощный, будет вечно блуждать в укрывшем планету тумане, уповая, что удача выведет его к месту назначения.

Короче, они заблудились. Роза хорошо знала магазин, торговавший особенным мебельным полиролем, а Мэйкон сотни раз бывал в конторе Джулиана, но тем не менее они нарезали круги по улицам, покуда Мэйкон не углядел знакомый шпиль.

— Стой! Здесь налево, — сказал он. Роза свернула налево. Мэйкон выбрался из машины. — Сумеешь найти обратную дорогу, чтобы меня забрать?

— Надеюсь.

— Ищи этот шпиль, запомни его.

Роза кивнула и уехала.

Мэйкон взобрался по гранитным ступеням каменного особняка, в котором размещалась «Пресса бизнесмена». Открыл парадную дверь из отполированного золотистого дерева. Вошел в вестибюль, выложенный черно-белыми шероховатыми шестиугольниками, на которых костыли, слава богу, не скользили.

Офис был необычный. Стук секретарской

машинки доносился из дальней комнаты, а Джулиан, не выносивший одиночества, занимал приемную. Он говорил по красному телефону, развалившись за столом, заваленным рекламными проспектами, брошюрами, неоплаченными счетами, неотвеченными письмами, пустыми упаковками китайской еды и бутылками из-под минералки. Стены увешаны графиками продаж. На полках всего несколько книг, но зато целая коллекция старинных медных мореходных приборов, скорее всего, неисправных. Только слепой не увидел бы, что сердце Джулиана отдано не издательству, а некому уголку в Чесапикском заливе. Мэйкон считал, ему это на руку.

Никто другой не стал бы возиться с книжной серией, требующей непомерных затрат и постоянного обновления.

— Рита принесет круассаны, Джо сделает киш, — сказал Джулиан и тут заметил гостя. — Мэйкон! Стефани, я перезвоню. — Он положил трубку. — Как нога? Давай, присаживайся.

Мэйкон сел на стул, с которого Джулиан смахнул кипу журналов о яхтах, и подал папку:

— Вот остаток материала по Англии.

— Ну наконец-то!

— В новом варианте, каким я его вижу, будет

страниц на десять-двенадцать больше, — сказал Мэйкон. — Добавился раздел для деловых женщин — список отелей, где обеспечено сопровождение в лифте, где подают напитки в холле… Я считаю, надо увеличить мой гонорар.

— Я переговорю с Марвином. — Джулиан пролистал рукопись.

Мэйкон вздохнул. Джулиан деньгами сорил, а вот Марвин был прижимист.

— Теперь, значит, опять возьмешься за Штаты, — сказал Джулиан.

— Ну раз ты хочешь.

— Надеюсь, много времени это не займет.

— Это уж как выйдет. Городов-то много.

— Да, я понимаю. Вообще-то можно выпускать частями: Северо-Восток, центр Атлантического побережья и так далее. Подумаем… — В своей всегдашней манере Джулиан перескочил на другую тему: — Я не говорил тебе об одной новой идее? Мой приятель-врач задумывает «Случайного туриста в нездоровье». Список терапевтов и дантистов с американским дипломом, практикующих во всех зарубежных столицах, и еще, может быть, основные советы: аспирин, справочник Мерка.

— Только не этот справочник, когда ты вдали

от дома! — возразил Мэйкон. — Читаешь его — и всякая болячка выглядит раком.

— Ладно, я себе помечу, — сказал Джулиан, но даже не взял карандаш. — Не хочешь, чтоб я расписался на твоем гипсе? Он такой беленький.

— Вот и хорошо. Я его чищу белым гуталином.

— Разве так делают?

— Жидкий гуталин. Такой, с медсестрой на этикетке, если уж тебя интересует.

— «Случайный турист на костылях»! — засмеялся Джулиан, раскачиваясь в кресле.

Мэйкон понял, что сейчас начнется обычный балаган, и поспешно встал:

— Пожалуй, мне пора.

— Так быстро? Может, по стаканчику?

— Спасибо, не могу. Сестра меня заберет, как только управится с делом.

— Ага. А что за дело?

Мэйкон насторожился.

— Ну какое? — не отставал Джулиан. — Химчистка? Ремонт обуви?

— Самое обычное дело. Ничего особенного.

— Скобяная лавка? Аптека?

— Нет.

— А что?

— Ну… ей нужна «Мебельная кормежка».

Джулиан так сильно качнул кресло, что, казалось, сейчас опрокинется. По правде, Мэйкон ему этого желал.

— Сделай милость, — сказал Джулиан, — как-нибудь пригласи меня на ваш семейный ужин.

— Мы, знаешь ли, не очень общительны.

— Не надо никаких разносолов. Просто ваш обычный ужин. Что вы обыкновенно едите? Или я сам что-нибудь принесу. Собаку можно запереть… как его там?

— Эдвард.

— Ха! Эдвард. Вот и скоротаем вечерок.

— Ну ладно, — неопределенно промямлил Мэйкон, ухватываясь за костыли.

— Давай я тебя провожу, вместе подождем твою сестру.

— Лучше не надо. — Мэйкон не хотел, чтобы Джулиан увидел Розину круглую шляпку.

Он подковылял к тротуарному бортику и развернулся в сторону, откуда должна была появиться Роза. Видимо, опять заплутала. Нога в носке, натянутом на гипс, уже начала мерзнуть.

Беда в том, думал Мэйкон, что Джулиан не изведал горестей. На румяном жизнерадостном лице его свою печать оставили только солнечные ожоги, его ничто не интересовало, один лишь до

нелепого неэффективный способ передвижения. Недолгое супружество его закончилось дружески. Детей он не завел. Мэйкон не хотел выглядеть предвзятым, но не мог избавиться от мысли, что бездетные люди так и не стали взрослыми. Они казались какими-то не вполне… реальными.

Неожиданно он представил, как доберман сшиб Мюриэл с крыльца. Рука ее безжизненно повисла — уж ему-то ведом свинцовый облик сломанной конечности. Но Мюриэл на нее даже не взглянула. Измазанная, всклокоченная, оглушенная, она вскинула здоровую руку и приказала: «Не вздумай».

Утром она пришла: копна волос под газовой косынкой, руки в глубоких карманах пальто. Эдвард перед ней заплясал. Мюриэл выставила указующий перст. Пес сел, она нагнулась за его поводком.

— Как ваш малыш? — спросил Мэйкон.

— Что? — обернулась Мюриэл.

— Ведь он захворал?

— Кто вам сказал?

— Вчера я звонил в клинику.

Мюриэл буравила его взглядом.

— Что с ним? Гриппует?

— Видимо, да, — помолчав, сказала она. — С

желудком непорядок.

— Осень, немудрено.

— Зачем вы позвонили? — спросила Мюриэл.

— Выяснить, почему Эдвард отказывается лежать.

Мюриэл перевела взгляд на Эдварда. Задумчиво намотала поводок на ладонь.

— Я топаю, но он не слушается, — сказал Мэйкон. — Что-то не так.

— Я же говорила, упрямится.

— Но я бьюсь уже два дня, а толку ноль…

— Чего вы хотите? Я вам волшебница, что ли? Я-то здесь при чем?

— Я вас не обвиняю…

— Да нет, обвиняете. Говорите, что-то не так, названиваете в клинику…

— Я просто хотел…

— Вам странно, что я не сказала про Александра, да?

— Про кого?

— Считаете меня ненормальной мамашей?

— Что? Нет, погодите…

— Теперь вы знаете, что у меня ребенок, и я вам стала неинтересна. Вы прям такой: нечего с ней связываться, она вон про ребенка утаила. Неужто не ясно, почему я сразу не сказала? Видите, что

получилось?

Мэйкон не уловил ее логики, но сейчас его больше занимал Эдвард. Шерсть на загривке его дыбилась тем сильнее, чем выше взлетал пронзительный голос Мюриэл. Плохой знак. Очень плохой знак. Верхняя губа Эдварда медленно приподнялась. Он зарычал, вначале чуть слышно, потом все громче.

Мюриэл на него глянула и смолкла. Казалось, пес ее ничуть не встревожил. Она лишь дважды топнула. Однако Эдвард не только не лег, но встал на лапы. Шерсть на загривке уже вздыбилась отчетливым бугром. Уши прижались к голове. Весь абрис его как будто изменился.

— Лежать, — спокойно сказала Мюриэл.

Пес взвыл и прыгнул, целя ей в лицо. Из пасти, жутко ощерившейся сверкающими клыками, летели клочья пены. В ту же секунду Мюриэл второй рукой перехватила поводок и вздернула Эдварда над полом. Рык осекся, сменившись этаким бульканьем.

— Он задохнется! — крикнул Мэйкон.

Эдвард странно заквохтал.

— Прекратите! Хватит! Вы его задушите!

Но Мюриэл держала пса на весу. Глаза его закатились. Мэйкон дернул Мюриэл за рукав вор-

систого пальто, на ощупь показавшегося шкурой живого существа. Мюриэл выпустила Эдварда. Пес бесформенной кучей рухнул на пол, ноги его подломились, голова запрокинулась.

— Эдвард! — Мэйкон кое-как пригнулся к собаке. — Эдвард! Господи, он умер!

Эдвард приподнял голову и вяло облизнулся.

— Видели? Когда собаки облизываются, это знак, что они сдаются, — обрадовалась Мюриэл. — Так меня учили в «А ну-ка, псина».

Мэйкон выпрямился. Его трясло.

— Когда они облизываются, это хорошо, а вот когда наступают вам на ногу — это плохо, — сказала Мюриэл. — Вроде как тайный язык, верно?

— Больше никогда, никогда так не делайте, — выговорил Мэйкон.

— А?

— И вообще сюда больше не приходите.

Повисло тягостное молчание.

— Что ж, прекрасно. — Мюриэл туже затянула косынку. — Хозяин — барин. — Она аккуратно обошла Эдварда и открыла входную дверь. — Вам нужна неуправляемая собака? Воля ваша.

— Лучше уж брехливый пес, чем изуродованный тихоня, — сказал Мэйкон.

— Вас устраивает собака, которая искусает

ваших знакомых, наградит шрамами соседских детей и втянет вас в судебные тяжбы? Собака, которая ненавидит весь белый свет? Вредная, скверная и *злая*? Готовая всех загрызть?

Мюриэл вышла на крыльцо и закрыла за собой сетчатую дверь. Потом обернулась, сквозь сетку в упор посмотрела на Мэйкона:

— Похоже, так оно и есть.

В прихожей Эдвард заскулил, глядя ей вслед.

Глава восьмая

Дни стали короче и холоднее, деревья сбросили океаны листвы, однако умудрились избежать наготы; казалось, они только того и ждут, чтобы ты закончил сгребать палые листья и отвернулся, готовые в тот же миг вновь укрыть лужайку огромным желто-оранжевым покрывалом. Чарлз и Портер съездили к Мэйкону поработали граблями во дворе, включили автоматический режим отопления, заколотили подвальное окно. Там вроде бы все в порядке, отрапортовали они. Мэйкон без особого интереса выслушал их доклад. На следующей неделе ему снимали гипс, но никто не спрашивал, когда он собирается домой.

Каждое утро они с Эдвардом отрабатывали команду «рядом». Они обходили весь квартал, причем пес настолько хорошо приспособился к ритму хозяина, словно и сам передвигался на костылях. На прохожих он ворчал, но не кидался. Мэйкону хотелось с кем-нибудь поделиться своим достижением — мол, видали? Конечно, велосипедисты — особая статья, но он верил, что рано или поздно справится и с этим.

Мэйкон приказывал псу сидеть, а потом отступал, вытянув руку. Эдвард сидел на месте. Не такой уж он скверный пес! Мэйкон охотно поменял бы командные жесты (рука ладонью вниз, выставленный палец — наследие бессердечного инструктора), но счел, что уже слишком поздно. Он притоптывал. Эдвард рычал. «Любезный, — говорил Мэйкон, тяжело плюхнувшись на пол рядом с собакой, — не соизволите ли прилечь?» Эдвард отворачивался. Мэйкон поглаживал широкий мягкий прогал между его ушами. «Ну ладно, может, завтра», — говорил он.

Близкие не разделяли его оптимизма.

— А что будет, когда опять начнутся твои разъезды? — спрашивала Роза. — К себе я его не возьму. Мне с ним не справиться.

В ответ Мэйкон предлагал не волноваться загодя.

Перспектива поездок его угнетала. Иногда ему хотелось навеки остаться в гипсе. Он даже мечтал, чтобы его загипсовали с головы до ног. Знакомые легонько постучат по его груди, заглянут в прорези для глаз: «Мэйкон, вы там?» Может, там, а может, и нет. Поди знай.

Однажды вечером, когда они только что отужинали, со стопкой бумаг заявился Джулиан.

Мэйкон запер Эдварда в кладовке и лишь тогда открыл дверь.

— Вот он, извольте! — Джулиан сразу прошагал в гостиную. В вельветовом костюме, пышущий силой и здоровьем. — Я уже три дня пытаюсь до тебя дозвониться. Слушай, а собака где-то близко, да?

— Он в кладовке, — сказал Мэйкон.

— Вот, я принес кое-какие материалы, в основном по Нью-Йорку. По нему у нас много предложений.

Мэйкон застонал. Джулиан свалил бумаги на диван и огляделся.

— А где все? — спросил он.

— Кто где, — уклончиво сказал Мэйкон, но в этот момент в комнату вошла Роза, а следом за ней Чарлз.

— Надеюсь, я не оторвал вас от ужина? — обеспокоился Джулиан.

— Нет-нет, — ответила Роза.

— Мы уже поели, — злорадно добавил Мэйкон.

Джулиан заметно огорчился:

— Правда? А в котором часу вы ужинаете?

Мэйкон не ответил. (Они ели в половине шестого.

Джулиан помер бы со смеху.)

— Но мы еще не пили кофе, — сказала Роза. — Не желаете кофейку?

— С превеликим удовольствием.

— По-моему, как-то глупо пить кофе, если ты еще не ужинал, — сказал Мэйкон.

— Для тебя, может, и глупо, — парировал Джулиан, — а вот я охотно отведаю кофе по-домашнему. Все мои соседи едят в ресторанах, у нас в любой кухне отыщутся лишь банка-другая арахисового масла да еще диетическая содовая.

— Что же это за дом такой? — спросила Роза.

— Обитель холостяков «Герб Калверта».

— Надо же, как интересно!

— Да не особенно. — Джулиан опечалился. — Надоедает. Поначалу-то нравилось, а сейчас глаза б мои не смотрели. Порой я тоскую по старомодному семейному укладу с детьми и стариками, как в нормальных домах.

— Я вас понимаю, — сказала Роза. — И угощу отменным горячим кофе.

Она вышла, остальные уселись.

— Значит, вы втроем и живете? — спросил Джулиан.

Мэйкон отмолчался, ответил Чарлз:

— Нет, у нас еще Портер.

— А где он, Портер?

— Кхм. Мы не знаем точно.

— Он *пропал*?

— Пошел в скобяную лавку и, наверное, заблудился.

— Господи! Давно?

— Незадолго перед ужином.

— То есть нынче?

— Он просто пошел в магазин, — вмешался Мэйкон. — И пропал не навеки.

— А где этот магазин?

— Где-то на Говард-стрит, — ответил Чарлз. — Розе понадобились петли.

— Он заблудился на Говард-стрит? Мэйкон встал:

— Пойду помогу Розе.

На серебряном подносе сестра расставляла бабушкины кружки из прозрачного стекла.

— Надеюсь, он пьет без сахара, — сказала она. — Сахарница пустая, а пакет с сахаром в кладовке, где сейчас Эдвард.

— Ну и ладно.

— Может, сходишь в кладовую, принесешь сахар?

— Просто дай ему кофе, и все. Мол, хочешь — пей, не хочешь — не пей.

— Мэйкон! Он же твой начальник.

— Просто он надеется, что мы чего-нибудь отчебучим, — сказал Мэйкон. — У него весьма одностороннее представление о нас. Дай-то бог, чтобы при нем никто ничего не ляпнул, слышишь?

— Что мы можем ляпнуть? — удивилась Роза. — По-моему, мы самые обычные люди.

В этом она была абсолютно права и в то же время заблуждалась. Мэйкон не смог бы этого объяснить. Он вздохнул и следом за сестрой вышел из кухни.

В гостиной Чарлз упорно рассуждал, стоит ли отвечать, если вдруг телефон зазвонит. Ведь это мог быть Портер, который хотел, чтобы они сверились с картой и подсказали ему дорогу.

— Нет, скорее всего, он не станет звонить, — заключил Чарлз. — Ибо знает, что мы не ответим. Или думает, что мы не ответим. Хотя кто его знает, он может решить, что мы ответим, поскольку беспокоимся за него.

— Вы всегда так усиленно обдумываете, отвечать ли на звонок? — спросил Джулиан.

— Вот твой кофе, — сказал Мэйкон. — Пей без сахара.

— Ладно, спасибо. — Джулиан принял кружку и вгляделся в надпись дугой на ее боку. — ВЕК

ПРОГРЕССА 1933, — прочел и, ухмыльнувшись, отсалютовал кружкой: — За прогресс!

— За прогресс, — откликнулись Роза и Чарлз. Мэйкон нахмурился.

— Чем зарабатываете на жизнь, Чарлз? — спросил Джулиан.

— Произвожу бутылочные крышки.

— Это ж надо! Подумать только!

— Ничего, знаете ли, особенного, — сказал Чарлз. — Вовсе не так интересно, как кажется.

— А вы, Роза, работаете?

— Да, конечно, — бодро ответила Роза, словно давала интервью. — Я тружусь дома, веду хозяйство. А еще забочусь о куче соседей. Почти все они старики, без меня им ни рецепт прочесть, ни водопровод починить и всякое такое.

— Вы чините водопровод? — изумился Джулиан.

Зазвонил телефон. Все Лири напряглись.

— Ну что? — спросила Роза, глядя на Мэйкона.

— Хм…

— Он же знает, что мы не ответим, — сказал Чарлз.

— Да, он бы наверняка позвонил соседям.

— Хотя… — протянул Чарлз.

— Хотя, — повторил Мэйкон.

Все решило лицо Джулиана, расплывшееся в радостной ухмылке. Мэйкон потянулся к краю стола и снял трубку.

— Слушаю, — сказал он.

— Мэйкон?

Звонила Сара.

Мэйкон глянул на остальных и повернулся к ним спиной.

— Да, — сказал он.

— Ну наконец-то. — Сарин голос казался странно ровным и четким. Мэйкон тотчас ее представил: в его старой рубашке, она сидит, обхватив себя за голые колени. — Я пыталась до тебя дозвониться, а потом сообразила, что ты, наверное, ужинаешь со своими.

— Что-нибудь случилось? — спросил Мэйкон.

Он почти шептал. Видимо, Роза догадалась, кто звонит, потому что вдруг о чем-то оживленно заговорила.

— Что? Тебя плохо слышно, — сказала Сара.

— У тебя все в порядке?

— Чей это там голос?

— Джулиан пришел.

— А! Привет ему. Как там «Сьюки»?

— Кто?

— Лодка его, господи.

— Все хорошо, — сказал Мэйкон. Или надо сказать «с ней все хорошо»? Насколько он знал, «Сьюки» покоилась на дне Чесапикского залива.

— Я вот чего звоню — хорошо бы нам поговорить. Может, как-нибудь вместе поужинаем?

— А, да. Конечно.

— Завтра сможешь?

— Вполне.

— А где?

— Наверное, в «Старой бухте».

— Ну да. Разумеется. — Сара вздохнула или рассмеялась, Мэйкон не разобрал.

— Я предлагаю «Старую бухту», потому что туда можно дойти пешком, — сказал он. — Только поэтому.

— Ладно, давай прикинем. Ты ужинаешь рано. В шесть годится?

— Прекрасно, в шесть.

Мэйкон повесил трубку и обнаружил, что Роза затеяла лингвистическую дискуссию. Она притворилась, будто не заметила нового участника в его лице. Поразительно, сокрушалась Роза, какой неряшливой стала разговорная речь. Все запросто говорят «широкие массы», не замечая тавтологии. А слово «шовинизм» используют только в значении «мужское превосходство», напрочь

позабыв его этимологию. Невероятно, подхватил Чарлз, но газеты пишут, что кинозвезда путешествовала «инкогнито», хотя всякий дурак знает, что о женщине следует говорить «инкогнита». Джулиан разделял их возмущение. Просто диву даешься, поддакнул он, с какой легкостью народ швыряется словом «недостоверно», хотя на свете мало что и впрямь враждует с достоверием.

— С достоверностью, — поправил Мэйкон, но тут мгновенно влезла Роза, будто его здесь и не было:

— О, как я вас понимаю! Слова обесцениваются, да?

Точно девочка, она комкала подол прямой серой юбки. Можно подумать, ее никогда не учили, что нельзя доверять посторонним.

Чтобы попасть в «Старую бухту», пришлось взобраться на крыльцо. Прежде Мэйкон его вообще не замечал, не говоря уж о том, что не обращал внимания на ступени из безупречно гладкого мрамора, на которых в любую секунду могли заскользить костыли. Затем пришлось одолеть тяжелую входную дверь. Мэйкон слегка торопился, потому что Роза, его подвозившая, свернула не туда и было уже пять минут седьмого.

В холле стояла кромешная тьма. Чуть светлее

было в обеденном зале, где на столах горели свечи в колбах. Мэйкон вгляделся во мрак.

— У меня назначена встреча, — сказал он администраторше. — Моя дама уже здесь?

— Не приметила, дорогуша.

Мимо чана с квелыми лобстерами, мимо двух старушек в церковных шляпках, прихлебывавших нечто светло-розовое, она повела Мэйкона через раздолье незанятых столиков. Для ужина было слишком рано, все посетители еще сидели в баре. Скатерти на столах, расставленных очень тесно, свисали до пола. Мэйкон представил, как костылем цепляет скатерть, сметая со стола сервировку вместе со свечой, вспыхивает темно-малиновый узорчатый ковер, от любимого заведения деда (вполне возможно, и прадеда) остается лишь груда обожженных железных корзинок для крабов.

— Потише, мисс! — взмолился Мэйкон, но атлетического сложения администраторша в открытом платье для кадрили и прочных башмаках на белой каучуковой подошве не замедлила шаг.

Мэйкон обрадовался, что его посадили в углу, — было куда поставить костыли. Но едва он собрался прислонить их к стене, как администраторша объявила:

— Эти штуки я заберу, милочек.

— Здесь они никому не помешают.

— Я отнесу их в вестибюль, сладкий мой. Такие правила.

— У вас есть правила для костылей?

— Другие гости могут о них споткнуться, лапушка.

Это казалось маловероятным, поскольку два других посетителя сидели в противоположном конце зала, но Мэйкон отдал костыли. Пожалуй, без них даже лучше. У Сары не создастся впечатление (хотя бы на первый взгляд), что без нее он развалился на части.

Оставшись в одиночестве, Мэйкон поддернул манжеты рубашки, чтобы выглядывали ровно на четверть дюйма. Он пришел в сером твидовом пиджаке и серых фланелевых брюках, старых, у которых было не жалко отрезать штанину. Чарлз съездил за ними к нему домой, Роза их, так сказать, укоротила, а потом подровняла Мэйкону волосы. Портер одолжил свой лучший полосатый галстук. Родные так о нем пеклись, что Мэйкону почему-то стало грустно.

В дверях появилась администраторша, за ней шла Сара. На миг оглушило узнаванием, так бывает, когда вдруг мельком увидишь свое отражение

в зеркале. Ореол локонов, мягкие складки пальто, решительная пружинистая походка, четкий стук каблуков рюмочкой — как же он все это забыл?

Мэйкон привстал. Она его поцелует? Или, не дай бог, ограничится сдержанным рукопожатием? Нет, ни то ни другое, она выбрала наихудший вариант: обошла стол и на секунду прижалась щекой к его щеке, как при встрече с просто знакомым на вечеринке.

— Здравствуй, Мэйкон, — сказала Сара.

Он молча указал ей на стул напротив себя. С усилием сел сам.

— Что с ногой? — спросила Сара.

— Да так… упал.

— Сломал?

Мэйкон кивнул.

— А с рукой что?

Он глянул на свою руку:

— Да это пес цапнул. Но уже почти зажило.

— Я не про эту руку.

Другая рука его была забинтована.

— Ах, это. Чепуха, царапина. Помогал Розе соорудить кошачий лаз.

Сара его разглядывала.

— Да все нормально! — сказал Мэйкон. — Знаешь, в гипсе мне довольно удобно. Как-то

привычно даже. Я вот думаю, может, я уже ломал ногу в какой-нибудь прежней жизни?

Подошла официантка:

— Из бара вам что-нибудь принести?

Она высилась над ними, блокнот и карандаш наизготовку. Сара начала поспешно листать меню.

— Сухой херес, пожалуйста, — сказал Мэйкон. И вместе с официанткой посмотрел на Сару.

— Ой, сейчас, сейчас, — заторопилась та. — Может, «Роб Рой»? Да, «Роб Рой» будет хорошо, только побольше вишенок.

И об этом он забыл — Сара любила замысловатые коктейли. Мэйкон невольно улыбнулся краешком рта.

— А зачем Розе кошачий лаз? — спросила Сара, когда официантка отошла. — Мне казалось, твои не держат животных.

— Нет, это для нашей кошки. Я там живу вместе с Хелен.

— Почему?

— Ну как, из-за ноги.

Сара промолчала.

— Мне же не одолеть наше крыльцо, ты это понимаешь? — спросил Мэйкон. — Как мне выводить Эдварда? Как выносить мусор?

Но Сара увлеченно стаскивала пальто. Она была в шерстяном платье непонятного цвета. (Свечи всему придавали коричневатый оттенок, как на старой фотографии.) Мэйкон успел подумать, что Сара, наверное, поняла его превратно. Получалось, он как будто жалуется и укоряет ее, что бросила его одного.

— Но вообще-то я прекрасно справляюсь, — сказал он.

— Замечательно. — Сара улыбнулась и вновь открыла меню.

Прибыли напитки. Их поставили на картонные кружки с тиснеными крабами.

— Готовы заказать, дорогуши? — спросила официантка.

— Пожалуй, я возьму горячее ассорти и мясо по-французски, — сказала Сара.

Официантка как будто опешила и через ее плечо заглянула в меню. (Сара, похоже, так и не поняла изюминку «Старой бухты».)

— Вот и вот. — Сара показала блюда в меню.

— Как скажете. — Официантка черкнула в блокноте.

— А мне, значит, крабовый суп и большую тарелку салата из креветок… — сказал Мэйкон. — Сара, выпьешь вина?

— Нет, спасибо, — отказалась Сара и, дождавшись ухода официантки, спросила: — И давно ты живешь у своих?

— С сентября.

— С сентября? Еще тогда ты сломал ногу?

Мэйкон кивнул и пригубил херес.

— Завтра снимут гипс.

— И Эдвард там?

Мэйкон опять кивнул.

— Это он тебя укусил?

— Ну да.

Интересно, подумал Мэйкон, она тоже посоветует обратиться в надзор за животными? Но Сара задумчиво крутила вишенку на пластмассовой шпажке.

— Наверное, пес переживает, — сказала она.

— В общем, да. Он сам не свой.

— Бедняга.

— По правде, он совсем отбился от рук.

— Эдвард всегда был чуток к переменам, — сказала Сара.

Мэйкон оживился:

— Кидается на всех без разбору. Пришлось нанять специального инструктора. Но она оказалась чересчур строгой и, прямо скажем, жестокой. Чуть не задушила его, когда он хотел ее укусить.

— Глупость какая, — сказала Сара. — Он же со страху кидается, всегда такой был. И незачем пугать его еще больше.

Мэйкона затопило любовью.

Да, бывало всякое: он злился на нее, порой ненавидел и напрочь о ней забывал. В иные моменты казалось, что он никогда ее не любил и добивался ее, поддавшись стадному чувству. Но истина в том, что она — его давнишний друг. Вдвоем они прошли через такое, что другим и не снилось. Она укоренилась в его жизни. И уже поздно ее выкорчевывать.

— Он хочет, чтоб все было как раньше, — говорила Сара. — Его нужно успокоить, только и всего.

— Сара, наша жизнь врозь — это кошмар, — сказал Мэйкон.

Она подняла взгляд. Из-за причудливой игры света глаза ее казались темно-синими, почти черными.

— Правда? — спросил Мэйкон.

Сара поставила фужер на стол:

— Я не просто так попросила о встрече, Мэйкон.

Он понял, что сейчас услышит нечто, чего не хотел бы слышать.

— Нужно утрясти детали нашего развода.

— Мы разошлись, чего еще утрясать?

— В смысле, оформить официально.

— Официально. Понятно.

— По закону штата Мэриленд…

— Я считаю, тебе надо вернуться домой.

Подали первое блюдо. Казалось, рука, расставлявшая тарелки, живет сама по себе. Она зачем-то передвинула прибор со специями, на полдюйма переместила железную подставку с сахарными пакетиками.

— Что-нибудь еще? — спросила официантка.

— Нет, спасибо, — сказал Мэйкон.

Официантка ушла.

— Что скажешь, Сара?

— Это невозможно.

Сара крутила единственную жемчужину на цепочке, украшавшей ее шею. Цепочку эту подарил Мэйкон, когда они начали встречаться. Сара специально ее надела? Или ей настолько все равно, что она даже не озаботилась ее снять? Скорее всего, второе.

— Только не говори «нет», пока не выслушаешь меня, — сказал Мэйкон. — Ты не думала, что мы могли бы родить еще одного ребенка?

Он видел, что ошеломил ее — Сара резко втяну-

ла воздух. (Он и себя ошеломил.)

— А что? Мы не такие уж старые, — добавил Мэйкон.

— Ох, Мэйкон.

— Теперь это будет легко, семи лет не потребуется. Спорим, ты залетишь мгновенно? — Он подался вперед, стараясь внушить ей картину: она на сносях и вновь в той просторной розовой блузе. Однако в голову лезло непрошеное воспоминание о первых семи годах с их ежемесячным разочарованием. Тогда ему казалось (хотя, конечно, это был чистой воды предрассудок), что неудачи эти — знак их абсолютной несовместимости. Они не состыковывались, в главном и буквальном значении этого слова. Когда Сара наконец забеременела, он почувствовал не только облегчение, но и вину, словно им удалось кого-то обдурить.

Мэйкон отогнал эти мысли.

— Я понимаю, Итана не вернуть. Я знаю, никто его не заменит. Но…

— Нет, — сказала Сара.

Взгляд ее был тверд. Мэйкон знал этот взгляд. Она никогда не меняла решений.

Мэйкон принялся за суп. Здесь подавали лучший крабовый суп в Балтиморе, но, к несчастью,

от специй засвербило в носу. Не дай бог, Сара подумает, что он плачет.

— Прости, — сказала Сара уже мягче. — Но ничего не выйдет.

— Ладно, забудь. Это безумие, верно? Безумная идея. Когда ребенку исполнилось бы двадцать, нам было бы уже… Почему ты не ешь?

Сара посмотрела в тарелку. Взяла вилку.

— А вот представь, — сказал Мэйкон. — Я покидал твои вещи в чемодан, постучался к тебе и говорю: «Собирайся, едем в Оушен-Сити. Мы и так потеряли кучу времени».

Сара застыла, не донеся сердцевину артишока до рта.

— В Оушен-Сити? Ты же его терпеть не можешь.

— Я в том смысле…

— Ты всегда говорил, там слишком людно.

— Да, но…

— И что ты там покидал в чемодан? Все мои вещи в моей квартире.

— Я говорил образно.

— Знаешь, Мэйкон, ты не общаешься, даже когда общаешься.

— Ох уж это «общаешься». — Он ужасно не любил это слово. — Я хочу сказать одно: нам стоит

начать сначала.

— Я и начинаю сначала, — сказала Сара, вернув артишок в тарелку. — И все для этого делаю, но это не означает, что я хочу дважды прожить одну и ту же жизнь. Я пытаюсь сменить направление. Я прохожу кое-какой курс. И даже иногда встречаюсь с мужчиной.

— Встречаешься?

— Куда-нибудь выбираюсь с моим терапевтом.

Возникла пауза.

— Почему не назвать его просто врачом? — спросил Мэйкон.

Сара прикрыла глаза.

— Послушай, — сказала она, — тебе тяжело, я знаю. Нам обоим тяжело. Но между нами уже почти ничего нет, как ты не понимаешь? Вот ты сломал ногу, и к кому ты обратился? К Розе! А мне ты даже не позвонил, хотя у тебя есть мой номер.

— Если б я обратился к тебе, ты бы приехала?

— Ну… ты мог хотя бы спросить. Но нет, ты позвал родных. Они тебе ближе меня.

— Неправда, — сказал Мэйкон. — Вернее, правда, но дело не в том. То есть в каком-то смысле они ближе, ведь у нас кровное родство.

— Эта ваша дурацкая игра, которую больше

никто не может уразуметь. Это ваше домашнее хозяйство, эта ваша Роза с ее разводными ключами и паяльниками. Она прогуливается по скобяным лавкам, точно другие люди — по бутикам.

– *Как* другие люди по бутикам, — поправил Мэйкон. И тотчас об этом пожалел.

— Вы цепляетесь к словам. Чуть что — лезете в словарь. Препираетесь из-за *системы*. Вы из тех, кто всегда пристегивается ремнем.

— Окстись, Сара, в этом-то что плохого?

— Такие всегда ходят в один ресторан, в который еще ходили их деды и бабки, но и там им надо все переложить и переставить, чтобы за столом сидеть так, как они сидят дома. Если надо всего лишь задернуть штору, они приходят в дикое волнение и не примут решения без долгого коллективного обсуждения, в котором взвесят все «за» и «против»: «Если не задернем, будет жарко, а задернем — разведется плесень...» Ежедневно они должны выпивать по шесть стаканов воды. И каждый вечер есть свою драгоценную печеную картошку. Они не верят в шариковые ручки, электрические пишущие машинки и автоматическую коробку передач. Они не верят в «здравствуй» и «прощай».

— Как это? — не понял Мэйкон.

— Как-нибудь присмотрись к себе! Люди входят, а ты лишь скользишь по ним взглядом, они выходят — ты поспешно отворачиваешься. Ты не допускаешь приходов и уходов. На продажу выставлен дом-мечта, но ты его не купишь, потому что заказал самоклеящиеся ярлыки со старым адресом и не двинешься с места, покуда не израсходуешь весь полуторатысячный запас.

— Это не я заказал, это Чарлз, — возразил Мэйкон.

— Пусть, но вполне мог и ты. Потому-то жена от него и ушла, и я ее не виню.

— И теперь ты нацелилась сделать то же самое, — сказал Мэйкон. — Хочешь разрушить двадцатилетнее супружество, потому что я пристегиваюсь ремнем.

— Оно уже давно рухнуло, поверь мне.

Мэйкон отложил ложку. Заставил себя сделать глубокий вдох.

— Мы уходим от сути, Сара, — сказал он.

— Да, наверное, — помолчав, согласилась она.

— Нас угробило несчастье с Итаном.

Сара оперлась локтями о стол и закрыла руками лицо.

— Но это неправильно, — сказал Мэйкон. —

Других горе сплачивает. Почему же нас оно разлучило?

— Что-нибудь не так? — спросила официантка.

Сара выпрямилась и стала рыться в сумочке.

— Все хорошо, — сказал Мэйкон.

Официантка опустила поднос с главными блюдами и недоверчиво взглянула на Сарину тарелку с закуской.

— Дама это съест или как? — спросила она Мэйкона.

— Э-э… наверное, нет.

— Не понравилось?

— Понравилось, но можно унести.

Официантка надулась и молча забрала тарелки. Сара отставила сумочку. Ей принесли нечто бурое и клейкое.

— Я поделюсь с тобой креветочным салатом, — сказал Мэйкон, когда официантка ушла.

Сара помотала головой. В глазах ее стояли слезы, готовые пролиться.

— Знаешь, после смерти Итана я поняла, что люди по своей природе злые, — сказала она. — Злые, Мэйкон. Такие злые, что без всякого повода могут застрелить двенадцатилетнего мальчика. Я читаю газеты и ужасаюсь, я больше не смотрю теленовости. Всюду так много зла, дети поджигают

своих ровесников, здоровые мужики выбрасывают младенцев в окно второго этажа, насилие, издевательство, терроризм, избитые и ограбленные старики, наше правительство, которому неймется взорвать мир, на каждом углу равнодушие, алчность и безудержная ярость. Я смотрю на своих учеников, они такие обычные, совсем как тот парень, что убил Итана. Если бы не подпись под его газетным снимком, можно подумать, что он организовал баскетбольную команду или выиграл стипендию. Верить нельзя ни единой душе. Прошлой весной, я тебе не рассказывала, я подравнивала нашу живую изгородь и увидела, что с куста индийской сирени украли птичью кормушку. Кто-то ворует даже у птичек! Не знаю, что на меня нашло, но я набросилась на сирень, всю ее изломала, искромсала секатором…

Слезы уже струились по ее щекам. Она подалась вперед:

— Бывали моменты, когда казалось, что я больше не смогу… ты уж извини, Мэйкон, за мелодраматичность… больше не смогу жить в таком мире.

Мэйкон понял, что надо быть очень осторожным. И тщательно подобрать верные слова. Он прокашлялся.

— Да, я… м-м… понимаю, о чем ты… — Он снова откашлялся. — Насчет людей ты права. Спорить не стану. Но объясни вот что: почему из-за этого надо бросить меня?

Сара скомкала салфетку и вытерла нос.

— Потому что я *знала*: ты не станешь спорить. Ты давно убедился, что люди злы.

— Ну и…

— Весь этот год я чувствовала, что ухожу в себя. От всего отдаляюсь. Как будто съеживаюсь. Я сторонилась многолюдья, не ходила на вечеринки, не приглашала к себе друзей. Летом мы поехали на взморье, я лежала на подстилке, а вокруг был весь этот народ с его орущими радиоприемниками, с его сплетнями и сварами, и я думала: «Фу, как это угнетает. До чего ж они все противные. Даже мерзкие». Я как будто заползала в свою раковину. Ну прям как ты… а, извини — совсем как ты, Мэйкон. Совсем как ты всегдашний. Я чувствовала, что превращаюсь в Лири.

Мэйкон попробовал отшутиться:

— Ну это еще не самое страшное.

Сара не улыбнулась.

— Я не могу себе это позволить.

— То есть?

— Мне сорок два. Осталось не так много вре-

мени, чтобы тратить его на прятки в ракушке. И я совершила поступок. Выпустила себя на волю. В моей квартире ненавистный тебе беспорядок. Я завела кучу новых друзей, которые тебе наверняка не понравились бы. Я беру уроки ваяния. Меня всегда тянуло в искусство, но учительство казалось благоразумнее. Твое словечко, Мэйкон, — благоразумие. Ты настолько благоразумен, что от всего отказался.

— От чего это я отказался?

Сара сложила салфетку и промокнула глаза. Под нижними веками остались разводы туши.

— Ты помнишь Бетти Гранд?

— Нет.

— Бетти Гранд, из моей школы. Ты за ней ухлестывал, пока не встретил меня.

— Ни за кем я не ухлестывал.

— Она тебе нравилась, Мэйкон. Ты сам мне об этом сказал на первом свидании. Еще спросил, знаю ли я ее. Мол, ты считал ее симпатичной, пригласил на бейсбол, но она тебя отшила. После этого она уже не казалась тебе симпатичной. У нее видны десны, сказал ты, когда она улыбается.

Мэйкон так и не вспомнил.

— И что? — спросил он.

— Ты безропотно отказывался от всего, что могло тебя задеть, огорчить, взбаламутить, — якобы не очень-то и хотелось.

— То есть было бы лучше, если б всю жизнь я сох по Бетти Гранд?

— По крайней мере, ты выказал бы хоть какое-то чувство.

— Я выказываю чувство, Сара. Вот сижу здесь с тобой. От тебя-то я не отказался.

Она предпочла этого не услышать.

— Когда Итана не стало, ты ободрал все наклейки с двери его комнаты, опустошил его шкаф и стол, словно тебе не терпелось поскорее от него избавиться. Ты всучивал соседям его вещи, валявшиеся в подвале, все эти ходули, санки, скейтборды, и не понимал, почему люди не хотят их брать. Меня бесит этот бесполезный хлам, говорил ты. Да, ты любил сына, но, значит, не так сильно, как я, и уход его не порвал тебя в клочья. Я знаю, ты горевал по нему, но ты… как сказать-то… ничего не впускаешь в себя слишком глубоко, будь то любовь или горе, ты как будто стараешься проскочить по жизни. Неужто не ясно, почему я решила уйти?

— Сара, я впускаю в себя… Я терплю. Стараюсь выдержать, не сломаться.

— Если ты вправду так думаешь, ты себя обманываешь. Ты не держишься, ты окостенел. Замуровался. Обитаешь в скорлупе, которую ничем не прошибить. Ох, Мэйкон, не зря ты сочиняешь свои дурацкие книжки о путешествиях без треволнений. Не случайно крылатое кресло стало твоим логотипом. Это ты сам.

— Нет, неправда!

Сара неловко натянула пальто, один край воротника загнулся внутрь.

— Ладно, бог с ним. Вот что я хотела сказать: я дала указание Джону Олбрайту послать тебе бумаги.

— Кто такой Джон Олбрайт?

— Мой поверенный.

— Ах так. — Мэйкон молчал целую минуту и наконец надумал: — Ты, наверное, имеешь в виду адвоката.

Сара взяла сумочку, встала и ушла.

Мэйкон добросовестно съел креветочный салат и сырую капусту, богатую витамином С. Подчистил тарелку с жареным картофелем, хотя знал, что наутро будет мучиться сухостью во рту.

Однажды маленький Итан, года в два-три, выскочил на дорогу за укатившимся мячиком. Мэйкон был от него слишком далеко. Он только

вскрикнул и в ужасе замер, глядя на грузовик, вылетевший из-за поворота. В тот миг он смирился с потерей. В долю секунды приноровился к жизни без Итана, которая будет неизмеримо безрадостнее, но в то же время, словно в компенсацию, проще и спокойнее, свободной от тягот, связанных с маленьким ребенком, — бесконечных капризов, беспорядка, соперничества за внимание Сары. Грузовик резко затормозил, Итан схватил мячик, у Мэйкона облегченно подкосились ноги. Но он навсегда запомнил, как быстро приноровился. Порой он думал, что, может быть, тот случай застрял в памяти, чтобы смягчить удар от будущего несчастья с Итаном. Ведь если б мы не приноравливались, жизнь стала бы невозможной.

Мэйкон попросил счет и расплатился.

— Чего-то не так? — поинтересовалась официантка. — Вашей даме еда не глянулась? Попросила бы заменить. Мы, дорогуша, не возражаем.

— Я знаю.

— Наверное, для нее это слишком остро.

— Все было хорошо, — сказал Мэйкон. — Пожалуйста, принесите мои костыли.

Покачивая головой, официантка пошла в вестибюль.

Придется искать такси, думал Мэйкон. С Розой не было уговору, что она его заберет. Втайне он надеялся вместе с Сарой поехать домой. Сейчас эта надежда казалась жалкой. Мэйкон оглядел почти полный зал, где у каждого был свой сотрапезник. Только он сидел в одиночестве. Мэйкон старался сохранить достоинство, но чувствовал, как осыпается. Официантка принесла ему костыли, и он подумал, что облик его, видимо, вполне соответствует внутреннему состоянию: согбенный человек уронил голову на грудь, неуклюже растопыренные локти смахивают на крылья неоперившегося птенца. Его провожали взглядами. Кое-кто посмеивался. Неужто глупость его так очевидна? Когда он проходил мимо церковных старушек, одна ухватила его за рукав:

— Сэр! Сэр!

Мэйкон остановился.

— По-моему, вам дали мои костыли, — сказала старуха.

Мэйкон опустил взгляд. Конечно, это чужие костыли. Маленькие, чуть ли не детские. В иной ситуации он бы сразу это заметил, а вот нынче как-то проморгал. В другое время он бы непременно вызвал управляющего и попенял ему на халатное отношение к увечным. Но сегодня лишь

понурился, ожидая чьей-нибудь помощи.

Глава девятая

Когда дед Лири стал заговариваться, сперва никто не понял, что происходит. Старик он был крепкий, подтянутый. В общении крут. Четок.

— Вот что, Мэйкон, — заявил он, — привези-ка мой паспорт из банковской ячейки. Он мне нужен к двенадцатому июня. Я отплываю на Лассак.

— Куда, дедушка?

— Если понравится, останусь там насовсем.

— А где это?

— Лассак — остров у боливийского побережья.

— А-а… Погоди-ка…

— Он интересен тем, что у лассакцев нет письменности. Любую печатную продукцию у тебя конфискуют. Ее считают черной магией.

— По-моему, у Боливии нет выхода к морю, — сказал Мэйкон.

— Ты не можешь взять с собой даже чековую книжку. И должен отмочить этикетку дезодоранта, прежде чем ступишь на остров. Деньги надлежит обменять на цветные облатки.

— Дед, ты шутишь?

— Шучу? Глянь в энциклопедии, если не ве-

ришь. — Дед Лири сверился с карманными часами в стальном корпусе и уверенно их завел, туда-сюда крутя головку. — Неграмотность островитян возымела любопытный эффект, выразившийся в их почтении к старикам. Они черпают знания не из книг, но из опыта, и потому ловят каждое слово долгожителей.

— Понятно. — Мэйкон решил, что догадался, из-за чего сыр-бор. — Мы тоже ловим каждое твое слово.

— Пусть так, — кивнул дед, — однако я хочу посетить этот остров, прежде чем его испоганят.

Мэйкон помолчал. Затем прошел к книжному шкафу и выбрал том из дедовой энциклопедии в выцветших коричневых переплетах.

— Дай сюда! — Дед протянул обе руки, жадно схватил книгу и стал листать страницы. Пахнуло плесенью. — Ласки… — бормотал он, — Лассаль, Лассо… — Дед опустил книгу и нахмурился. — Нету… — Он вновь стал искать. — Лассаль, Лассо…

Он выглядел смущенным, почти испуганным. Лицо его вмиг обвисло — в последнее время Мэйкон уже не раз подмечал эту странную метаморфозу.

— Не понимаю, — прошептал дед. — Не понимаю.

— Наверное, тебе приснилось, — сказал Мэйкон. — Бывают такие сны, где все как наяву.

— Это не сон, Мэйкон. Я *знаю* этот остров. Я же купил билет. На двенадцатое июня.

У Мэйкона по спине пробежали мурашки.

Потом дед возомнил себя изобретателем и рассказывал о разных проектах, над которыми, по его словам, работал в подвале. Облачившись в костюм, безупречно белую рубашку и черные туфли, надраенные до зеркального блеска, он усаживался в красное кожаное кресло и, аккуратно сложив руки на коленях, возвещал о создании мотоцикла, способного тащить плуг. Он всерьез рассуждал о коленчатых валах и шплинтах, и Мэйкон, хоть донельзя расстроенный, чуть не прыскал от смеха, представляя этакого ангела ада в кожаных сапогах, вспахивающего пшеничное поле.

— Вот сглажу кое-какие шероховатости — и сколочу состояние, — говорил дед. — Мы разбогатеем.

Похоже, он себя считал бедняком, зарабатывающим на хлеб насущный. Не нужен ли кому радиоприемник на колесиках, по пятам следующий за хозяином, плавающий телефон и машина, подъезжающая по зову владельца? Понимающий

человек за это отвалит кучу денег, верно?

Однажды все июньское утро дед сидел на террасе, выравнивая стрелки на брюках, а затем объявил: он вывел новый вид цветов, которые закрываются, учуяв слезы.

— От флористов не будет отбою, — заверил дед. — Вообразите сногсшибательный эффект на похоронах!

Потом он задумал скрестить базилик с помидором. Производители соуса для спагетти, говорил дед, меня озолотят.

Когда внуки разъехались, а жена умерла, дед остался на попечении Розы. Братья о ней беспокоились. Старались заглядывать как можно чаще.

— Слушайте, не надо этого, — говорила Роза.

— Чего не надо? — притворно удивлялись братья. — О чем ты?

— Если вы зачастили из-за деда, это лишнее. Мы с ним прекрасно справляемся. Он просто счастлив.

— Неужели?

— Да, ей-богу, счастлив, — повторяла Роза. — Он живет полной и, честное слово, невероятно интересной жизнью. Могу поспорить, даже в юности он ею так не наслаждался.

Братья ее поняли. Мэйкон даже слегка зави-

довал старику и позже сокрушался, что дедово счастье длилось так недолго. Вскоре дед стал бессвязно бормотать, потом замолк и лишь невидяще смотрел перед собой, а затем и вовсе умер.

В среду под утро Мэйкону приснилось, что дед Лири его растолкал и спрашивает, куда подевался кернер.

— Чего ты пристал? — сказал Мэйкон. — Не брал я твой кернер.

— Ох, Мэйкон, — печально вздохнул дед. — Неужто не понимаешь, что я о другом?

— Это о чем же?

— Ты потерял *жизненный* стержень, Мэйкон.

— Я знаю, — сказал Мэйкон и тут чуть в стороне увидел светловолосую голову Итана, ростом почти догнавшего деда.

— Да не о том я. — Старик нетерпеливо отмахнулся и подошел к комоду. (В этом сне Мэйкон лежал не на террасе, а в своей бывшей детской на втором этаже; там стоял комод, с которого Роза давно уж свинтила граненые стеклянные ручки, приспособив их под миски для своих кукол.) — Я говорю о Саре. — Дед взял щетку для волос. — Где она?

— Сара меня бросила, дедушка.

— Из нас она самая лучшая! — сказал дед. — Ты,

парень, так и будешь киснуть в этом старом доме? Пора уж отсюда сваливать. Долго ты собираешься сидеть сиднем?

Мэйкон открыл глаза. Еще не рассвело. Терраса виделась как сквозь промокашку.

Казалось, дед еще не совсем исчез. Мэйкон напрочь забыл его манеру нетерпеливо отмахиваться, во сне жест этот возник сам собою. Но дед Лири никогда не сказал бы того, что говорил в сновидении. Сара ему, в общем-то, нравилась, но всех невесток он, похоже, считал чужачками и на свадьбах внуков сидел с таким выражением, мол, ладно уж, ничего не попишешь. Никакую женщину он не назвал бы «стержнем». Разве что, вдруг подумал Мэйкон, свою собственную жену, бабушку Лири. А ведь и правда: тотчас после ее смерти у деда ум зашел за разум.

До рассвета Мэйкон лежал без сна. На душе полегчало, когда в доме зашевелились его обитатели. Потом Мэйкон встал, побрился-оделся и отправил Эдварда за газетой. Когда Роза спустилась в кухню, он уже варил кофе.

— Ты не перепутал утренние зерна с вечерними? — встревожилась сестра.

— Не перепутал, — успокоил ее Мэйкон. — Всё под контролем.

Роза порхала по кухне — раздернула шторы, достала ножи-вилки, открыла яичную упаковку.

— Ну вот, сегодня тебе снимут гипс, — сказала она.

— Похоже, так.

— И после обеда ты уедешь в Нью-Йорк.

— Угу… — промямлил Мэйкон и спросил, не нужен ли ей купон на ветчину, который он углядел в газете.

— Ты же нынче едешь? — не отставала Роза.

— Ну да.

Дело в том, что Мэйкон уезжал, не пристроив Эдварда. В старую гостиницу пса не пустят, а в новой была эта Мюриэл… Мэйкон считал, что Эдварду лучше остаться дома, в семье. Роза, конечно, воспротивится. Мэйкон затаил дыхание, но сестра, напевая «Клементину», стала разбивать яйца в сковородку.

В девять часов в медкабинете на Сейнт-Полстрит маленькой урчащей электропилой врач срезал гипс. На свет божий явилась нога, мертвенно бледная, сморщенная, страшная. Когда Мэйкон встал, лодыжка завихляла. Он все еще хромал. И вдобавок забыл взять нормальные брюки, а посему был вынужден в одной штанине прощеголять мимо очереди пациентов, выставив

напоказ свою неприглядную ногу. Мэйкон уже сомневался, что когда-нибудь обретет прежний, неискалеченный вид.

По дороге домой Роза наконец-то спросила, куда он денет Эдварда.

— Да никуда. — Мэйкон наиграл удивление. — С тобой оставлю.

— Со мной? Но он же неуправляемый, ты это отлично знаешь!

— Так ведь ненадолго, ничего страшного. Завтра к вечеру я вернусь. Если что, запри его в кладовке. Раз-другой подкинь ему корма, а там и я приеду.

— Мне это совсем не нравится, — нахмурилась Роза.

— Его бесят гости. Но ты вроде бы никого не ждешь.

— Да нет, никого, — сказала Роза, и на этом разговор, слава богу, иссяк. Хотя Мэйкон уже изготовился к битве.

Дома он принял душ и переоделся в дорожный костюм. Затем пообедал пораньше. Мэйкон сомневался, что нога его справится со сцеплением, поэтому в полдень Роза отвезла его на вокзал. Когда он вышел из машины, возникло ощущение, что увечная голень вот-вот подломится.

— Слушай, а не рано мне путешествовать? — сказал он Розе, совавшей ему сумку.

— В самый раз, — ни на секунду не задумавшись, ответила сестра. Потом захлопнула дверцу, помахала рукой и отбыла.

С последней поездки Мэйкона вокзал удивительно преобразился. Сквозь стеклянный купол лился мягкий голубоватый свет, с медных крюков свисали матовые шары фонарей. В зале ожидания исчезли старые дощатые перегородки, явив отполированные деревянные скамьи. Сверкающее кассовое окно ошарашивало своей новизной. Пожалуй, путешествия не так уж гадки, подумал Мэйкон. Возможно, раньше он заблуждался. В душе его проклюнулась надежда.

Но едва он захромал к выходу на перрон, как его захлестнуло одинокостью, извечно сопровождавшей его в поездках. Он виделся себе единицей в скоплении двоек и троек. Вон у прилавка справочной группа самоуверенных парней с рюкзаками и спальными мешками. А вон семейство, занявшее всю скамью, — родители и четыре нарядные дочки, которым не очень уютно в еще необмятых клетчатых пальтишках и шляпках с лентами; сразу видно: едут в гости к бабушке с дедушкой. Даже одиночки — пожилая дама, утянутая в кор-

саж, блондинка в окружении дорогих кожаных чемоданов — выглядели не одинокими.

Мэйкон сел на скамью. Объявили прибытие поезда в южном направлении, и ползала кинулось к выходу; чуть позже следом непременно прогалопирует запыхавшаяся встрепанная тетка, обремененная уймой сумок и узлов. На лестнице уже толкались прибывшие пассажиры. У всех слегка изумленное выражение людей не от мира сего. Вот женщину встречает муж с младенцем на руках: чмокнул в щеку и сразу сунул ей ребенка, словно тяжкую обузу. Девушка в джинсах вышла на лестничную площадку, увидала другую девушку в джинсах, обняла ее и заплакала. Мэйкон искоса подглядывал, фантазируя причину слез. (Приехала на мамины похороны? Сорвалось бегство с любовником?)

Объявили посадку на его поезд, он взял сумку и захромал следом за семейством с множеством дочек. На перроне его встретил порыв холодного свежего воздуха. Похоже, на этих платформах ветер свищет в любую погоду. Самой маленькой девочке наглухо застегнули пальто. Вдали показался поезд, медленно вырисовывавшийся из точки желтого света.

Оказалось, народу ехало изрядно. Оставив на-

дежду отыскать пустое отделение, Мэйкон подсел к молодому толстяку с портфелем. И на всякий случай приготовил «Мисс Макинтош».

Поезд дернулся, потом передумал, затем снова дернулся и поехал. Не сказать что плавно, а словно спотыкаясь о ржавые наросты на рельсах. Навстречу побежали, тотчас пропадая, городские виды: путаница домов, пустыри в увядшей траве, негнущееся белье на веревках, прихваченное заморозком.

— Жвачку? — предложил попутчик.

— Нет, спасибо, — отказался Мэйкон и поспешно раскрыл книгу.

Примерно через час пути веки его отяжелели. Мэйкон откинулся на сиденье. Он хотел просто дать отдых глазам, но, видимо, заснул. Очнулся он, когда проводник объявил Филадельфию. Мэйкон рывком выпрямился, успев подхватить книгу, соскользнувшую с коленей.

Попутчик что-то писал, приспособив портфель вместо стола. Очевидно, бизнесмен — один из тех, кому адресовались путеводители. Забавно, Мэйкон не представлял себе своих читателей. А чем конкретно занимаются бизнесмены? Этот что-то вписывал в карточки, время от времени заглядывая в брошюру с изобилием диаграмм. На

одной диаграмме страницу пересекали черные грузовички — четыре, семь, три и половинка грузовика. Она выглядела жалким уродцем.

Перед конечной остановкой Мэйкон сходил в туалет в торце вагона — не идеальный, но все же уютнее любого из тех, что будут в Нью-Йорке. Вернувшись на место, убрал «Мисс Макинтош» в сумку.

— Едем в холод, — сказал попутчик.

— Видимо, так, — сказал Мэйкон.

— Прогноз обещает заморозки и ветер.

Мэйкон промолчал.

Он всегда путешествовал без пальто, лишней поклажи, но вниз поддевал фуфайку и кальсоны. Холод — наименьшая из предстоящих забот.

В Нью-Йорке пассажиры кинулись врассыпную, точно горошины из стручка. Не поддаваясь общей спешке, Мэйкон размеренно пробрался сквозь толчею, одолел темную лязгающую лестницу и вновь угодил в толпу, гуще прежней. Бог мой, где эти женщины раздобыли свои наряды? Вот одна в мохнатом меховом вигваме и сапогах «под леопарда». Другая в желтом комбинезоне автомеханика, только кожаном. Крепче ухватив сумку, Мэйкон протолкался к двери на улицу, где остервенело ревели клаксоны, а воздух был

сер и пахуч, как нутро давно потухшего камина. Мэйкон считал Нью-Йорк зарубежьем, от которого неизменно брала оторопь: намертво сосредоточенные водители, шустрые пешеходы, не глядя по сторонам, торят путь через любые препятствия.

Он окликнул такси и, забравшись на изодранное скользкое сиденье, назвал адрес. С места в карьер водитель стал рассказывать о своей дочке.

— Ей, вишь ты, тринадцать, — говорил он, вклиниваясь в поток машин, — и у ней в каждом ухе по три дырки, уже с сережками, так теперь она вознамерилась проколоть верхушки ушей. В тринадцать-то лет! — Неизвестно, расслышал ли он адрес. Однако ехал бодро. — Я и насчет первых-то дырок возражал. Ты что, говорю, не читала Энн Лэндерс? Дырки в ушах, пишет она, это издевательство над собственным телом. Или это не она? Да нет, она, кажется. Давай уж тогда и в нос кольцо, как африканцы, чего уж там? Это я дочке говорю. А она мне: «А что? Кольцо в носу плохо, что ли? Пожалуй, я так и сделаю». И ведь с нее станется. Станется с нее. А четвертая дырка-то получается в хрящике, и даже не все эти, что уши-то дырявят, за это берутся. Нет, это

чокнуться можно! Хрящик-то — совсем другой коленкор, это тебе не мягкая мочка.

Мэйкон почувствовал себя невидимкой. Казалось, таксист говорит сам с собою, возможно, он начал тираду еще до того, как посадил Мэйкона, и продолжит ее, когда его высадит. Может, его, Мэйкона, вообще нет в этом такси? В поездках подобные мысли охватывали часто.

— Хм, — от полной безысходности произнес Мэйкон.

Удивительно, шофер тотчас смолк. Затылок его был весь внимание. Пришлось продолжить.

— А вы ее чем-нибудь напугайте, — сказал Мэйкон.

— Это чем же?

— Ну… скажите, мол, знаете девочку, у которой уши отвалились.

— Она на такое не поведется.

— А вы научно обоснуйте. Дескать, проколотый хрящ моментально вянет.

Таксист хмыкнул. И клаксоном шугнул продуктовый фургон.

— Ты только представь, скажите, что всю жизнь тебе придется носить одну прическу. Прятать увядшие уши.

— Думаете, она поверит?

— А почему нет? — Мэйкон помолчал и добавил: — И потом, это, по-моему, правда. Кажется, я где-то об этом читал.

— Да-да, точно, — сказал шофер. — Я тоже что-то такое слышал.

— Вроде бы даже видел фото чьих-то увядших ушей. Таких жутко сморщенных.

— Ага, типа так скукожились, — поддакнул таксист.

— Да, наподобие кураги.

— Блин! Я ей скажу.

Такси остановилось перед отелем, Мэйкон расплатился и вылез из машины.

— Надеюсь, сработает, — сказал он.

— Наверняка сработает. До следующего раза. Пока не надумает кольцо в носу или еще чего.

— Не забывайте, в носу тоже хрящ! Носы тоже вянут!

Таксист помахал рукой и вновь слился с потоком машин.

Мэйкон вселился в номер, а потом на метро поехал к отелю «Буфорд», рекомендованному торговцем электроникой. Здесь небольшие апартаменты можно было снять на сутки или неделю. Управляющий мистер Эггерс оказался упитанным коротышкой, хромым на ту же ногу, что и

Мэйкон. Наверное, они представляли странное зрелище, когда вдвоем ковыляли через вестибюль к лифтам.

— Корпорации снимают почти все наши апартаменты, — сказал мистер Эггерс, нажав кнопку «вверх». — Компаниям, которые часто командируют своих людей в Нью-Йорк, это выгоднее, нежели обзаводиться собственным жильем. На время, что номера пустуют, они дают мне команду найти других постояльцев и тем самым покрыть издержки.

Мэйкон сделал пометку на полях путеводителя. Мелкими буквами он также отметил убранство холла, напоминавшего старомодный мужской клуб. На массивном столе с ножками в виде когтистых лап, расположившемся между лифтами, высилась медная скульптура в ярд высотой: на фоне медной драпировки обнаженная дама стояла на медных облаках и во вскинутой руке держала патрон с запылившейся лампочкой, от которого тянулся потрепанный шнур. Пол прибывшего лифта был устлан ковром с блеклым узором, стенки обшиты панелями.

— Позвольте узнать, не вы ли автор путеводителей «Случайный турист»? — спросил мистер Эггерс.

— Да, я, — признался Мэйкон.

— Надо же! Ваш визит — великая честь. Мы предлагаем гостям ваши книги, они у нас хранятся в вестибюле. Но, знаете, я вас представлял немного другим.

— Каким же?

— Ну, не таким рослым, наверное. И более грузным, что ли… с этаким пузцом.

— Понятно.

Лифт остановился, но дверь его открылась с задержкой. Мистер Эггерс повел Мэйкона по коридору. Горничная с тележкой белья, приготовленного в стирку, посторонилась, уступая дорогу.

— Вот, извольте. — Мистер Эггерс открыл номер и зажег свет.

Мэйкон как будто перенесся в пятидесятые годы: квадратная тахта в обивке с металлической нитью, хромированный столовый гарнитур, двуспальная кровать со стеганой виниловой вставкой кремового цвета в изголовье. Мэйкон опробовал матрас — снял туфли и улегся на кровать. Мистер Эггерс стоял рядом, переплетя пальцы. Мэйкон хмыкнул, сел и обулся. Затем прошел в ванную, где унитаз опоясывала белая лента с надписью ДЕЗИНФИЦИРОВАНО.

— Это выше моего разумения, — сказал он. — Неужели какая-то приляпанная бумажка вселит в меня уверенность?

Мистер Эггерс беспомощно развел руками. Мэйкон отдернул душевую штору с розовыми и голубыми рыбинами и осмотрел поддон, который выглядел вполне презентабельно. Правда, от крана тянулся рыжий потек.

В кухоньке отыскались кастрюля, пара затертых пластиковых тарелок и кружек, а также целая полка стаканов под виски.

— Наши гости готовят редко, но приглашают коллег на стаканчик, — пояснил мистер Эггерс.

Мэйкон кивнул. Знакомая проблема: тонкая грань между «уютом» и «безвкусицей». Хотя подчас уютное безвкусно. Он открыл маленький холодильник под столешницей. Сильно исцарапанные решетки для льда, лежавшие в морозилке, были один в один с теми, что использовала Роза.

— Согласитесь, тут есть все необходимое, — сказал мистер Эггерс. — Вот, видите, даже фартук в шкафчике. Жена моя придумала. Чтоб не испачкать костюм.

— Да, очень мило.

— Я это называю домашней обстановкой вдали

от дома.

— По правде, с домом ничто не сравнится. — Мэйкон вздохнул.

— Ну почему? Чего не хватает? — спросил мистер Эггерс. Когда он волновался, его очень бледное пористое лицо лоснилось. — Что, вы считаете, нужно добавить?

— Знаете, мне вот кажется, что отель мог бы предлагать постояльцам домашних животных.

— Животных?

— В смысле, кошку, что на ночь устроится в твоей постели, или какую-нибудь собаку, которая обрадуется твоему приходу. Вы не замечали, какими казенными выглядят гостиничные номера?

— Да, но… даже не знаю… Санэпидстанция, бумажная морока… Их же надо чем-то кормить… У кого-то из гостей наверняка окажется аллергия…

— Я понимаю, понимаю, — сказал Мэйкон. На полях путеводителя он проставил число мусорных корзин — четыре штуки. Отлично. — Нет, конечно, мою идею вряд ли поддержат.

— Но вы нас все-таки порекомендуете?

— Безусловно. — Мэйкон захлопнул путеводитель и спросил прейскурант услуг.

До конца дня он объезжал отели, в которых

уже бывал. Встречался с управляющими, бегло осматривал номера, убеждаясь, что они не превратились в руины, выслушивал жалобы на рост цен, знакомился с планами реконструкции и улучшенной системой конференц-связи. Потом вернулся в свой номер и включил вечерние новости. В мире дела обстояли неважно, но непривычный облик телевизора, нывшая нога, которую он пристроил на стул, и кресло, как будто задуманное для человека иной комплекции, создавали впечатление, что все эти войны и стихийные бедствия были понарошку. Все это смахивало на спектакль. Мэйкон выключил телевизор и пошел ловить такси.

По замыслу Джулиана ему предстояло отужинать на последнем этаже какого-нибудь немыслимого небоскреба. (Мэйкон подметил, что начальник питает слабость к ресторанам с выкрутасами. Хлебом его не корми, а только подай заведение, которое вращается, плавает или куда можно попасть лишь по шатким мосткам.) «Вообрази, как это ошарашит нашего иногороднего клиента, — говорил Джулиан. — Непременно иногороднего, потому как коренного ньюйоркца…» Тогда фыркнул Мэйкон. А сейчас фыркнул таксист.

— Там чашка кофе обойдется вам в пять баксов, — сказал он.

— Ясное дело.

— Шли бы лучше во французский ресторанчик.

— Это у меня на завтра. Для *местных* клиентов.

Такси удалялось от оживленных улиц, вокруг становилось темнее и тише. Мэйкон смотрел в окно. Вон у двери скорчился одинокий человек, закутавшийся в длинное пальто. Султанчики пара над канализационными люками. На всех магазинах решетки спущены.

Такси остановилось в конце самой темной улицы. Водитель снова фыркнул, Мэйкон расплатился и вышел из машины. Он был не готов к ветродую, накрывшему его, словно огромное полотнище. Погоняемый ветром, Мэйкон торопливо шел, почти бежал по тротуару, полоща штанинами. Перед входом в небоскреб он вздумал посмотреть вверх. Взгляд его поднимался все выше, и выше, и выше и, наконец, остановился на страшно далеком белом острие, терявшемся в иссиня-черном беззвездном небе. Вспомнилось, как давным-давно Итан, совсем еще кроха, в зоопарке остановился перед слоном, запрокинул

головенку и изумленно шлепнулся на попку.

Внутри — сплошь узорчатый розовый мрамор и акры безворсового паласа. Размером с комнату лифт, лишь наполовину заполненный пассажирами, был открыт; Мэйкон вошел в него и встал меж двух дам в шелках и брильянтах. Аромат их духов был почти зрим. Казалось, воздух от него рябит.

Держите под рукой жвачку, записал Мэйкон в путеводителе, когда лифт взлетел ракетой. Заложило уши. В плотной глухой тишине голоса соседок казались жестяными. Мэйкон сунул путеводитель в карман и посмотрел на светящееся табло. Цифры сменялись по десяткам: сорок, пятьдесят, шестьдесят… «Надо как-нибудь затащить сюда Гарольда, — сказал мужской голос. — Помните, как он перетрусил на лыжном подъемнике?» Все засмеялись.

Потом лифт что-то пропел и дверь его беззвучно отъехала. Девушка в белом брючном костюме коридором провела гостей в просторный мрак, мерцавший свечами. В зале были темные окна от пола до потолка, но Мэйкона посадили за столик, лишенный обзора. Видимо, одинокие гости здесь были в диковину. Возможно, Мэйкон открыл им счет. Серебряных приборов на столике для одного

легко хватило бы на семью из четырех человек.

Официант, одетый гораздо лучше Мэйкона, вручил ему меню и спросил, что он желает выпить.

— Сухой херес, пожалуйста, — сказал Мэйкон.

Когда официант отошел, он сложил меню вдвое и сунул под себя. Потом оглядел соседей. Казалось, все они что-то празднуют. Мужчина и его беременная спутница держались за руки и сквозь лунное марево свечи улыбались друг другу. Слева шумная компания бесконечно произносила здравицы в честь одного человека.

Вернулся официант, ловко балансируя подносом с хересом.

— Прекрасно, — сказал Мэйкон. — Теперь позвольте меню.

— Разве я его не дал?

— Выходит, недоглядели, — слукавил Мэйкон.

Официант принес второе меню и сам размашисто его раскрыл. Потягивая херес, Мэйкон изучил цены. Астрономические. По обычаю, он решил взять блюдо, которое, вероятно, заказали бы его читатели, — не кнель или сладкое мясо, но средней прожарки стейк. Сделав заказ, Мэйкон встал, задвинул стул под стол и со стаканом в руке подошел к окну.

И тут вдруг ему показалось, что он умер.

Он увидел город, расстилавшийся внизу, точно сверкающий золотистый океан, огненные ленточки улиц, изогнутый горизонт и пурпурную небесную пустоту, уходившую в бесконечность. Ошеломляла не высота, ошеломляла даль. Огромная одинокая даль, разделявшая его со всеми, кого он любил. Откуда знать попрыгунчику Итану, что отец его угодил в силок небесного шпиля? Как об этом узнает Сара, лениво растянувшаяся под солнышком? Он искренне верил, что где бы сейчас она ни была, там светит солнце, ибо их разделяло немыслимое расстояние. Он подумал о сестре и братьях, занятых обычными делами, садящихся за вечернюю карточную игру и даже не подозревающих, как далеко он от них уехал. Так далеко, что назад не вернуться. Никогда, никогда не вернуться. Он умудрился заехать в такую даль, где был один-одинешенек во вселенной, где единственная реальность — его худая рука, сжимающая стакан с хересом.

Мэйкон выронил стакан, чем породил тихий неразборчивый гомон в зале, и кособоко устремился прочь из ресторана. Он выскочил в бесконечный коридор, который не смог бы одолеть. Тогда он свернул в боковой проход. Миновал нишу с телефоном-автоматом и ввалился в

туалет, по счастью, мужской. Опять мрамор, зеркала, белая эмаль. Показалось, сейчас его вырвет, он кинулся в кабинку, но дурнота из желудка перекочевала в голову, ставшую необыкновенно легкой. Мэйкон согнулся над унитазом и стиснул виски. Неожиданно возникла мысль: какой же длины эти трубы, протянутые на такую высоту?

Кто-то вошел в туалет, покашлял. Щелкнула дверь другой кабинки. На щелочку приоткрыв свою дверь, Мэйкон глянул наружу. Безликая роскошь туалета навеяла мысль о научно-фантастических фильмах.

Наверное, такие казусы здесь не редкость? Может, не совсем такие, но схожие — скажем, человек, боящийся высоты, впадает в панику и призывает на помощь… кого? Официанта? Девушку, встречавшую лифт?

Мэйкон потихоньку выбрался из кабинки и выскочил в коридор, чуть не врезавшись в даму в ярдах и ярдах палевого шифона, выходившую из телефонной ниши. Она только что закончила разговор и, подобрав свой шлейф, томной изящной походкой направилась в ресторан. *Простите, мэм, не могли бы вы быть столь любезны… э-э…* На ум приходил только слезный вопль из раннего детства. *Хочу на ручки!*

Расшитая блестками сумочка в белой руке — последнее видение, перед тем как даму поглотил ресторанный мрак.

Мэйкон зашел в нишу и снял трубку. На ощупь прохладную — дама говорила недолго. Пошарив по карманам, он отыскал монеты и опустил их в щель. Но звонить было некому. В Нью-Йорке ни единой знакомой души. Тогда он позвонил домой, незнамо как припомнив номер своей кредитки. Он боялся, родные позволят телефону надрываться, что у них уже вошло в привычку, но в трубке раздался голос Чарлза:

— Слушаю.

— Чарлз?

— Мэйкон! — Брат, казалось, был необычно взбудоражен.

— Чарлз, я на небоскребе, и со мной приключилась такая… глупость. Давай забери меня отсюда.

— Забрать? О чем ты? Это ты забери меня отсюда!

— Что?

— Я заперся в кладовке, твой пес меня сюда загнал.

— Да, извини, но… У меня что-то вроде фобии. Боюсь, я не выдержу лифта, да и по лестнице мне не спуститься, а…

— Мэйкон, ты слышишь лай? Это Эдвард. Говорю, он загнал меня в кладовку. Немедленно приезжай домой!

— Да я в Нью-Йорке! На макушке небоскреба! И не могу спуститься!

— Только приоткрою дверь, он рычит. Я опять захлопнусь, а он скребется, уже, наверное, полдвери выскреб.

Мэйкон заставил себя сделать глубокий вдох.

— Чарлз, позови Розу.

— Ее нет дома.

— Как так?

— А почему, ты думаешь, я здесь торчу? Джулиан повел ее ужинать…

— Джулиан?

— По-моему, так его зовут?

— Джулиан, мой начальник?

— Да, и Эдвард, как всегда, взбесился, тут Роза и говорит: скорее запри его в кладовке. Я схватил поводок, а пес как кинется, чуть мне руку не оттяпал. Тогда я сам заперся в кладовке, а Роза, видимо, уже ушла…

— Портера тоже нет?

— Нынче у него свидание с детьми.

Как хорошо в кладовке! — подумал Мэйкон, представив полки с Розиным вареньем по алфа-

виту и черный телефон, такой древний, что на диске еще значился номер коммутатора. Все бы отдал, чтоб там оказаться!

Он уловил какой-то новый симптом. В груди что-то трепетало, и это совсем не походило на нормальное сердцебиение.

— Если ты меня не вытащишь, я позвоню в полицию, — сказал Чарлз. — Пускай его пристрелят.

— Нет! Не надо!

— А что, сидеть и ждать, когда он ко мне ворвется?

— Он не ворвется. Открой дверь и спокойно пройди мимо. Пожалуйста, Чарлз. Слушай, я тут на верхотуре и…

— Может, ты не в курсе, но у меня клаустрофобия.

Как вариант, прикинул Мэйкон, можно сказать ресторанной обслуге, что у него инфаркт. Инфаркт — это респектабельно. Вызовут неотложку и отнесут вниз, что и требуется. Даже не обязательно нести, пусть кто-нибудь просто прикоснется, положит руку на плечо, чтобы восстановилась связь с миром. Он так давно не ощущал чужого прикосновения.

— Я им скажу — дверь не выламывайте, ключ в

почтовом ящике, — говорил Чарлз.

— Что? Кому?

— Полиции, кому еще… Извини, Мэйкон, но ты же понимал, что рано или поздно с этой собакой придется покончить.

— Не делай этого! — заорал Мэйкон.

Человек, вышедший из ресторана, посмотрел в его сторону.

— Он — собака Итана, — уже тише сказал Мэйкон.

— И этим ему дозволено перегрызть мне глотку?

— Погоди. Не пори горячку. Давай все обдумаем. Сейчас я… Я позвоню Саре. Попрошу ее приехать и заняться Эдвардом. Ты слышишь?

— А если он и на нее бросится?

— Не бросится, поверь мне. Ничего не делай до ее приезда, ты понял? Не надо поспешных решений.

— Ну ладно… — неуверенно протянул Чарлз.

Мэйкон дал отбой и полез в карман за бумажником. Он перебрал визитки и неровно оторванные, от времени пожелтевшие бумажные клочки, хранившиеся в потайном отделении. Наконец отыскал Сарин номер, трясущимся пальцем его натыкал и затаил дыхание. *Сара*, скажет он, *я*

тут на небоскребе и…

Она не ответила.

Вот этого он не предвидел. Мэйкон слушал гудки. И что теперь? Что, черт возьми, теперь?

Наконец он повесил трубку. Безнадежно еще раз перебрал визитки: дантист, фармацевт, дрессура животных…

Дрессура?

Поначалу возник образ циркача — мускулистого мужчины в атласном трико. Потом он разглядел имя: Мюриэл Притчетт. Визитка написана от руки и вручную криво обрезана.

Мэйкон набрал номер. Она ответила сразу.

— Ну че? — просипела трубка голосом скучающей барменши.

— Мюриэл? Это Мэйкон Лири.

— О! Как поживаете?

— Хорошо. Вернее… Понимаете, в чем дело, Эдвард загнал брата в кладовку, и он слишком бурно отреагировал, Чарлз то есть, он всегда все принимает близко к сердцу, а я тут в Нью-Йорке на вершине небоскреба, и у меня, знаете ли, что-то вроде… э-э… расстройства. Я посмотрел вниз, а там город, так далеко-далеко, я даже не могу передать…

— Значит, если я верно поняла, — перебила

Мюриэл, — Эдвард в кладовке…

Мэйкон сосредоточился.

— Эдвард лает *снаружи*, — сказал он. — В кладовке сидит мой брат. Говорит, вызовет полицию, чтобы Эдварда пристрелили.

— Что за дурь!

— Вот именно! И я подумал, не могли бы вы приехать, достать ключ, он там на дне почтового ящика…

— Сейчас выезжаю.

— Ох, замечательно.

— Ну тогда пока, Мэйкон.

— Тут вот еще что…

Она ждала.

— Понимаете, я на небоскребе и жутко испугался, сам не знаю чего.

— А уж как я-то перепугалась, когда посмотрела «Ад в поднебесье»!

— Нет-нет, это не страх пожара или высоты, тут другое…

— Вы видели «Ад в поднебесье»? Теперь меня не затащишь выше этажа, откуда можно выпрыгнуть. Это ж какую отвагу надо иметь, чтоб взобраться на небоскреб! Да уж, Мэйкон, вы настоящий смельчак, коль туда залезли.

— Не такой уж я смельчак.

— Нет, я серьезно.

— Да перестаньте, ничего особенного.

— Вы так говорите, потому что не осознавали своих метаний, до того как вошли в лифт. Понимаете, внутренне вы себе сказали: «Ладно, рискнем». Так оно у всех. Наверняка и с самолетами так же. «Да, это опасно, как всякая подобная фигня, ну и черт с ним! — говорят себе люди. — Давай-ка взлетим, а там как бог даст». Слушайте, гуляйте там, удивляйтесь себе и пыжьтесь от гордости!

Мэйкон сдавленно хохотнул и крепче стиснул трубку.

— Значит, вот что я сделаю, — сказала Мюриэл. — Заберу Эдварда и отвезу его в «Мяу-Гав». От вашего брата толку, похоже, мало. Когда вернетесь, поговорим о занятиях. В смысле, дальше так нельзя, Мэйкон.

— Нельзя. Вы правы. Нельзя.

— Это ж курам на смех.

— Вы абсолютно правы.

— Ладно, увидимся. Пока.

— Погодите!

Короткие гудки.

Мэйкон повесил трубку и увидел компанию, вышедшую из лифта. Впереди трое мужчин, за

ними три дамы в длинных платьях. А замыкала шествие пара чуть ли не подросткового возраста. У паренька нескладно торчали руки из коротковатых рукавов, на девушке топорщилось платье с приколотой чудовищной орхидеей, закрывавшей половину ее лица.

На полпути юная пара притормозила и огляделась. Посмотрела на потолок, на пол. Потом друг на друга.

— Ого! — сказал парень и взял девушку за руки. Еще секунду они смотрели друг на друга, потом рассмеялись и вошли в ресторан.

Мэйкон последовал за ними. Он успокоился, устал и чертовски проголодался. К его радости, официант поставил перед ним тарелку, едва он плюхнулся на стул.

Глава десятая

— По совести, ребенок получился нечаянно, — сказала Мюриэл. — В смысле, мы еще были неженаты, если хотите знать правду. И если уж совсем по правде, из-за ребенка-то мы и поженились, хотя я говорила Норману, что он не обязан этого делать против воли. Не то чтоб я его на аркане тащила или еще что.

Мимо Мэйкона она смотрела на Эдварда, распростертого на коврике в прихожей. Лечь его принудили, однако он не вскакивал.

— Заметьте, я разрешаю ему шевелиться, но только лежа, — сказала Мюриэл. — Теперь я отвернусь, а вы смотрите, как он себя поведет.

Она прошла в гостиную. Со стола взяла вазу, перевернула и осмотрела донышко.

— Ну вот, мы, значит, взяли и поженились, и все вокруг это восприняли как величайшую мировую трагедию. Предки мои с этим так и не примирились. «Я всегда знала, что этим кончится, — зудела мать. — Ведь я тебя предупреждала, еще когда ты хороводилась со всякой шушерой, когда твои бесчисленные ухажеры дудели и

вызывали тебя на улицу, предупреждала я?..» Нас быстренько обвенчали в местной церкви, и мы без всякого свадебного путешествия отправились прямиком к себе на квартиру, а уже на другой день Норман устроился на работу к своему дядьке. Он вполне приспособился к женатой жизни — мы вместе ходили за продуктами, выбирали занавески и все такое. Знаете, порой я думаю, какие ж мы еще были дети. Как будто в куклы играли! В дочки-матери! За ужином на столе цветы и свечи, Норман зовет меня «милая», относит посуду в мойку. А потом ба-бах — и все стало всерьез. Теперь у меня малыш, семилетний карапуз в тяжелых башмаках, и это уж никакие не дочки-матери. Все было по-всамделишному сразу, только мы этого не понимали.

Она села на диван и вытянула ногу. Та к и этак ею повертела. На лодыжке чулок морщил.

— Ну что там Эдвард?

— Лежит, — ответил Мэйкон.

— Скоро он будет лежать по три часа кряду.

— По три *часа*?

— Легко.

— Не слишком ли сурово?

— По-моему, вы обещали не заводить подобных разговоров.

— Да. Виноват.

— Может, завтра он уляжется сам.

— Вы думаете?

— Если работать. И не сдаваться. И не размякать. — Мюриэл подошла к Мэйкону. Потрепала его по плечу: — Ладно, ничего. Мне нравятся мягкосердые мужчины.

Мэйкон попятился. И чуть не наступил на Эдварда.

Приближался День благодарения, и семейство Лири, как обычно, дискутировало о праздничном обеде. Дело в том, что никто из них не любил индейку. Однако было бы неправильно подать на стол что-нибудь иное, говорила Роза. Как-то это нехорошо. Братья напомнили, что ей придется подняться в пять утра, чтобы поставить индейку в духовку. Так мне придется, не вам, парировала Роза. Вам-то никакого беспокойства.

Наконец сошлись на индейке, и тут выяснилось, что у Розы есть свой тайный интерес: возможно, она пригласит Джулиана Эджа. Бедняжка Джулиан, вздыхала Роза, здесь у него никого из родни, и праздники он отмечает с соседями, такими же одиночками, которые что-нибудь приносят к столу. В прошлом году их праздничный обед состоял из вегетарианской

пасты-кассероль, козьего сыра в виноградных листьях и пирожков с киви. Угостить Джулиана нормальной домашней едой — это меньшее, что можно для него сделать.

— Что? — Мэйкон изобразил удивление и недовольство, но вообще-то был не особо удивлен. Джулиан явно что-то затевал. Но вот что? Всякий раз, как нарумяненная Роза в своем лучшем платье появлялась на лестнице и просила запереть Эдварда в кладовке, поскольку сейчас заедет Джулиан и куда-то там ее поведет, Мэйкона так и подмывало «случайно» выпустить пса. Он старался встретить Джулиана в дверях, окидывал его долгим многозначительным взглядом и лишь потом звал Розу. Но Джулиан держался серьезно, без тени насмешки. С Розой он был почтителен и чуть ли не робок, когда выйдя из дома, предлагал ей руку кренделем. Или в том и крылась насмешка? Балаган под названием «Роза Лири». Мэйкону все это очень не нравилось.

Потом выяснилось, что на праздник приедут дети Портера. Обычно они приезжали на Рождество, но в этом году решили иначе из-за каких-то осложнений с дедом и бабкой со стороны отчима. Вот и хорошо, сказала Роза, что у нас будет индейка. Дети так привержены традициям.

— Все вместе помолимся о милости Божьей… — распевала Роза, раскатывая тесто для пирожков с тыквой.

Мэйкон оторвал взгляд от стопки украденных меню, которые раскладывал на кухонном столе. Радость в Розином голосе настораживала. Вдруг сестра витает в каких-нибудь несбыточных мечтах, типа романа с Джулианом? Но в своем длинном белом фартуке Роза выглядела такой обыкновенной и благоразумной. Вылитая Эмили Дикинсон. Та ведь тоже пекла пирожки племянникам и племянницам? Нет, беспокоиться, конечно, не о чем.

— Я не говорила, что сына моего зовут Александром? — спросила Мюриэл. — Я его так назвала, потому что имя это, по-моему, благородное такое. Ох, непросто он мне достался. Еще когда я его вынашивала, что-то пошло наперекосяк, и его до срока из меня вынули, сделали кесарево, и теперь я не могу иметь детей. Он был такой малюсенький, даже на человека не похож, больше на новорожденного головастого котенка, его почти сразу надолго отрядили в инкубатор, он там чуть не помер. Норман спрашивает: когда оно будет похоже на других младенцев? Он всегда называл Александра «оно». Я-то пригляделась.

В смысле, очень скоро мне стало казаться, что ребенок таким и должен быть, и я целыми днями околачивалась в его палате, а Норман к нему и близко не подходил, мол, духу не хватает на такое смотреть.

Эдвард заскулил. Он уже почти не лежал — привстал на задние лапы, передними уперся в ковер. Но Мюриэл и бровью не повела.

— Как-нибудь надо свести вас с Александром, — сказала она.

— Я… э-э… — опешил Мэйкон.

— Он мало общается с мужчинами.

— Да, но…

— Ему надо чаще видеть мужчин, брать пример мужского поведения. Можем втроем сходить в кино. Вы ходите в кино?

— Нет, — честно сказал Мэйкон. — Сто лет уже не был. Я вообще не люблю кино. Уж слишком много крупных планов.

— Тогда можно пойти в «Макдоналдс».

— Ну это вряд ли.

Детей Портера ждали вечером накануне Дня благодарения, они ехали на машине, поскольку Дэнни, старший сын, только что получил водительские права. Ребята должны были уже приехать, и Портер себе места не находил, без-

остановочно расхаживая по комнате.

— У Джун мозги неведомо где! — возмущался он. — Еще нет недели, как шестнадцатилетний подросток получил права, а она позволяет ему самостоятельно ехать аж из Вашингтона. С двумя маленькими сестрами! Я не понимаю, чем она думает!

Как нарочно, дети опоздали почти на час. Когда наконец показались фары их машины, Портер, всех опередив, пулей выскочил из дома.

— Почему задержались? — крикнул он.

С наигранной небрежностью, позевывая и потягиваясь, Дэнни выбрался из машины и осмотрел колеса и лишь потом, словно спохватившись, поздоровался с отцом. Темноволосый в мать, ростом он был с Портера, только очень худой. Следом за ним появилась четырнадцатилетняя Сьюзан; сейчас Итан, всего на несколько месяцев младше, был бы ее ровесником. К счастью, Сьюзан, розовощекая, в шапке темных кудрей, ничуть не походила на покойного кузена. Нынче она была в джинсах, альпинистских ботинках и модном у молодежи пуховике, в котором всякий выглядит неповоротливой кулемой. Последней вылезла Либерти. «Вот уж имечко!» — каждый раз думал Мэйкон. Имя это сочинила ее взбалмошная ма-

тушка, которая восемь с половиной лет назад, еще не зная, что она на втором месяце, сбежала от Портера к хиппи, торговавшему стереоаппаратурой. Самое смешное, Либерти больше всех походила на Портера — прямые светлые волосы, точеные черты.

— Дэнни заблудился, — сердито сказала она, оправляя коротенькое приталенное пальто. — Дурак набитый.

Либерти расцеловалась с отцом, теткой и дядьями, а вот Сьюзан прошла мимо них с таким видом, словно уже выросла из телячьих нежностей.

— Ой, как здорово! — сказала Роза. — Замечательный у нас будет праздник, верно?

В руках она комкала передник, сдерживаясь, чтобы не кинуться к Дэнни, который лениво прошествовал в дом. Мэйкон огляделся: на улице остались только они, четверо взрослых, в сумерках казавшиеся бледно-серыми призраками. Немолодые холостяки, истосковавшиеся по юным родичам.

Чтобы порадовать детей, к ужину купили пиццу на вынос, но Мэйкону не давал покоя запах жареной индейки. Сперва он подумал, ему мнится. Но потом увидел, что и Дэнни принюхивается.

— Индейка? Уже? — спросил племянник.

— Я пробую новый способ, — сказала Роза. — Говорят, он экономит электричество. Задаешь минимальную температуру и на всю ночь оставляешь блюдо в духовке.

— Чудно.

После ужина посмотрели телевизор — карты ничуть не увлекали ребят — и разошлись по спальням. Но посреди ночи Мэйкон проснулся, как от толчка, и всерьез задумался об индейке. Роза намерена готовить ее до утра? На минимальной температуре? А на какой конкретно?

Поскольку нога зажила, Мэйкон спал в своей прежней комнате. В конце концов он спихнул кошку с груди и встал. В темноте спустился по лестнице, прошлепал по ледяному кухонному линолеуму и включил лампочку над плитой. На шкале духовки было сто сорок градусов.

— Верная смерть, — сказал Мэйкон Эдварду, притащившемуся следом за хозяином.

Тут в кухню вошел Чарлз в просторной болтающейся пижаме. Посмотрел на градусник и вздохнул.

— Мало того, индейка-то фаршированная, — сказал он.

— Прелестно.

— Две кварты начинки. Сама сказала.

— Две кварты кишмя кишащих бактерий.

— Может, мы чего-то не понимаем в этом способе?

— Утром выясним, — сказал Мэйкон, и они разошлись досыпать.

На завтрак Роза нажарила детям оладий.

— Скажи, что именно происходит с этой индейкой? — спросил Мэйкон.

— Я же объяснила: готовится на низкой температуре. Дэнни, тебе с джемом или сиропом?

— Так ли? — усомнился Мэйкон.

— Капаешь, — сказала Роза Либерти. — Ну что тебе, Мэйкон? Я прочла заметку о приготовлении мяса таким способом и решила, что он сгодится и для индейки…

— Для мяса способ, может, и хорош, но твоя индейка нас угробит, — сказал Мэйкон.

— В конце готовки я добавлю температуру!

— Нагрев потребуется мощный. Без автоклава тут не обойдешься.

— Или без ядерной вспышки, — радостно подхватил Дэнни.

— Вы оба сильно ошибаетесь, — сказала Роза. — И потом, кто здесь кухарка? Обещаю, все выйдет — пальчики оближешь.

Пальчики пальчиками, но выглядела птица неказисто: скукоженная грудка, тусклая иссохшая шкурка. Когда Роза триумфально внесла индейку в столовую, блюдо вызвало восторг лишь у тех, кто не знал его предысторию, — у Джулиана и миссис Барретт, Розиной подопечной старушки. Первый ахнул, вторая засияла улыбкой.

— Жаль, соседи мои этого не видят! — воскликнул Джулиан. Сегодня он был в синем пиджаке с медными пуговицами, щеки его блестели, точно отполированные.

— Знаете, тут все не так просто, — сказал Мэйкон.

Роза испепелила его взглядом.

— Нет, стол, конечно, замечательный. Можно наесться одними салатами. Пожалуй, я так и сделаю. А вот индейка…

— Чистая отрава, — закончил Дэнни.

— Что-что? — переспросил Джулиан, а улыбка миссис Барретт разъехалась еще шире.

— Мы опасаемся, что температура готовки была не вполне верной, — пояснил Мэйкон.

— Неправда! — перебила Роза. — Получилось превосходно.

— Миссис Барретт, отведайте салатов! — прокричал Мэйкон. Он решил, что старуха глухо-

вата.

Но та, видимо, все слышала.

— Может, позже, — сказала она. Улыбка ее не угасала. — Что-то нет аппетита.

— А я вообще вегетарианка, — заявила Сьюзан.

— Я тоже, — вдруг сказал Дэнни.

— Как тебе не стыдно, Мэйкон? — вознегодовала Роза. — Индейка удалась! Столько трудов!

— По-моему, выглядит восхитительно, — сказал Джулиан.

— Но вам неизвестны другие случаи, — вмешался Портер.

— Какие?

— То были просто неудачи, — вскинулась Роза.

— Ну да, — кивнул Портер. — Либо экономия. Ясное дело, ты не любишь выбрасывать продукты. Лежалая свинина, куриный салат, всю ночь простоявший в тепле…

Роза села. В глазах ее блестели слезы.

— Это подло! — проговорила она. — Но вам меня не провести. Я знаю, зачем вы это затеяли. Хотите опорочить меня перед Джулианом.

Джулиан, похоже, оторопел. Из нагрудного кармана он вытащил платок, да так с ним и застыл.

— Задумали его отвадить! Каждый из вашей троицы профукал свой шанс, и теперь вам угодно,

чтоб и я свой проморгала. Ну уж нет! Я знаю, что к чему. Да возьмите любую песню, что гоняют по радио, любую мыльную оперу. Там главное — *любовь*. В мыльной опере появляется новый персонаж, и сразу возникают вопросы: в кого он влюбится? Кто ответит ему взаимностью? Кто сойдет с ума от ревности? Кто разрушит собственную жизнь? А вы хотите меня этого лишить!

— Господи боже мой, — пробормотал Мэйкон, пытаясь уследить за ее логикой.

— Вы прекрасно знаете, что с индейкой все в порядке. Но вы хотите, чтоб я и дальше вам готовила, вела хозяйство, вы боитесь, что Джулиан в меня влюбится.

— Чего?

Роза вместе со стулом отъехала от стола, вскочила и выбежала вон. У Джулиана отвисла челюсть.

— Только посмей заржать, — сказал Мэйкон.

Но тот так и сидел с разинутым ртом.

— Даже не вздумай.

Джулиан сглотнул.

— Наверное, мне надо пойти к ней? — спросил он.

— Нет, — сказал Мэйкон.

— Но она вроде как…

— С ней все хорошо! Просто великолепно.

— Угу.

— Ну, кому печеной картошки?

За столом пробежал шумок, вид у всех был несчастный.

— Бедная девочка, — сказала миссис Барретт. — Я себя чувствую просто ужасно.

— Я тоже, — сказала Сьюзан.

— Джулиан? — Мэйкон звякнул ложкой. — Картошки?

— Мне, пожалуйста, индейку, — твердо ответил Джулиан.

В эту секунду Мэйкон его почти любил.

— Ребенок-то и разрушил наш брак, — говорила Мюриэл. — Смешно это, если вдуматься. Сперва из-за него мы поженились, потом из-за него разошлись, а в промежутке из-за него же ссорились. Норман не понимал, почему я все время торчу у Александра в больнице, — дескать, он же не соображает, что я рядом, чего туда ездить-то? А я там болталась с раннего утра до позднего вечера, сестрички меня не гнали. «Мы когда-нибудь вернемся к нормальной жизни?» — спрашивал Норман. Ну, вы понимаете, о чем это он. Якобы все мои мысли только об Александре, об остальном — недосуг. А сынок как будто поселился в

больнице, буквально, столько хворей в нем нашлось. Видели б вы счета за лекарства. У нас была неполная страховка, и счетов этих набралось на тысячи-тысячи долларов. В конце концов я пошла работать в больницу. Просилась в медсестры, но мне отказали и взяли санитаркой — в палатах убирать и все такое. Мусор выносить, полы мыть…

Мюриэл и Мэйкон выгуливали Эдварда на Демпси-роуд, надеясь встретить велосипедиста. Мюриэл держала поводок. Если появится велосипедист, сказала она, и Эдвард на него кинется или хотя бы пикнет, она так его одернет, мало не покажется. Об этом она предупредила в самом начале прогулки. Мол, не фордыбачьте, все это во благо собаке. Мэйкон надеялся, что в критическую минуту не забудет ее наставление.

Была пятница после Дня благодарения, с утра город присыпало снежком, но морозец не случился, и пороша превратилась в слякоть. Небо, казалось, начинается в двух футах над головой.

— Одна больная, миссис Бримм, — рассказывала Мюриэл, — ко мне прониклась. Кроме тебя, говорит, никто мне слова не скажет. А я к ней приходила и рассказывала об Александре. Что врачи говорят, будто шансов у него немного, некоторые

даже удивляются, что я еще на что-то *надеюсь*, когда у ребенка хворь на хвори. Рассказывала о Нормане, как он себя ведет. Прям словно повесть в журнале, говорила миссис Бримм. Когда ее выписали, она звала меня к себе домработницей, но из-за Александра я отказалась.

В конце улицы показался велосипедист — девушка в куртке, из-под которой выглядывала униформа «Баскин Роббинс». Эдвард навострил уши.

— Держитесь так, точно мы не ждем никаких неприятностей, — сказала Мюриэл. — Шагайте себе, даже не смотрите на него.

Девушка, худышка с маленьким серьезным лицом, катила им навстречу. Когда они поравнялись, от нее явственно пахнуло шоколадным мороженым. Эдвард принюхался, но с шагу не сбился.

— Ай, молодец! — похвалил его Мэйкон.

Мюриэл лишь прищелкнула языком. Казалось, примерное поведение пса она воспринимает как должное.

— И вот наконец-то Александра отпустили домой. Он ни капельки не подрос. Весь морщинистый, как старичок. Плачет — будто котенок мяукает. Сражался за каждый вдох. А от Нормана

никакой помощи. Я думаю, он ревновал. Бывало, соберусь я что-нибудь сделать, ну там бутылочку подогреть или еще что, а Норман весь так набычится и спрашивает: куда ты? не досмотришь программу, что ли? Я над кроваткой нависла, гляжу, как сынок старается продышаться, а Норман кричит: иди скорее, реклама заканчивается! А потом в один прекрасный день приходит его мамаша и заявляет, что ребенка я нагуляла на стороне.

— Что? Ничего себе! — оторопел Мэйкон.

— Представляете? Стоит вся такая собой довольная. Как так не его ребенок, говорю, чей же он тогда? А вот это, говорит, мне неведомо, да ты и сама вряд ли знаешь. Но вот что я тебе скажу: если не дашь развод и не откажешься от алиментов, я лично приведу в суд всех твоих хахалей, и они под присягой подтвердят, что ты шлюха и ребенок мог быть от любого из них. Но уж точно не от Нормана. Норман-то был *прелестный* малыш. Вот. Я дождалась Нормана с работы и говорю: знаешь, что мамаша твоя заявила? И по лицу его вижу — знает. Я поняла, что за моей спиной она уже бог знает сколько капает ему на мозги. Норман, говорю, а он мотается по комнате и молчит. Она врет, говорю, это неправда, я порвала со все-

ми, когда встретила тебя. Все это в прошлом. А он мне: уж не знаю, что и думать. Поверь, говорю. А он — не знаю, не знаю. Идет на кухню и начинает прилаживать оконную сетку, о которой я ему сто раз напоминала, что скособочилась. А ужин стынет на столе. Я приготовила ему особенный ужин. Я тоже иду в кухню и говорю: Норман, что было до тебя, быльем поросло. Ребенок твой и ничей больше. Он пихает сетку в раму, она не лезет, он другой стороной — никак, ободрал руку и вдруг расплакался, да как швырнет сетку в окно. На другой день притащилась его мамаша, помогла ему собрать вещички, и он меня бросил.

— Боже мой! — ахнул Мэйкон, словно знал Нормана лично.

— Стала я думать, как теперь быть. К своим, я знала, дороги нет. Позвонила я миссис Бримм, вам, спрашиваю, домработница еще нужна? Да, говорит, нужна, я тут одну взяла, но она бестолковая. Я, говорю, согласная работать за харчи и жилье, если позволите с собою взять малыша. Бери, говорит, будет чудесно. В ее маленьком доме нашлась комнатка для нас с Александром. Вот так вот удержалась я на плаву.

Они прошли уже несколько кварталов, но Мюриэл не предлагала повернуть обратно. Поводок

она держала свободно, Эдвард трусил рядом, приноровившись к ее шагу.

— Я считаю, мне повезло, — сказала Мюриэл. — Если б не миссис Бримм, я не знаю, что бы я сделала. Работы было совсем немного. Чтоб в доме был порядок, чего-нибудь по малости сготовить, помочь, когда нужно. Она мучилась артритом, но все равно такой живчик! Не сказать, что я с ней нянькалась.

Мюриэл сбавила шаг, потом остановилась. Эдвард мученически вздохнул и сел у ее ноги.

— Интересно как получается, — сказала Мюриэл. — То время, что Александр был в больнице, казалось нескончаемым кошмаром, а сейчас я почти скучаю по тем дням. В смысле, вспоминаешь, и как-то уютно становится. Сплетничают нянечки на сестринском посту, рядками спят малыши… Стояла зима, я смотрела в окно и радовалась, что я в тепле и покое. Внизу к приемному отделению подъезжали машины «скорой помощи». Представляете, что подумал бы марсианин, если б вдруг приземлился у приемного покоя? Вот подлетает «скорая», навстречу выбегают санитары, распахивают дверцы, хватают носилки, тащат в больницу. Надо же, сказал бы марсианин, какая милая планета, какие добрые и отзывчивые су-

щества! Ему же невдомек, что мы не всегда такие, что ради доброго дела нам надо… переступить через себя, что ли… Какие они душевные, эти создания, подумал бы марсианин. Вы согласны?

Она подняла взгляд на Мэйкона. В груди у него что-то екнуло. Захотелось что-нибудь сделать, как-то выразить понимание, и тогда он ее обнял и поцеловал в обветренные потрескавшиеся губы, хотя вовсе не собирался именно так выражать свое понимание. Кулак ее с намотанным поводком, зажатый между их телами, был точно камень. В ней было что-то требовательное, понуждающее. Мэйкон отстранился.

— Вот… — проговорил он.

Мюриэл все смотрела на него.

— Извините, — сказал Мэйкон.

Потом они развернулись и повели Эдварда домой.

Весь праздник Дэнни отрабатывал параллельную парковку: на матушкиной машине без устали туда-сюда маневрировал перед домом. Либерти под началом Розы пекла печенье. Для Сьюзан дела не нашлось, и Роза предложила Мэйкону, собиравшемуся в Филадельфию, взять племянницу в поездку.

— Отели и рестораны — вот и вся программа, —

сказал Мэйкон. — И потом, я обернусь одним днем — на рассвете выеду, к ночи вернусь.

— Вдвоем-то веселее, — не унималась Роза.

Однако Сьюзан уснула, едва поезд тронулся, и, утонув в своем пуховике, спала всю дорогу, точно нахохлившаяся птичка. Из кармана ее торчал свернутый трубкой журнал о рок-музыке, который стал дорожным чтением Мэйкона. Он узнал, что группу «Полис» раздирают внутренние конфликты, что Дэвида Боуи беспокоит психическое расстройство, а с Билли Айдола чуть не сорвали его черную рубашку. Мэйкон понятия не имел, кто они такие, но жизнь их явно была нелегка. Свернув журнал трубкой, он сунул его обратно в карман пуховика.

Будь Итан жив, сидел бы он сейчас на месте Сьюзан? Обычно Мэйкон не брал его с собой. Заграничные поездки были слишком дорогие, домашние — слишком скучные. Однажды Мэйкон повез его в Нью-Йорк, и там у Итана вдруг возникли рези в животе, напоминавшие аппендицит. Мэйкон и сейчас помнил, как лихорадочно искал врача, как у него самого от сопереживания сводило брюхо и как ему полегчало, когда выяснилось, что причина в переборе завтраков. С тех пор он уже никуда не возил сына. Только

летом в Бетани-Бич, но это больше походило на этакую передислокацию их семейства: Сара загорала, Итан играл с балтиморскими приятелями, тоже передислоцированными, а Мэйкон в арендованном домике радостно подвинчивал разболтавшиеся дверные ручки, поправлял заклинившие оконные рамы или, как в один особо удачный год, прочищал забитую канализацию.

В Филадельфии Сьюзан угрюмо проснулась и впереди Мэйкона побрела к выходу из вагона. Вокзал ей не понравился.

— Чего-то он слишком большой, — сказала она. — Такое эхо — не поймешь, что объявляют. Балтиморский вокзал лучше.

— Совершенно с тобой согласен, — кивнул Мэйкон.

Завтракать они пошли в знакомое ему кафе, которое, видимо, переживало не лучшие времена. В чашку Мэйкона беспрестанно сыпались какие-то хлопья с потолка. Он вычеркнул кафе из своего путеводителя. Затем они отправились в заведение, рекомендованное читателем, там Сьюзан заказала ореховые вафли и сочла их превосходными.

— Ты на меня сошлешься? — спросила она. — Напишешь в своей книге, что я, такая-то, реко-

мендую эти вафли?

— Это немного другая книга, — сказал Мэйкон.

— Назови меня своей компаньонкой. Ресторанные критики всегда так пишут. «Моя компаньонка Сьюзан Лири высоко отозвалась об этих вафлях».

Мэйкон рассмеялся и знаком попросил счет.

После четвертого завтрака они переключились на отели. Инспекцию гостиницы Сьюзан сочла менее занятной, хоть Мэйкон и старался вовлечь ее в мероприятие.

— Моя компаньонка — эксперт по ванным комнатам, — сообщил он управляющему.

Но Сьюзан лишь заглянула в шкафчик с туалетными принадлежностями и зевнула:

— У них здесь только «Камей».

— Чем плохо это мыло?

— Из свадебного путешествия мама привезла ароматное дизайнерское мыло, которое им давали в отеле. Одно мне, другое Дэнни, в пластмассовых мыльницах с дырочками.

— По-моему, «Камей» вполне годится, — успокоил Мэйкон встревоженного управляющего.

К полудню Сьюзан уже слегка проголодалась, и они еще дважды позавтракали. Потом отправились в Зал независимости. (Мэйкон решил

добавить поездке познавательности.)

— Похвастаешь перед учителем по граждановедению, — сказал он.

Сьюзан закатила глаза:

— По общественным наукам!

— Это все равно.

На улице было промозгло, в зале зябко и уныло. Сьюзан тупо глазела на экскурсовода, не пылавшего вдохновением.

— Представляешь, в этом кресле сидел Джордж Вашингтон, — прошептал Мэйкон на ухо племяннице.

— Я, дядя Мэйкон, не особо тащусь от Джорджа Вашингтона.

— Тащиться, Сьюзан, можно лишь «еле-еле», «чуть дыша», «с грехом пополам».

— Чего?

— Ничего, проехали.

Следом за толпой экскурсантов они поднялись по лестнице и прошли через залы, однако Сьюзан явно израсходовала запас хорошего настроения.

— Если б не событие, произошедшее в этих стенах, — сказал Мэйкон, — вполне могло выйти, что мы с тобой жили бы под диктатурой.

— Мы под ней и так живем.

— Не понял?

— Ты вправду думаешь, от нас с тобой что-то зависит?

— Конечно, милая.

— У нас есть свобода слова, больше ничего. Болтай что вздумается, а правительство все равно все сделает по-своему. И это, значит, демократия? Мы вроде как на корабле, который какой-то хмырь ведет на скалы, но спрыгнуть нельзя.

— Давай-ка поужинаем, — предложил Мэйкон, слегка приунывший.

Он повел племянницу в старомодную таверну, что была неподалеку. Еще даже не смеркалось, они были первыми посетителями. Женщина в старинном платье попросила их минуту-другую обождать, а затем провела в небольшой уютный зал с камином, где официантка предложила на выбор горячий ром с маслом или сидр со специями.

— Мне ром, — сказала Сьюзан, скинув пуховик.

— Ай-ай-ай, — укорил Мэйкон.

Сьюзан ожгла его взглядом.

— Ладно, два рома, — заказал Мэйкон, решив, что капелька пунша им не повредит.

Но либо ром был исключительно крепок, либо Сьюзан исключительно слаба на спиртное, во всяком случае, после двух крошечных глотков ее

качнуло к Мэйкону.

— Вот потеха! — сказала она. — Оказывается, дядя Мэйкон, ты мне нравишься больше, чем я думала.

— Что ж, спасибо.

— Я считала тебя занудой. Мы ржали, когда Итан показал на твою тарелку с артишоками.

— Моя тарелка…

Сьюзан прихлопнула рукой рот:

— Извини.

— За что?

— Я случайно его помянула.

— Можешь о нем говорить.

— Не хочу.

Сьюзан отвернулась и посмотрела в зал. Мэйкон проследил за ее взглядом, но увидел только клавесин. Снова взглянув на племянницу, он заметил, что у нее дрожит подбородок.

Вот уж не думал, что и кузены тоскуют по Итану.

Немного погодя Сьюзан взяла кружку, сделала пару больших глотков. Тыльной стороной ладони отерла нос.

— Горячо, — пробурчала она.

Похоже, девочка успокоилась.

— А что такого смешного было с моей тарел-

кой? — спросил Мэйкон.

— Так, ничего.

— Скажи, я не обижусь.

— Да чисто урок геометрии. Когда ты поел, все листики лежали идеальным кругом.

— Понятно.

— Он смеялся не над тобой, а *вместе* с тобой. — Сьюзан обеспокоенно вгляделась в Мэйкона.

— Видимо, не совсем так, поскольку сам-то я не смеялся. Наверное, ты хочешь сказать, смеялся он по-доброму.

Сьюзан вздохнула и снова прихлебнула ром.

— Никто о нем не говорит, — сказал Мэйкон. — Никто его не вспоминает.

— Мы вспоминаем, когда тебя нет рядом.

— Правда?

— Стараемся представить, что он сказал бы. О том, что Дэнни получил права, или о моем свидании на бале Хэллоуин. Я к тому, что мы всегда потешались над взрослыми. А Итан был ужасно юморной, вечно нас смешил. И вот теперь мы сами выросли. Интересно, что он сказал бы, если б нас увидел? Посмеялся бы над нами? Или ему показалось бы, что его… покинули? Словно мы ушли вперед, а он отстал.

Женщина в старинном платье пригласила их

за столик. Мэйкон захватил свой пунш, Сьюзан свой уже прикончила. Ее слегка покачивало. Когда официантка спросила, подать ли винную карту, она лучезарно взглянула на Мэйкона, но тот отрезал:

— Нет. Пожалуй, мы начнем с супа.

Он почему-то считал, что суп отрезвляет.

Однако Сьюзан безумолчно балаболила и за супом, и за главным блюдом, и за двумя десертами, между которыми не смогла выбрать, и за крепким черным кофе, который силком заставил выпить Мэйкон. Она говорила о нравившемся ей мальчике, но тот, непонятно, то ли отвечал ей взаимностью, то ли предпочитал особу по имени Сисси Пэйс. Рассказала, как на бале Хэллоуин этот восьмиклассник заблевал всю стереоаппаратуру. Поведала, что как только Дэнни исполнится восемнадцать, они втроем снимут собственную квартиру, и поскольку мама в положении (о чем Мэйкон не знал), то даже не заметит их исчезновения.

— Неправда, — возразил Мэйкон. — Мама будет очень переживать, если вы уйдете.

Со второй попытки Сьюзан подперла кулаком щеку и заявила, что она не вчера родилась. Волосы ее растрепались и торчали в стороны, точно

наэлектризованные. Мэйкон с трудом запихнул племянницу в пуховик и потом, дожидаясь такси, был вынужден придерживать ее за шкирку.

На вокзале Сьюзан ошалело щурилась, а в поезде мгновенно уснула, привалившись головой к окну. Когда в Балтиморе Мэйкон ее разбудил, она спросила:

— Как ты думаешь, дядя Мэйкон, он злится на нас?

— Кто?

— Наверное, его бесит, что мы потихоньку о нем забываем?

— Нет, милая. Конечно, нет.

В машине Сьюзан опять уснула, и Мэйкон ехал очень осторожно, чтобы ее не беспокоить. Дома Роза попеняла брату, до смерти уморившему несчастного ребенка.

— Надо, чтоб собака вам подчинялась в любой ситуации, — сказала Мюриэл. — Даже если вокруг куча народу. Вот, скажем, вы куда-то заходите, а собака ждет вас снаружи. Над этим сегодня и поработаем. Начнем тут, на вашем крыльце. А завтра попробуем у магазинов и прочего.

Она взяла поводок и вышла на улицу. Лил дождь, но под козырьком крыльца было сухо.

— Погодите минутку, — сказал Мэйкон. — Я

вам кое-что покажу.

— Что?

Мэйкон дважды притопнул. Эдвард беспокойно поежился, глянул вдаль и как будто откашлялся. Потом медленно-медленно подогнул переднюю лапу. Затем другую. И вот так, поэтапно, лег.

— Ну вот! Молодец! — сказала Мюриэл. И прищелкнула языком.

Эдвард прижал уши, предлагая его погладить.

— Вчера я его тренировал почти весь день, — доложил Мэйкон. — Воскресенье, я был свободен. Когда племянники мои собрались уезжать, Эдвард, как обычно, зарычал. Тогда я топнул, и он лег.

— Я вами обоими горжусь. — Мюриэл вытянула руку и приказала Эдварду: — Жди. — Она вошла в дом. — Ну же, Мэйкон, заходите.

Закрыли входную дверь. Мюриэл оттянула кружевную занавеску и глянула на улицу:

— Пока что ждет.

Потом отвернулась, осмотрела свои ногти и огорченно причмокнула. С плаща ее капало, отсыревшие пряди торчали штопорами.

— Когда-нибудь я сделаю себе настоящий маникюр, — сказала Мюриэл.

Мэйкон пытался разглядеть, как там Эдвард. Он

сомневался, что пес станет ждать.

— Вы когда-нибудь ходили к маникюрше? — спросила Мюриэл.

— Я? Господи, нет.

— А что, некоторые мужчины ходят.

— Только не я.

— Хоть бы разок получить профессиональный уход — ну там ногти, кожа… Моя подружка ходит на вакуумную чистку лица. Все поры, говорит, открываются. Мне бы туда попасть. А еще я хочу определить свои цвета. Какие мне идут, какие нет. Что именно подчеркнет мои достоинства.

Она посмотрела на Мэйкона, и тот мгновенно догадался, что речь вовсе не о цветах, но о чем-то другом. Что слова лишь служат этаким фоном. Мэйкон на шаг отступил.

— В тот раз вам не стоило извиняться, — сказала Мюриэл.

— Извиняться?

Хотя он прекрасно понял, что имелось в виду.

Видимо, и она поняла, что он понял. Разъяснять не стала.

— Э-э… не помню, говорил ли я, что еще не развелся официально, — сказал Мэйкон.

— И что из этого?

— Мы просто… как это говорят… расстались.

— Ну? И что?

Вы уж простите, Мюриэл, хотел он сказать, *но после гибели сына секс… свернулся*. (Как сворачивается молоко — вот такой вот нашелся образ. Скисшее молоко, потерявшее свои природные свойства.) *Об этом я больше не думаю, правда. Честное слово. Сейчас я даже не понимаю, из-за чего был весь этот сыр-бор. Теперь это кажется жалким.*

Но сказал он другое:

— Боюсь, как бы не пришел почтальон.

Мюриэл еще секунду смотрела на него, потом открыла дверь и впустила Эдварда.

Роза вязала пуловер — Джулиану на Рождество.

— Так рано? — спросил Мэйкон. — Мы только-только отметили День благодарения.

— Да, но тут очень сложный узор, а я хочу, чтоб вышло красиво.

Мэйкон смотрел на мелькавшие спицы.

— А ты заметила, что Джулиан носит кардиганы? — спросил он.

— Кажется, да, — сказала Роза.

И продолжала вязать пуловер.

Из серой пряжи, называвшейся, кажется, меланжевой. Джулиан предпочитал пастельные

либо темно-синие тона. Он одевался как гольфист.

— Ему нравится треугольный вырез, — сказал Мэйкон.

— Это не означает, что он забракует вещь с круглым вырезом.

— Послушай, я вот что хочу сказать… (Безмятежно постукивают спицы.) Он же повеса. Неужели сама не понимаешь? И потом, он моложе.

— На два года.

— Но у него другой стиль жизни, молодежный, что ли. Холостяцкая квартира и прочее.

— Он говорит, от всего этого он устал.

— О господи.

— Хочется, говорит, домашнего уюта. Ему нравится моя стряпня. Не мог поверить, что я вяжу ему свитер.

— Да уж, — мрачно отозвался Мэйкон.

— Пожалуйста, не надо все портить.

— Милая, я просто хочу тебя уберечь. Знаешь, тогда, за праздничным столом, ты была не права. Любовь, это не только шуры-муры. Нужно учитывать и всякие другие аспекты.

— Он съел мою индейку и не захворал, — сказала Роза. — Две большие порции.

Мэйкон застонал и выдрал у себя клок волос.

— Сперва попробуем на тихой улочке, — сказала Мюриэл. — Где не слишком людно. В каком-нибудь магазинчике на отшибе.

Она сидела за рулем своей серой колымаги. Рядом с ней Мэйкон, на заднем сиденье Эдвард, весело растопыривший уши. Он всегда радостно залезал в машину, хотя очень скоро начинал канючить. В скулеже его слышался вопрос: ну сколько еще? К счастью, нынче поездка была недолгой.

— Машину эту я купила из-за большого багажника. — Мюриэл выполнила лихой поворот. — Удобно в моих разъездах. Угадайте, сколько она стоила?

— Э-э…

— Двести долларов всего-навсего. Потому как требовался ремонт, но я отогнала ее одному парню с нашей улицы. Предлагаю, говорю, сделку. Ты чинишь машину, а я отдаю ее тебе на три вечера в неделю и на все воскресенья. Неплохо придумано?

— Весьма находчиво, — сказал Мэйкон.

— Нужда заставит быть смекалистой. Уж и досталось мне, когда Норман меня бросил. — Мюриэл заехала на стоянку перед небольшим магазином, но не спешила вылезать из маши-

ны. — Бывало, бессонной ночью лежу и думаю: где ж денег-то взять? Несладко было даже на дармовом жилье с харчами, а после смерти миссис Бримм стало хуже некуда. Дом отошел ее сыну, и он потребовал плату. Старый сквалыга. Все норовил вздуть цену. Давайте так, говорю, вы не поднимаете квартплату, а я беру на себя уход за домом. На кой вам лишняя головная боль? Он согласился, и я крепко попала: все ломается, починить не могу, живу в разрухе. Крыша течет, канализация забита, горячий кран капает, и счета за газ сумасшедшие, но хоть квартплата умеренная. Я нахватала с полсотни работ, если все их посчитать. Мне, можно сказать, везло, я умею разглядеть свой шанс. Вроде учебы в «А ну-ка, псина», или вот еще были курсы массажа в ассоциации молодых христиан. С массажем вышел облом, там лицензия нужна и все такое, а вот «Псина» себя, считай, окупила. Еще вот хочу раскрутить услугу изысканий, я много чего набралась, пока помогала школьной библиотекарше. На розовых таких карточках написала «Кому требуется исследование» и раздала их в универе. Потом, значит, отксерила новую партию и разослала всем, кто значился в литературном справочнике Мэриленда. *Писатели и писательни-*

цы! — написала я. — *Вам нужна долгая тяжелая болезнь, которая благополучно угробит персонажа, однако не шибко его изуродует?* Пока никто не откликнулся, но я не теряю надежды. Я заработала на два отпуска в Оушен-Сити лишь тем, что на пляже торговала едой, которую утречком в мотеле мы с Александром расфасовывали по коробкам. Мы их возили в его красном игрушечном фургоне. *Холодные напитки!* — кричала я. — *Сэндвичи! Налетай — подешевело!* И это все не считая постоянной работы типа «Мяу-Гав» или, еще раньше, в копировальном центре «В два счета», где была тоска зеленая. Там разрешали с собой брать Александра, но всей работы — копирование документов и всякой муры вроде погашенных чеков, разных счетов и прочих бумажек. Скука смертельная.

Мэйкон заерзал.

— В смысле, смертная? — спросил он.

— Ну да. А вы бы не затосковали? Копии писем, экзаменационных билетов, статей про ипотеку. Руководств по вязанию спицами и крючком. Листы выползают из аппарата медленно и величаво, как будто они неимоверно важные. В конце концов я ушла. Устроилась в «Псину» и сказала: все, с меня довольно! Что ж, попробуем эту бакалею.

Мэйкон не сразу сообразил, о чем это она.

— А! Хорошо.

— Вы зайдете в магазин, но сначала прикажите Эдварду лежать у двери. Я отсюда понаблюдаю, как он себя ведет.

— Ладно.

Мэйкон вылез из машины и через заднюю дверцу выпустил Эдварда. Подвел его к магазину. Дважды топнул. Эдвард приуныл, но лег. Наверное, жестоко укладывать пса на мокрый тротуар? Мэйкон нехотя вошел в магазин. Там старомодно пахло коричневыми упаковочными пакетами. Мэйкон оглянулся. От выражения на морде Эдварда щемило сердце. Пес растерянно улыбался, не сводя встревоженного взгляда с двери.

Мэйкон покрутился в отделе «овощи-фрукты». Взял яблоко, осмотрел и положил обратно. Потом вышел на улицу. Эдвард был на месте. Мюриэл уже вылезла из машины и, привалившись к капоту, корчила рожи в коричневую пластмассовую пудреницу.

— Хорошенько его похвалите! — крикнула она, захлопнув зеркальце.

Мэйкон прищелкнул языком и потрепал пса по голове.

С бакалеей соседствовала аптека.

— Теперь мы оба войдем внутрь, — сказала Мюриэл.

— Не опасно?

— Рано или поздно придется рискнуть.

Они прошли вдоль длинного стеллажа со средствами по уходу за волосами и вернулись к косметике, где Мюриэл взяла на пробу губную помаду. Мэйкон представил, как Эдвард встает и, зевнув, уходит прочь.

— Слишком розовая. — Из сумки Мюриэл достала салфетку и отерла губы. Ее собственная помада осталась нетронутой, словно была не только цвета, но и состава сороковых годов — тусклым липучим веществом, несмываемо маравшим наволочки, салфетки и края кофейных чашек. — Как у вас с занятостью завтра вечером?

— А что?

— Я приглашаю вас к себе на ужин.

Мэйкон сморгнул.

— Не тушуйтесь. Будет хорошо.

— Э-э…

— Просто поужинаем. Вы, я и Александр. Скажем, в шесть. Синглтон-стрит, шестнадцать. Знаете, где это?

— Боюсь, вечером я буду занят.

— Ну вы пока прикиньте.

Они вышли на улицу. Эдвард был на месте, но стоял, ощерившись на ретривера, который появился в дальнем конце квартала.

— Блин! — огорчилась Мюриэл. — А я уж думала, мы делаем успехи. Лежать!

Через минуту она позволила псу встать и втроем они двинулись дальше. Мэйкон гадал, когда будет удобно сказать, что он уже прикинул и вспомнил о назначенной на завтра встрече. Свернули за угол.

— Ой, смотрите, комиссионка! — воскликнула Мюриэл. — Комиссионки — моя большая слабость. — Она дважды притопнула. — Сейчас я войду одна, хочу глянуть, что там у них есть. А вы встаньте поодаль и следите, чтоб он не вскакивал.

Она вошла в магазин, Мэйкон укрылся за парковочным счетчиком. Но Эдвард смекнул, что хозяин тут, и вертел головой, бросая умоляющие взгляды.

Сквозь витрину Мэйкон видел Мюриэл — она брала в руки, а потом возвращала на место маленькие золоченые чашки без блюдец, щербатые цветочные вазы зеленого стекла, уродливые оловянные броши размером с пепельницу. Затем отошла вглубь магазина, где висела одежда. Она

то появлялась, то исчезала, словно рыба в темной воде. И вдруг возникла в дверях.

— Что скажете, Мэйкон? — В руках она держала шляпу — грязно-бежевый тюрбан с огромным фальшивым топазом, сиявшим, точно глаз.

— Весьма занятно, — сказал Мэйкон. Он уже озяб.

Мюриэл опять скрылась в магазине, Эдвард вздохнул и положил морду на лапы.

Мимо прошла девочка, похожая на цыганку: слои оборчатых юбок, атласный пурпурный рюкзак, весь обклеенный этикетками рок-группы «Грейтфул Дэд». Эдвард напрягся. Он зорко следил за каждым ее шагом и даже развернулся, чтобы смотреть ей вслед. Однако не проронил ни звука, и Мэйкон, тоже напрягшийся, вздохнул облегченно и слегка разочарованно, поскольку уже изготовился к действию. Пала оглушительная тишина, прохожих больше не было. И тут вдруг возникла галлюцинация, наподобие тех, что случались в самолетах и поездах. В голове тоненько зазвучал скрипучий голос Мюриэл. «Точное время…» — сказала она, потом пропела «В Париже ты найдешь свою любовь», а затем выкрикнула: «Холодные напитки! Сэндвичи! Налетай — подешевело!» Мозг как будто увяз

в паутине ее рассказов, сплетенной из тонких стальных нитей, мелькали картинки: малышка, ну чистая Ширли Темпл, беспутная девица; Норман выкидывает сетку в окно, Александр мяукает, точно новорожденный котенок; Мюриэл правит упряжкой доберман-пинчеров, разбрасывает свои нежно-розовые визитки и вот, руки-ноги как палки, волосы торчком, мчится по пляжу, волоча за собой красный игрушечный фургон, набитый снедью.

Мюриэл вышла из комиссионки.

— Нет, все-таки слишком дорого, — сказала она и, щелкнув пальцами, позволила Эдварду встать. — Так, еще одна проверка. — Мюриэл зашагала к машине. — Опять оставим его одного. Вместе зайдем к врачу.

— Куда?

— К доктору Снеллу. Я заберу Александра, потом заброшу вас домой и отвезу его в школу.

— Это надолго?

— Вовсе нет.

Поехали на юг; Мэйкон только сейчас заметил, что мотор стучит. Мюриэл припарковалась перед зданием на Колд-Спринг-лейн и вышла из машины. Мэйкон и Эдвард последовали за ней.

— Я, правда, не знаю, закончили они уже или

нет, — сказала Мюриэл. — Если еще нет, это даже лучше, Эдварду — практика.

— Вы же говорили, это ненадолго.

Она как будто не слышала.

Эдвард остался на крыльце, Мюриэл и Мэйкон вошли в приемную. В регистратуре восседала седовласая дама, у которой очки с оправой в блестках болтались на дешевой цепочке из скарабеев.

— Александр уже освободился? — спросила Мюриэл.

— С минуты на минуту, дорогуша.

Мюриэл с журналом села в кресло, а Мэйкон отошел к окну и приподнял планку жалюзи, проверяя, как там Эдвард. Мужчина в соседнем кресле окинул его подозрительным взглядом. Мэйкон почувствовал себя персонажем боевика, этакой темной личностью, которая, оттянув штору, удостоверяется, что горизонт чист. Он выпустил планку. Мюриэл читала статью «Тени для глаз — и взгляд ваш полон страсти!», которую сопровождали фотографии зловещего вида моделей.

— Сколько лет, вы сказали, Александру? — спросил Мэйкон.

Мюриэл подняла голову. В отличие от манекен-

щиц, глаза ее, не тронутые косметикой, казались неприлично голыми.

— Семь, — сказала она.

Семь.

В семь лет Итан научился ездить на велосипеде.

Нахлынуло воспоминание, запечатленное кожей, мышцами. Мэйкон ощутил в руке изогнутый край седла, за которое удерживал велосипед в равновесии, почувствовал тротуар под ногами. Вот он выпустил седло, замедлил бег, потом остановился и, подбоченясь, крикнул: «Ты сам едешь! Сам!» А Итан, весь такой гордый и напряженный, уезжал от него, и макушка его светилась под солнцем, пока он не въехал в тень раскидистого дуба.

Мэйкон сел рядом с Мюриэл.

— Ну, вы прикинули? — спросила она, оторвавшись от журнала.

— Что?

— Насчет ужина.

— Ах да. Наверное, я бы мог прийти. Но только чтоб поужинать.

— А для чего еще? — Мюриэл усмехнулась и тряхнула волосами.

— Ну вот и он, — сказала регистраторша.

В приемную вошел болезненно бледный ма-

ленький мальчик, остриженный почти наголо. Лицу его как будто выдали кожу не по размеру, и она туго натянулась, некрасиво растянув рот, четко обозначив каждую косточку и хрящик. Голубые глаза навыкате казались еще крупнее за толстыми стеклами больших очков в прозрачной оправе того же нездорового оттенка, что и воспаленные веки без ресниц. Аккуратный костюмчик ему явно выбрала мама.

— Как прошло? — спросила Мюриэл.

— Нормально.

— Это Мэйкон, милый. Поздоровайся. Я занималась с его собакой.

Мэйкон встал и протянул руку. Помешкав, Александр ее пожал. Пальцы его напоминали стручки увядшей фасоли. Мальчик убрал руку и посмотрел на мать:

— Нужно договориться о следующем разе.

— Конечно.

Мюриэл отошла к регистратуре, Мэйкон и Александр остались вдвоем. Мэйкон не представлял, о чем говорить с этим ребенком. Он смахнул соринку с рукава. Поддернул манжеты.

— Ты такой маленький, а уже без мамы заходишь к врачу, — сказал Мэйкон.

Александр промолчал, но за него ответила

Мюриэл, дожидавшаяся, когда регистраторша найдет свободную дату:

— Он так часто бывал у врачей, что уже привык. У него полно аллергий.

— Понятно, — сказал Мэйкон.

Да уж, у парня вид настоящего аллергика.

— На моллюсков, молоко, любые фрукты, пшеницу и почти все овощи, — перечислила Мюриэл. Она бросила в сумку талон, полученный от регистраторши, и на ходу продолжила: — Аллергия на пыль, пыльцу и краску, а еще, похоже, на воздух. Стоит ему побыть на улице подольше, как все открытые части тела покрываются волдырями.

На крыльце она прицокнула и щелкнула пальцами. Эдвард вскочил, залаял. Мюриэл предупредила Александра:

— Только не гладь его. Неизвестно, что с тобой будет от собачьей шерсти.

Сели в машину. Мэйкон устроился сзади, уступив переднее сиденье Александру ради его максимально возможного удаления от Эдварда. А во избежание приступа удушья ехали со всеми открытыми окнами.

— Он подвержен астме, экземе и носовым кровотечениям. — Мюриэл перекрикивала шум ветра. — Все время на уколах. Если не сделать

укол, а его вдруг укусит пчела, в полчаса он умрет.

Александр медленно обернулся и посмотрел на Мэйкона. Сурово и осуждающе.

Подъехали к Розиному дому.

— Так, что у нас получается? Завтра я весь день в «Мяу-Гав»… — Пальцы Мюриэл с шорохом пробежались по жесткой растрепанной шевелюре. — Значит, увидимся только за ужином.

Мэйкон не знал, как сказать ей, что для него это невозможно. Он скучал по жене. И сыну. Только они казались ему настоящими. Искать им замену бессмысленно.

Глава одиннадцатая

Мюриэл Притчетт — вот так она значилась в справочнике. Дерзко и самоуверенно, без конфузливой замены имени инициалом. Мэйкон обвел ее номер. Наверное, пора позвонить. Девять вечера. Александр уже в постели. Мэйкон снял трубку.

Но что сказать?

Честная откровенность ранит гораздо меньше — кажется, так учила бабушка Лири? *Мюриэл, в прошлом году умер мой сын, и я, наверное… Мюриэл, вы тут совсем ни при чем, но я и впрямь не…*

Мюриэл, я не могу. Просто не могу.

Голос словно заржавел. Мэйкон прижал трубку к уху, но в горле стоял ком, ржавый и острый.

За все время Мэйкон еще ни разу не произнес «мой сын умер». В этом не было необходимости: о происшествии сообщили газеты (на третьей и пятой страницах), друг друга оповестили знакомые, Сара обзвонила друзей… Так вышло, что сам он этих слов не произносил. И как это сделать теперь? Или, может, Мюриэл это сделает за него?

Пожалуйста, закончите предложение: у меня был сын, но он… «Что? — спросит она. — Остался с вашей женой? Сбежал? Умер?» Он кивнет. «Но от *чего* он умер? Рак? Автоавария? Девятнадцатилетний недоумок с пистолетом в закусочной “Бургер Бонанза”?»

Мэйкон повесил трубку.

Потом спросил у Розы почтовой бумаги, и та выделила ему пару листов из своих запасов. Мэйкон сел за обеденный стол, свинтил колпачок авторучки. *Дорогая Мюриэл*, написал он. И уставился на страницу.

Довольно странное имя.

Кому придет в голову так назвать новорожденного младенца?

Мэйкон осмотрел ручку. Паркер. Лакированный корпус, расписанный под черепаху, замысловатой формы золотое перо, приятное глазу. Мэйкон изучил бумагу. Кремовая. Необрезной формат. Необрезной. Чудное слово.

Ладно.

Дорогая Мюриэл,

К большому сожалению, написал он, *я все же не смогу с Вами поужинать. Кое-что произошло*. И подписался: *Увы, Мэйкон*.

Бабушка Лири не одобрила бы.

Мэйкон заклеил конверт и сунул его в карман рубашки. Затем прошел на кухню, где к стене был прикноплен план города.

На машине пробираясь сквозь лабиринт темных улиц, замусоренных и разбитых, Мэйкон удивлялся, как Мюриэл не боится жить в этом южном районе. Сплошь мрачные закоулки, грязные лестницы, входные двери, исконопаченные обрывками истлевших плакатов. На зарешеченных магазинах сомнительные объявления корявыми буквами: БЕЗ ВОПРОСОВ ОБНАЛИЧИМ ЧЕКИ; ВЗЫЩЕМ ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ; ПЕРЕКРАСКА МАШИНЫ В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ. Даже в этот поздний час холодного ноябрьского вечера в темных углах кучковался народ — парни, прихлебывавшие из бутылок в коричневых пакетах, немолодые женщины, бранившиеся перед входом в киношку с надписью ЗАКРЫТО.

Мэйкон свернул на Синглтон-стрит и увидел ряд домов, на которых явно решили сэкономить. Плоские крыши, заподлицо со стеной окна без подоконников. Никаких излишеств вроде выступов и лепнины, никаких щедрот. Большинство фасадов в фактурной штукатурке под камень, но дом номер шестнадцать был выкрашен в грязно-коричневый цвет. Над входом тусклая оранжевая

лампочка в защитной сетке.

Мэйкон вылез из машины и взошел на крыльцо. Открыл сетчатую дверь в обшарпанной алюминиевой раме. Дверь задребезжала, истошно скрипнув петлями. Мэйкон поморщился. Достал из кармана письмо и нагнулся, чтобы подсунуть его под входную дверь. Из дома раздался голос Мюриэл:

— У меня в руках двустволка, нацеленная точно тебе в башку.

Мэйкон резко выпрямился. Сердце его заколотилось. (Голос Мюриэл даже не дрогнул, как, видимо, и дробовик.)

— Это я, — сказал Мэйкон.

— Мэйкон?

Лязгнула щеколда, дверь чуть приоткрылась. В щель виделся краешек Мюриэл в темном халате.

— Что вы здесь делаете?

Он подал ей письмо.

Мюриэл вскрыла конверт, действуя обеими руками (дробовика не было и в помине). Прочла и посмотрела на Мэйкона.

Он понял, что все сделал не так.

— В прошлом году… я потерял… понес утрату… я лишился…

Мюриэл смотрела ему в глаза.

— Я лишился сына… Он просто… пошел в закусочную, а там налет, и грабитель его застрелил. Я не могу ходить в гости! Не могу разговаривать с чужими мальчиками! Больше не зовите меня. Я не хочу вас обидеть, но это свыше моих сил, понимаете?

Мюриэл очень мягко взяла его за руку и втянула в дом; она так и не открыла дверь полностью, и Мэйкону показалось, будто он куда-то проскальзывает, просачивается. Мюриэл затворила дверь, обняла его и прижала к себе.

— Каждый день я себе говорю, что пора это изжить, — сказал Мэйкон в пространство над ее головой. — Я понимаю, от меня этого ждут. Раньше мне сочувствовали, а теперь перестали. Никто его не вспоминает. Все считают, надо жить дальше. Но, знаете, мне стало хуже. В первый год все это казалось дурным сном — по утрам я шел в его спальню и лишь у двери вспоминал, что будить некого. А на второй год это стало явью. Я больше не подхожу к его двери. Бывают дни, когда я ни разу о нем не вспомню. И эта пустота еще хуже прежней. Вы скажете, надо искать поддержку в Саре, но нет, мы только причиняем боль друг другу. По-моему, она считает, что я мог как-то предотвратить несчастье, она привыкла,

что я устраиваю ее жизнь. Может, через все это открылась правда о нас — как далеки мы друг от друга. Наверное, мы и поженились *потому*, что были далеки. А теперь я далек от всех вообще, у меня не осталось друзей, все кажутся пошлыми, глупыми, чужими.

Через полную теней гостиную с единственной лампочкой под стеклярусным абажуром, мимо бугорчатой кушетки, где обложкой кверху лежал раскрытый журнал, Мюриэл подвела его к лестнице, и они поднялись в спальню, где стояли железная кровать и комод в оранжевом лаке.

— Погодите, — сказал Мэйкон. — Не это мне нужно.

— Просто поспите. Лягте и поспите.

Это казалось разумным.

Она сняла с него пальто и повесила в нишу за цветастой занавеской. Присела на корточки и расшнуровала ему ботинки. Он послушно их снял. Она расстегнула ему рубашку, он стоял, безвольно уронив руки. Брюки его она повесила на спинку стула. В исподнем он рухнул в кровать, она укрыла его тонким измятым одеялом, пахнущим салом.

Он слышал, как она ходит по дому, щелкает выключателями, пускает воду, что-то бормочет

за стенкой. Потом она вошла в спальню и встала перед комодом. В блюдце звякнули сережки. Она была в заношенном шелковом халате вишневого цвета, в поясе перехваченном витым шнуром и неумело заштопанном на локтях. Она погасила лампу. Подошла к кровати и скользнула под одеяло. Он не удивился, когда она прижалась к нему.

— Я хочу просто поспать, — сказал он.

Но рядом был этот шелк. Прохладный и текучий. Он положил руку ей на бедро и ощутил ее двухслойность: прохлада, а под ней тепло.

— Снимите это, — сказал он.

Она покачала головой и прошептала:

— Я стесняюсь.

И тотчас, словно в опровержение своих слов, прижалась губами к его губам и обвила его собою.

Ночью сквозь сон он услышал, как кашляет ребенок, и с трудом очнулся, чтобы к нему пойти. Но он был в комнате с узким темным окном, и кашлял не Итан. Он повернулся и увидел Мюриэл. Во сне она вздохнула, он положил руку ей на живот. Халат распахнулся, и он ощутил гладкую кожу, а потом пальцы нащупали шероховатый рубец. Кесарево, подумал он. Вновь проваливаясь в сон, он как будто слышал ее. Казалось, она

говорит: *Что касаемо твоего сына. Вот положи сюда руку. Я тоже изрубцована. Все изрубцованы. Ты не один такой.*

Глава двенадцатая

— Тебя не поймешь, — сказала Роза. — Сначала ты говоришь, что весь день ты дома, а потом заявляешь, что тебя не будет. Как прикажешь что-то планировать, когда ты такой несобранный?

На столе она складывала салфетки в стопку, готовясь к ежегодному чаепитию для подопечных стариков.

— Извини, — покаялся Мэйкон. — Я не думал, что это так важно.

— Вчера ты сказал, что ужинать будешь, однако вечером не появился. За последние две недели я уже три раза приходила позвать тебя к завтраку и обнаруживала, что ты не ночевал дома. Ты не понимаешь, что я беспокоюсь? Вдруг с тобой что-то случилось.

— Ну я же извинился.

Роза подровняла стопку салфеток.

— Время просто летит, — сказал Мэйкон. — Ты же знаешь, как оно бывает. Вроде никуда не собирался, а потом дай, думаешь, чуток пройдусь, и вдруг оказывается, что уже глубокая ночь, ехать поздно, и ты себе говоришь: ну уж ладно…

Роза резко отвернулась, отошла к буфету и стала пересчитывать ложки.

— Я не лезу в твою личную жизнь, — сказала она.

— Выходит, маленько лезешь.

— Я просто хочу знать, на сколько человек готовить, вот и все.

— Твое любопытство простительно.

— Я просто хочу знать, сколько нас будет завтракать.

— Ты думаешь, я ничего не замечаю? Как только она приходит заниматься с Эдвардом, ваша троица тут как тут. Бочком в гостиную — дескать, не обращайте на меня внимания, тут вот щипцы куда-то подевались. Едва мы соберемся на прогулку, тебе сразу надо подмести террасу.

— Что ж я поделаю, если там намусорено?

— Ладно, вот что я тебе скажу. Завтра вечером я ужинаю стопроцентно. Клянусь. Прошу меня учесть.

— Никто тебя не неволит, если не хочешь, — сказала Роза.

— Я ужасно хочу! Вот только сегодня меня не будет, но вернусь не поздно. Обещаю быть дома до десяти!

Мэйкон сам расслышал свой фальшивый наиг-

рыш и заметил, как Роза потупилась.

Он купил большую пиццу ассорти. Она так вкусно пахла, что на каждом красном светофоре он отщипывал кружок салями или грибную дольку полумесяцем. Пальцы замаслились, а носовой платок куда-то запропастился. Вскоре и руль стал жирным. Мурлыча песенку, Мэйкон катил мимо магазинов, предлагавших покрышки, спиртное, обувь со скидкой и всевозможные автоматы, торговые и игральные. Срезая путь, въехал в проулок меж задними дворами — крохотными площадками с качелями, заржавевшими деталями машин и чахлым, подмороженным кустарником. Потом свернул на Синглтон-стрит и встал за грузовичком, набитым заплесневелыми коврами в скатках.

На крыльце дома сидели дочки соседа, шестнадцатилетние близняшки в джинсах, тесных, как колбасная оболочка. Для уличных посиделок было холодно, но это их никогда не останавливало.

— Привет, Мэйкон! — пропели ярко накрашенные сестры.

— Здрасьте, девушки.

— В гости к Мюриэл?

— Да вот надумал.

С пиццей навесу Мэйкон поднялся по ступеням

и постучал в дверь. Дебби и Дорри наблюдали. Мэйкон одарил их широкой улыбкой. Приходилось любезничать, поскольку иногда близняшки сидели с Александром. С ним сидела, наверное, половина соседей. Предприимчивость Мюриэл все еще ошеломляла.

Дверь открыл Александр.

— Доставка пиццы! — сказал Мэйкон.

— Мама говорит по телефону, — блекло ответил Александр. Затем вернулся на кушетку и поправил очки на носу. Он смотрел телевизор.

— Пребольшое ассорти без анчоусов, — доложил Мэйкон.

— У меня аллергия на пиццу.

— На что именно?

— А?

— На что аллергия — на салями, помидоры, грибы? Опасное выковырнем.

— На все.

— Так не бывает.

— А у меня бывает.

Мэйкон прошел в кухню. Мюриэл стояла спиной к двери и по телефону говорила с матерью, о чем свидетельствовал ее пронзительный и раздраженный голос:

— Ты даже не спросишь, как Александр? Тебе

все равно, что у него сыпь? Я же интересуюсь твоим здоровьем, почему ты не справишься о нашем?

Мэйкон бесшумно подошел к ней вплотную.

— Ты даже не спросила, как мы сходили к глазнику, хотя я вся извелась. Можно подумать, он тебе не внук! А в тот раз, когда я навернулась из-за каблуков, растянула лодыжку и попросила тебя приглядеть за ним, что ты ответила? Заруби себе на носу, сказала ты, в такую даль я не попрусь. Как будто он тебе чужой!

Мэйкон встал перед ней, держа пиццу на вытянутой руке.

— Та-дам! — шепотом пропел он.

Мюриэл во весь рот улыбнулась, шало и победно.

— Все, мам, заканчиваем. Мэйкон пришел!

Уже очень давно никто не считал его приход столь важным событием.

В понедельник днем Мэйкон заехал к Джулиану в офис и отдал рукопись путеводителя по Штатам.

— С северо-востоком покончено, — сказал он. — Дальше, наверное, займусь югом.

— Замечательно. — Согнувшись в три погибели, Джулиан копался в ящике стола. — Отлично.

Хочу кое-что тебе показать. Куда же оно, черт побери… — Побагровевший, он выпрямился и подал Мэйкону синюю бархатную коробочку: — Рождественский подарок твоей сестре.

Мэйкон поднял крышку. На подкладке из белого атласа лежало кольцо с бриллиантом. Мэйкон взглянул на Джулиана:

— Что это?

— Как — что?

— В смысле, это… как назвать-то… праздничное кольцо? Или скорее…

— Это обручальное кольцо, Мэйкон.

— Обручальное?

— Я на ней женюсь.

— То есть на Розе?

— Что тут странного?

— Ну, я…

— Если она, конечно, согласится.

— А ты ее еще не спрашивал?

— Спрошу в Рождество, когда преподнесу кольцо. Я хочу, чтоб все было чин чином. Старомодно. Как думаешь, пойдет она за меня?

— Вот уж не знаю, — пожал плечами Мэйкон. Роза-то, конечно, согласится, но будь он проклят, если порадует новоявленного жениха.

— Должна пойти, — сказал Джулиан. — Знаешь,

мне тридцать шесть, но с ней я точно школяр. В ней есть все, чего лишены эти девицы из моего дома. Она такая… настоящая. Хочешь правду? Я даже не переспал с ней.

— Избавь меня от подобных деталей, — поспешно перебил Мэйкон.

— Я хочу, чтоб у нас была настоящая брачная ночь, — поделился Джулиан. — Чтоб все как положено. Чтоб я вошел в реальную семью. Господи, как же это удивительно, когда две разные сущности сливаются в одну, правда? В смысле, две *непохожести*. Как тебе кольцо?

— Нормальное, — сказал Мэйкон и, помолчав, добавил: — Очень красивое. — Потом осторожно закрыл коробочку и вернул ее Джулиану.

— Только не подумай, Мюриэл, что все самолеты такие, — сказал Мэйкон. — Нет, это так называемое аэротакси. Его нанимает, скажем, бизнесмен, которому нужно слетать в соседний город, быстренько заключить сделки и в тот же день вернуться.

Пятнадцатиместный самолетик, смахивавший на комара, стоял перед входом в зал ожидания. Девочка в парке загружала багаж. Паренек осматривал крылья. Похоже, этой авиалинией заправляли подростки. Даже пилот выглядел юн-

цом. Он вошел в зал ожидания и зачитал список пассажиров:

— Маршалл? Нобл? Олбрайт?

Пассажиры, человек восемь-десять, поочередно делали шаг вперед, и каждому пилот говорил: «Привет, как поживаете?» На Мюриэл взгляд его задержался. Либо он счел ее чрезвычайно привлекательной, либо его сразил ее облик: высоченные каблуки, черные сетчатые чулки с узором из розочек, ядрено-розовое короткое платье, куртка из искусственного меха (Мюриэл величала ее «шубейкой»), бутон кудрей, сколотых с одного боку, веки в серебристой пыльце. На взгляд Мэйкона, Мюриэл перестаралась, но в то же время было приятно, что она так серьезно подготовилась к событию.

Следом за пилотом пассажиры вышли на бетонную полосу и по шаткой лесенке в две перекладины забрались в самолет. В салоне Мэйкону пришлось согнуться пополам. Одноместные сиденья вдоль бортов смахивали на шезлонги. Мэйкон и Мюриэл сели друг от друга через проход, по которому, пыхтя и спотыкаясь о багаж, пробрались другие пассажиры. Последним на борт взошел второй пилот, круглолицый и щекастый, как младенец. В руках он держал банку

диетической пепси. Пилот захлопнул дверь и прошел в кабину, лишь занавеской отделенную от салона. Со своего места Мэйкон видел ряды кнопок и тумблеров, командира, надевавшего наушники, и второго пилота, который опорожнил и поставил банку на пол.

— В большом самолете ты почти не чувствуешь момент отрыва! — Мэйкон перекрикивал рев двигателей. — Но сейчас лучше держись крепче!

Мюриэл кивнула и, вытаращив глаза, ухватилась за сиденье перед собой.

— А что это за огонек вон там мигает? — спросила она.

— Я не знаю.

— А почему вон та стрелка все кружится и кружится?

— Не знаю.

Похоже, он ее разочаровал.

— Я привык летать на лайнерах не чета этой игрушке, — сказал Мэйкон. Мюриэл опять понимающе кивнула, и Мэйкон подумал, что он и впрямь весьма опытный, много повидавший путешественник.

Самолет начал рулежку. На каждом камешке он подскакивал, треща фюзеляжем. И вот разбег. Экипаж, теперь казавшийся серьезным и профес-

сиональным, производил сложные манипуляции с приборами. Отрыв. Мюриэл ойкнула и посмотрела на Мэйкона, вся просияв.

— Взлетели, — сказал он.

— Я лечу!

С ощутимой натугой они поднялись над полями, окаймлявшими аэродром, над рощицей и решеткой кварталов, над бассейнами на задних дворах, там и сям понатыканными, словно бледно-голубые кнопки. Мюриэл приникла к окошку, от ее дыхания на стекле возник туманный кружок.

— Ой, смотри! — сказала она и потом еще что-то добавила, но Мэйкон ее не расслышал, потому что надрывно ревели двигатели, дребезжала банка из-под пепси, катавшаяся по полу, и орал пилот, рассказывавший напарнику о своем холодильнике: «И вот, значит, середь ночи я просыпаюсь от того, что чертова штуковина грохочет и ходит ходуном…»

— Вот уж Александр порадовался бы! — сказала Мюриэл.

Мэйкон еще ни разу не видел, чтоб Александр чему-нибудь радовался, но покорно ответил:

— Как-нибудь возьмем его с собой.

— Мы будем много путешествовать! Во Фран-

цию, Испанию, Швейцарию…

— Тут все упрется в денежный вопрос, — сказал Мэйкон.

— Тогда просто по Америке — Калифорния, Флорида…

Мэйкон хотел было возразить, что Калифорния и Флорида тоже стоят денег (Флориде даже не нашлось места в его путеводителе), но поддался ее мечтательности.

— Гляди, гляди! — воскликнула Мюриэл.

Мэйкон перегнулся через проход, стараясь увидеть, на что она показывает. Самолет, летевший так низко, словно ориентировался по дорожным знакам, предлагал близкий обзор угодий, перелесков и крыш. Внезапно подумалось, что под каждой этой маленькой крышей течет своя жизнь. Ну да, ясное дело, но сейчас вдруг от этой мысли перехватило дыхание. Мэйкон понял, как реальны эти жизни для тех, кто их проживает, как насыщены, приватны и увлекательны. Разинув рот, он смотрел мимо Мюриэл. Они давно миновали то, к чему она хотела привлечь его внимание, а он все смотрел и смотрел в ее окошко.

Зашел разговор о деньгах. Вернее, о деньгах говорил Портер, остальные вполуха слушали. Портер загодя планировал подоходный налог. Его

заинтересовало нечто под названием «цыплячья сделка».

— Вот как это работает, — говорил он. — Прямо сейчас, пока год не закончился, вкладываешь деньги в новорожденных цыплят. Вычитаешь стоимость корма и прочего. В январе продаешь взрослых кур и получаешь прибыль.

Роза наморщила лоб:

— Но цыплятки очень подвержены простуде. Или как там, чумке? А у нас декабрь и январь совсем не теплые.

— В Балтиморе их не будет, Роза. Бог их знает, где они будут. Речь не о конкретных цыплятах, а о способе исхитриться с налогом.

— Ну не знаю, — сказал Чарлз. — Не по душе мне дела, которыми заведует кто-то другой. Поди проверь, существуют ли эти цыплята вообще.

— Что вы за народ, никакой фантазии, — огорчился Портер.

На террасе они сгрудились вокруг ломберного столика, братья помогали Розе с ее рождественским подарком для Либерти. Вдобавок к кукольному дому Роза соорудила гараж, а над ним гостевую комнату. В гараже царил достоверный беспорядок: у поленницы дров для камина валялись миниатюрные щепки, моток зеленой

проволоки убедительно изображал садовый шланг. Сейчас шла работа над вторым этажом. Роза набивала диванную подушку размером с таблетку аспирина, Чарлз вырезал кусок обоев из альбома образцов, Портер сверлил дырки под карниз для штор. Работать было тесно, и Мэйкон, только что выгулявший Эдварда, стоял в сторонке и наблюдал.

— И потом, цыплята — как-то не солидно, что ли, — сказал Чарлз. — Я бы не хотел представляться цыплячьим магнатом.

— Так и не надо, молчи себе, — ответил Портер.

— Вот *говяжий* магнат — совсем другое дело. Говяжий — как-то звучит.

— Сделку по говядине не предлагают, Чарлз.

Мэйкон взял пачку цветных фотографий, лежавших рядом с образчиком обоев. На верхнем снимке было окно в какой-то незнакомой комнате — белая рама, жалюзи спущены. Следующая фотография — групповой портрет: четыре человека, размытые, нечеткие, шеренгой стоят перед диваном. Женщина в фартуке, мужчины в черных костюмах. Позы какие-то неестественные. Выстроились как по линейке, друг друга не касаются.

— Кто эти люди? — спросил Мэйкон.

Роза скользнула по нему глазами:

— Семья из кукольного дома Либерти.

— Ах вон что.

— Джун прислала эти фотографии.

— Семья, в которой только взрослые? — удивился Мэйкон.

— Там один мальчик, просто не разберешь. А другой — дедушка или дворецкий. Джун говорит, Либерти все время меняет его роли.

Мэйкон отложил фотографии, не глянув остальные. Потом присел на корточки и погладил Эдварда.

— Скотская сделка, — задумчиво проговорил Чарлз.

Мэйкону вдруг захотелось очутиться у Мюриэл. Он обнял Эдварда, и ему показалось, что собачья шерсть пахнет ее резкими духами.

Да, превыше всего он ценил порядок. Когда все по полочкам. Ему нравилось одним и тем же питаться, одно и то же носить, а в четко установленные дни заниматься уборкой и оплачивать счета. В банке он всегда обращался к той же кассирше, к которой когда-то обратился впервые, даже если она работала медленнее других и очередь к ней была длиннее. В его жизни не было

места для кого-то столь непредсказуемого, как Мюриэл. Столь чрезмерного. И порой столь… неприятного.

Ее молодость не притягивала, напротив, выбивала из колеи. Мюриэл лишь краем уха слышала о Вьетнаме и понятия не имела, когда убили Кеннеди. С ней он начал ощущать свой возраст, хотя прежде о нем не задумывался. Теперь он замечал, что от долгого сидения в одной позе суставы его как будто ржавеют, что он бережет спину, опасаясь очередного прострела, что в постели одного раза ему более чем достаточно.

И еще она очень много говорила, почти безумолчно, тогда как для него тишина была лучшей музыкой. («Вот! Передают мою любимую песню!» — усмехался он, когда Сара выключала радио.) Она говорила о румянах, выпрямителе волос, целлюлите, длине юбок, сухой коже. Ее интересовала лишь внешняя сторона вещей: оттенок губной помады, лак для ногтей, маски для лица, секущиеся кончики. Как-то раз он сказал, мол, нынче она очень хорошо выглядит, и она так взбудоражилась, что споткнулась о тротуарный бордюр. И тут же засыпала вопросами: хорошо выглядит, потому что стянула волосы в конский хвост? дело в волосах или в ленте? как ему цвет

ленты? не слишком яркий, нет? лицо не кажется бледным? он не считает, что у нее кошмарные волосы, которые при малейшей влажности встают дыбом? Он уже пожалел о своем комплименте. Не то чтоб пожалел, но… устал. Притомился.

И в то же время какая-нибудь пустяковина врезалась в память намертво. Перед внутренним взором мелькал калейдоскоп случайных, ничего не значащих моментов: Мюриэл сидит за кухонным столом и, зацепив ступнями перекладины стула, заполняет конкурсную анкету для оплаченного тура в Голливуд; перед уходом Мюриэл смотрится в зеркало и традиционно произносит: «Ну и видок, страх господень!»; в розовых резиновых перчатках с нарисованными красными ногтями Мюриэл моет посуду: переставляет намыленные тарелки в мойку для ополаскивания, поднимает их слишком высоко и при этом горланит какую-нибудь любимую песню — «Война на домашнем фронте тоже не сахар» или «Интересно, любит ли Господь стиль кантри». (Сама-то она обожала этот стиль — длинные жалостливые баллады о каменистой дороге жизни, о тюремных стенах, холодных и серых, о двуличном подлеце с грязной душой.) И еще картинка, которую, вообще-то, он не видел: опершись на швабру,

Мюриэл стоит у больничного окна и смотрит на подъезжающую «скорую помощь».

Потом он понял, что все дело в ее образе жизни: он не был влюблен, но она удивляла, и рядом с ней он удивлялся себе. В чужой стране под названием Синглтон-стрит он становился совсем другим человеком, которого не подозревали в недалекости, не обвиняли в холодности, но даже укоряли мягкосердечием. Там он был кем угодно, только не апологетом порядка.

— Может, встретим Рождество с моими предками? — спросила Мюриэл.

В ее кухне Мэйкон, скорчившись под раковиной, закручивал вентиль. Он помолчал, потом выглянул и переспросил:

— С твоими предками?

— Съездим к ним на ужин.

— Я даже не знаю…

— Ну пожалуйста, Мэйкон, соглашайся! Я хочу, чтоб вы познакомились. Мама думает, я тебя сочинила. Ты, говорит, его выдумала. Ты ведь знаешь, какая она.

Пусть и по рассказам, но Мэйкон знал и потому мог представить, каким будет этот ужин. Минное поле. На каждом шагу скрытые ямы, ущемленные чувства. По правде, влезать в это не хотелось.

Не ответив, Мэйкон переключился на Александра, которого пытался обучить починке крана.

— Вот, видишь, я перекрыл воду, — сказал он. — Зачем я это сделал?

В ответ тупой остекленевший взгляд. Идею обучения выдвинул Мэйкон. Александра оторвали от телевизора, приволокли в кухню, точно мешок с камнями, и, усадив на стул, велели смотреть внимательно.

— Может, не стоит? — вмешалась Мюриэл. — Он такой слабенький.

— Чтобы починить кухонный кран, не нужно быть Тарзаном.

— Да, но я даже не знаю…

Иногда Мэйкону казалось, что все Александровы недуги существуют лишь в ее воображении.

— Зачем я перекрыл воду? — повторил он.

— Зачем? — эхом откликнулся Александр.

— Вот и скажи.

— Сам скажи.

— Нет, ты скажи, — твердо потребовал Мэйкон.

На секунду возникло опасение, что этот немигающий взгляд застыл навеки. Согнувшись дугой, Александр подпер кулаком подбородок

и бессмысленно смотрел перед собой. Ноги его в тяжелых коричневых башмаках торчали из штанин, словно детали конструктора. Наконец он выговорил:

— Чтоб кухню не залило.

— Верно. — Мэйкон приказал себе не упиваться своей победой. — Так, у нас подтекает не носик, а рукоятка. Значит, нужно ее снять и поменять прокладку. Для этого надо вывинтить шуруп. Давай, попробуй.

— Я?

Мэйкон кивнул и протянул ему отвертку.

— Не хочу, — сказал Александр.

— Пусть он просто посмотрит, — влезла Мюриэл.

— Если просто смотреть, он не сумеет починить кран в ванной, а я хочу, чтобы там он все сделал без моей помощи.

В свойственной ему манере (мелкие вороватые движения) Александр взял отвертку, сполз со стула и подошел к раковине. Затем влез на другой стул, который Мэйкон придвинул вплотную к мойке. Возникла задача — попасть отверткой в паз шурупа. На это ушла вечность. Короткие пальцы с розовыми подушечками и под корень обгрызенными ногтями не способствовали реше-

нию проблемы. Александр насупился, очки его сползли на кончик носа. Как всегда, он дышал ртом, а сейчас еще и тихонько кряхтел, закусив язык.

— Великолепно, — сказал Мэйкон, когда отвертка наконец попала в паз.

Однако после каждого крохотного оборота она соскакивала и все начиналось заново. У Мэйкона сводило мышцы живота. В кои-то веки Мюриэл смолкла, но молчание ее было напряженным и встревоженным.

— Ага! — воскликнул Мэйкон. Шуруп был так ослаблен, что Александр смог вывернуть его пальцами. С этой задачей он справился довольно легко. И даже без указаний снял рукоятку крана. — Молодец, — похвалил Мэйкон. — По-моему, у тебя природный талант водопроводчика.

Мюриэл облегченно выдохнула и привалилась к столешнице.

— Родители отмечают Рождество днем, — сказала она. — Ну, не совсем днем, а так, ближе к вечеру. Правда, нынче будет уже совсем вечер, потому что у меня утренняя смена в «Мяу-Гав» и…

— Вот, видишь эту дрянь? — сказал Мэйкон. — Это старая сгнившая прокладка. Выбрасывай ее. Хорошо. А вот у нас новенькая пакля. Нама-

тывать ее нужно с небольшим запасом. У тебя получится.

Александр наматывал паклю. От усилия пальцы его побелели.

— Обычно мы готовим гуся, — говорила Мюриэл. — Папа привозит его с Восточного побережья. Может, ты не любишь гуся? Лучше индейку? Или утку? К чему ты больше привык, Мэйкон?

— Да, знаешь… — промямлил Мэйкон, но его спас Александр, который самостоятельно вернул рукоятку на место.

— Что теперь? — спросил он.

— Накрепко завинчиваем шуруп.

Александр возобновил возню с отверткой.

— Или ты хочешь хороший кусок мяса? — сказала Мюриэл. — Некоторые мужчины предпочитают мясо. Мол, птица — это для слабаков. Ты тоже так считаешь? Скажи, я не обижусь! И родичи не станут возражать!

— Э-э… Мюриэл…

— Что дальше? — потребовал указаний Александр.

— Дальше мы пускаем воду и смотрим, что мы тут наработали.

Мэйкон залез под раковину, показал, где вентиль. Александр протиснулся к трубе и, кряхтя,

открыл воду. Удивительно, подумал Мэйкон, все маленькие мальчики одинаково чуть пахнут хвоей, как кедровый шкаф. Он выбрался из-под раковины и включил кран. Течи не было.

— Ну вот, ты все починил, — сказал Мэйкон.

Александр изо всех сил сдерживал ухмылку.

— Теперь знаешь, что в следующий раз делать?

Мальчик кивнул.

— Ну вот вырастешь и будешь чинить краны жене.

От подступавшего смеха Александр сморщился.

— «Отойди-ка, — скажешь, — душенька. Дай глянуть, что тут стряслось».

Александр скукожился и прыснул.

— «Сейчас настоящий мужчина все исправит».

Александр безостановочно фыркал.

— Мэйкон, так ты поедешь к моим или нет? — спросила Мюриэл.

Разумнее было бы отказаться. Но, так или иначе, он уже влип.

Глава тринадцатая

Родители Мюриэл обитали в Тимониуме, в районе под названием Охотничьи угодья. Мюриэл показывала дорогу. Рождество выдалось беспримерно холодным, но окна в машине были приоткрыты, чтобы собачьи ворсинки не потревожили Александра, ехавшего на заднем сиденье. По радио, настроенному на любимую станцию Мюриэл, Конни Фрэнсис пела «Первое Рождество малыша».

— Тебе не холодно, милый? — спросила Мюриэл. — Чувствуешь себя хорошо?

Александр, видимо, кивнул.

— Ты не задыхаешься?

— Не-а.

— Нет, мама, — поправила Мюриэл.

Мэйкон вспомнил, что Сара тоже всякий раз давала Итану краткий курс хороших манер, когда они ехали в гости к бабушке.

— Однажды мы с Александром отправились выполнять поручение Джорджу, так? Ну, фирме моей, помнишь? — сказала Мюриэл. — А накануне я возила двух кошек, представляешь?

Обычно потом я всегда пылесосю машину, а тут совсем из головы вон, и я, значит, оборачиваюсь и вижу, что Александр распластался в отрубе.

— И ничего не в отрубе, — возразил Александр.

— Выглядело очень похоже.

— Просто я лег, чтоб мне не дуло.

— Видали? — Мюриэл посмотрела на Мэйкона.

Выехали на шоссе; все автосервисы и закусочные были закрыты, огни погашены. Мэйкону еще не доводилось видеть трассу такой пустой. Он обогнал фургон и такси, больше никого не было. Въезд на стоянку, полную машин, украшали закоченелые рождественские гирлянды.

— Вообще-то можно делать уколы, — сказала Мюриэл.

— Какие уколы?

— Ну, такие, чтоб не задыхаться.

— Почему же не делаете?

— Вот если Эдвард к нам переедет, тогда, наверное, придется.

— Эдвард?

— Я говорю — если. То есть если вы с Эдвардом переедете к нам насовсем.

— Ах вон что, — сказал Мэйкон.

Бренда Ли запела «Я заарканю Санта-Клауса». Мюриэл стала подпевать, бойко мотая головой

в такт.

— Или ты не собираешься? — наконец спросила она.

— Не собираюсь — что? — Мэйкон притворился, будто не понял.

— Не собираешься к нам переезжать?

— Э-э…

— Либо мы переедем к тебе. Как тебе больше нравится.

— Ко мне? Но там же сестра и…

— Я говорю о *твоем* доме.

— Ах о моем.

Перед глазами возник его дом — маленький, тусклый, покинутый, притаившийся под дубами, точно хижина сказочного дровосека. Мюриэл глянула на Мэйкона и поспешно сказала:

— Я пойму, если ты не захочешь туда возвращаться.

— Дело не в том. — Мэйкон откашлялся. — Просто об этом я особо не задумывался.

— А, понятно.

— Пока что не задумывался.

— Не надо ничего объяснять!

Мюриэл показала, где свернуть, и они съехали на извилистый проселок. Теперь закусочные встречались редко и выглядели убого. Пейзаж

составляли колючие деревца, замерзшие поля и скопище почтовых ящиков всевозможных размеров, ощетинившихся в конце боковой дороги.

Когда машина подпрыгивала на ухабах, на заднем сиденье что-то гремело. Громыхал рождественский подарок Александру от Мэйкона — набор инструментов, маленьких, но настоящих, с крепкими деревянными рукоятками. Мэйкон их выискал по одному, а потом долго перекладывал из отделения в отделение, точно скряга, пересчитывающий свои сокровища.

Миновали кусок плетеной изгороди, осевшей до земли.

— А что нынче делают *твои* родные? — спросила Мюриэл.

— Да ничего особенного.

— Будет большой праздничный ужин?

— Нет, Роза пошла к Джулиану. А Чарлз и Портер, наверное, шпаклюют ванну на втором этаже.

— Бедняги! Надо было позвать их к моим родичам.

Мэйкон улыбнулся, представив эту картину.

По указке Мюриэл он съехал в луговину в крапинах однотипных домов — кирпичных строений с чердаком, обшитым алюминиевым

сайдингом. В названиях улиц были запечатлены деревья, которые там не росли: Березовый переулок, Вязовый тупик, проезд Яблоневого Цвета. Мюриэл велела ехать в Яблоневый Цвет. Мэйкон припарковался за универсалом. Из дома выскочила девушка в джинсах, симпатичная крепышка с длинными соломенными волосами, собранными в конский хвост.

— Клэр! — крикнул Александр, подпрыгивая на сиденье.

— Это моя сестра, — сказала Мюриэл.

— Ага.

— Хорошенькая, правда?

— Да, очень миловидная.

Клэр уже распахнула дверцу и тискала Александра.

— Как ты, мой красавец? — приговаривала она. — Что тебе принес Санта-Клаус?

Клэр совсем не походила на Мюриэл, не подумаешь, что они сестры. Почти квадратное лицо, золотистая кожа. По нынешним меркам, ей бы не мешало сбросить фунтов десять. Клэр выпустила Александра и, смущаясь, засунула руки в задние карманы джинсов.

— Ну что, веселого Рождества и все такое! — сказала она.

— Смотри, что мне Мэйкон подарил. — Мюриэл повертела запястьем с часами.

— А ты ему что подарила?

— Брелок для ключей. В комиссионке купила, антикварный.

— О как!

Мюриэл умолчала, что брелок был с ключом от ее дома.

Мэйкон достал из багажника подарки, которые приготовили они с Мюриэл, Александр забрал свой набор инструментов. Через двор Клэр повела гостей к дому. Мюриэл беспокойно ощупывала прическу.

— Видела бы ты, что папа подарил маме, — сказала Клэр. — Микроволновку. Мама ее до смерти боится. Я, говорит, вся облучусь. Вряд ли она будет ею пользоваться.

Седая женщина в брючном костюме цвета морской волны, невысокая и очень худая, стояла на пороге, придерживая открытую дверь.

— Мам, это Мэйкон, — сказала Мюриэл. — Мэйкон, вот моя мама.

Поджав губы, миссис Дуган разглядывала гостя. Круговые морщины, отходившие от уголков ее рта, напоминали кошачьи усы.

— Очень приятно, — наконец сказала она.

— Веселого Рождества, миссис Дуган. — Мэйкон вручил ей свой подарок — перевязанную лентой бутылку клюквенного ликера. Напиток тоже подвергся изучению.

— Остальные подарки положи под елку, — сказала Мюриэл. — Мам, что ж ты не поздороваешься с внуком?

Миссис Дуган мельком глянула на Александра. Видимо, тот и не ждал иного приветствия, ибо побрел к рождественской елке, под которой лежали разнородные предметы: дымовой детектор, электродрель, туалетное зеркало, обрамленное лампочками. Мэйкон пристроил к ним свои свертки, затем снял пальто и перебросил его через валик дивана в белой атласной обивке, добрую треть которого занимала микроволновка, все еще весело украшенная большим красным бантом.

— Полюбуйтесь на мою новую печку, — сказала миссис Дуган. — Я в жизни не видела штуковины чуднее.

Она смахнула с кресла обрывки подарочной обертки и жестом предложила гостю сесть.

— Пахнет чем-то вкусным, — сказал Мэйкон.

— Гусем, — ответила хозяйка. — Бойд раздобыл гуся.

Она уселась рядом с микроволновкой. На полу Клэр помогала Александру распаковать его подарок. Мюриэл, все еще в пальто, что-то искала на книжной полке.

— Мам, а где?.. А, все, нашла. — Она сняла с полки новомодный фотоальбом с прозрачными пластиковыми кармашками и подсела к Мэйкону на подлокотник кресла: — Вот, посмотри, какой я была маленькая.

— Ты бы хоть пальто сняла, — сказала миссис Дуган. — Чего уж так сразу-то?

— Тут мне полгода. Это я в коляске. А вот мой первый деньрожденческий торт.

На глянцевых цветных фотографиях красный цвет слегка отливал синевой. (Детские фото Мэйкона были черно-белые, цветные тогда считались редкостью.) Все снимки представляли круглолицую улыбчивую блондиночку с какой-нибудь кокетливой прической: волосы собраны в пучок на макушке или высокие хвостики, напоминавшие щенячьи уши. Поначалу ее жизненные этапы сменялись медленно (первые шаги она сделала лишь через три страницы), но потом набрали ход.

— Здесь мне два года. Тут — пять. А здесь — семь с половиной.

Постепенно щекастая блондиночка худела, темнела и серьезнела, а потом вообще сгинула, уступив место малышке Клэр.

— Ну вот. — Мюриэл захлопнула альбом, пролистав его лишь до середины.

— Погоди, — сказал Мэйкон. Ему хотелось увидеть оторву, хороводившуюся с хулиганьем на мотоциклах. Он вновь раскрыл альбом, но оставшиеся страницы оказались пустыми.

Появился мистер Дуган — светловолосый веснушчатый мужчина в клетчатой рубашке; он сунул Мэйкону мозолистую руку и сразу вышел, что-то пробормотав о делах в подвале.

— Беспокоится о трубах, — пояснила миссис Дуган. — Вы знаете, что прошлой ночью было ниже нуля? Он боится, как бы трубы не замерзли.

— Может, помочь? — вскинулся Мэйкон.

— Нет-нет, сидите на месте, мистер Лири.

— Мэйкон.

— Хорошо. А меня можете называть мама Дуган.

— Кхм…

— Мюриэл говорит, вы в разводе, Мэйкон.

— Ну, в общем, да.

— И долго собираетесь тянуть?

— Простите?

— Я к тому, что вы же не станете водить мою девочку за нос, правда?

— Мам, хватит уже, — сказала Мюриэл.

— Я бы не спрашивала, если б хоть раз ты выказала каплю здравого смысла. Согласись, этим ты похвастать не можешь.

— Просто мама за меня беспокоится, Мэйкон, — сказала Мюриэл.

— Да, я понимаю.

— Этой девочке было всего лишь тринадцать, когда самые гадкие парни вдруг стали за ней увиваться, — сказала миссис Дуган. — С тех пор я не знаю ни сна ни покоя.

— Спи себе спокойно, — вставила Мюриэл. — Все это было давным-давно.

— Только отвернешься — она уже в каком-нибудь злачном клубе или забегаловке.

— Мам, давай ты посмотришь подарки тебе и папе?

— О, вы привезли нам подарки?

Мюриэл прошла к елке, где Клэр помогала Александру расставить фигурки на игровом поле:

— Вот эту — на зеленое, а эту — на синее.

Александр нетерпеливо ерзал, он хотел все сделать сам.

— Клэр надумала подарить ему эту игру. — Мис-

сис Дуган приняла от Мюриэл сверток. — По-моему, для него это слишком сложно.

— Вовсе нет, — сказала Мюриэл (хотя даже не глянула на игру) и вновь подсела к Мэйкону. — Александр очень сообразительный. Вмиг все освоит.

— Никто не говорит, что он не сообразительный, Мюриэл. Не нужно всякое слово встречать в штыки.

— Да открой же ты подарок!

Но миссис Дуган не торопилась: распустила ленту и убрала ее в коробку на журнальном столике.

— На Рождество папа приготовил тебе немного денег, — сказала она. — Перед отъездом напомни ему. — Миссис Дуган изучила обертку: — Вы гляньте! Оленятки Рудольфы! Носики из настоящей фольги. Ну зачем, можно было упаковать в простую бумагу.

— Хотелось чего-то особенного, — сказала Мюриэл.

Миссис Дуган сняла упаковку, свернула ее и отложила в сторону. Подарком ей было нечто в позолоченной рамке.

— Как мило, — наконец сказала она и показала подарок Мэйкону — фотографию Мюриэл с

Александром. Студийный портрет в пастельных тонах, равномерно залитый светом неведомого источника. Мюриэл сидела, Александр стоял рядом, неуверенно положив руку ей на плечо. Никто не улыбался. Вид у них был настороженный, растерянный и очень одинокий.

— Прелестно, — сказал Мэйкон.

Миссис Дуган лишь хмыкнула и положила фото к коробке с лентами.

Ужин потребовал усердия — все налегали на гуся в клюквенной подливке, картошку двух видов и овощи трех сортов. Мистер Дуган хранил зловещее молчание, хотя Мэйкон пытался завести разговор о подвальных трубах. Мюриэл не спускала глаз с Александра:

— Сейчас же отложи начинку, в ней хлеб. Хочешь, чтоб началась аллергия? И подливку лучше не трогай.

— Ради бога, оставь его в покое, — сказала миссис Дуган.

— Ты бы так не говорила, если б тебе пришлось всю ночь не спать из-за его чесотки.

— Порой мне кажется, чесотку вызывают все эти твои разговоры.

— Это лишний раз доказывает, что ты ничего не понимаешь.

У Мэйкона вдруг возникло чувство ирреальности. Что сказала бы Сара, увидь его здесь? Он представил ее насмешливую улыбку. Роза и братья оторопели бы. А Джулиан сказал бы: «Ха! Случайный турист в Тимониуме».

Миссис Дуган подала пироги с тремя разными начинками, Клэр всех обнесла кофе. Поверх джинсов она надела широкую вышитую юбку в сборку — подарок Мюриэл, на прошлой неделе купленный в комиссионке. Наряд ее напоминал какой-то национальный костюм.

— Как насчет ликера, мам? — спросила Клэр. — Давай откроем бутылку Мэйкона?

— Может, он хочет, чтобы ты называла его «мистер Лири», дорогая.

— Нет-нет, пожалуйста, по имени, — сказал Мэйкон.

Наверное, семейство долго обсуждало его возраст и так далее. Ну уж конечно: слишком старый, слишком длинный, да еще вырядился в костюм с галстуком.

Миссис Дуган отведала ликер и сказала, что в жизни не пила ничего вкуснее. А Мэйкону ликер напомнил фтористый состав, которым дантист покрывал ему зубы, он ожидал чего-то другого.

— Вся эта сладенькая подкрашенная водица

хороша для дамочек, но лично я предпочитаю глоток виски, — сказал мистер Дуган. — Хлебнем, Мэйкон?

Он принес бутылку «Джека Дэниэлса», в которой виски осталось на донышке, и две стопки. Одно лишь появление бутылки как будто развязало ему язык.

— Ну вот! — Мистер Дуган уселся за стол. — На чем ездите, Мэйкон?

— Езжу? А, на «тойоте».

Мистер Дуган нахмурился.

— Папа презирает иностранные машины, — рассмеялась Клэр. — Он их ненавидит.

— Чем же вам не глянутся американские авто? — спросил мистер Дуган.

— Да нет, вообще-то…

Мэйкон хотел сказать, что у жены его «форд», но передумал.

— Раньше у меня был «рамблер», — доложил он, принимая стакан от мистера Дугана.

— Надо вам попробовать «шевроле», Мэйкон. Как-нибудь загляните ко мне в салон, у вас глаза разбегутся. Что вы предпочитаете? Семейный, компакт?

— Наверное, компакт, но…

— Одно вам скажу: ничто на свете не заставит

меня продать вам двухдверный субкомпакт. Нет, сэр, можете упрашивать, рыдать, ползать на коленях, я не продам вам этот гроб на колесах, на котором нынче все помешались. Я говорю своим покупателям: вы думаете, говорю, у меня нет принципов? Перед вами, говорю, принципиальный человек, и если, говорю, вам хочется субкомпакт, ступайте эвон к Эду Маккензи. Вот он вам продаст за милую душу. Вон Мюриэл-то чуть с жизнью не распрощалась в этакой хреновине.

— Да ну, пап, ничего подобного, — сказала Мюриэл.

— Была, можно сказать, на волосок от смерти.

— Я не получила ни единой царапины.

— Машину сплющило, как консервную банку.

— Из всех потерь — затяжка на чулке.

— Значит, у Мюриэл своя машина забарахлила, — начал рассказ мистер Дуган, — и доктор Кейн предложил подбросить ее к «Мяу-Гав». И вот какая-то баба-дура выехала прямо перед ними. Она, вишь ты, делала левый поворот…

— Дай я расскажу, — перебила миссис Дуган и подалась вперед, сжимая в руке рюмку с ликером: — Я только вернулась из магазина, где кой-чего прикупила на школьные завтраки для Клэр. Этот ребенок ест что твой взрослый. Звонит

телефон. Я сваливаю покупки и бегу ответить. Мужской голос: «Миссис Дуган?» Да, говорю. «С вами говорят из балтиморской полиции по поводу вашей дочери Мюриэл». Боже мой, думаю. Сердце оборвалось, ищу, куда бы присесть. А я все еще в пальто и косынке, из-за которой толком не слышу, но снять ее не догадаюсь, потому как вся обомлела. В тот день дождь лил как из ведра. Господи боже мой, думаю, что еще стряслось с Мюриэл…

— Ты уходишь от темы, Лилиан, — сказал мистер Дуган.

— Ничего я не ухожу! Я рассказываю о несчастном случае с Мюриэл.

— Ему неинтересно слушать твои причитания, он хочет знать, почему не надо брать субкомпакт. Значит, баба вылетает на левый поворот прямиком перед малолитражкой доктора Кейна, и ему ничего не остается, как в нее въехать. У него преимущественное право проезда. Интересно, что вышло? Машина его, кроха «пинто», всмятку. У старого доброго «крайслера» той бабы вмятинка на крыле. Скажете, вы все еще хотите субкомпакт?

— Да я…

— И вот еще что, — сказала миссис Дуган. — Док-

тор Кейн купил новую машину, но уже больше не предлагал подвезти Мюриэл.

— Мам, мы живем в разных районах.

— Он холостяк. Вы с ним не знакомы, Мэйкон? Мюриэл говорит, он просто красавчик. В свой первый рабочий день она сообщает: представляешь, мам — звонит мне по телефону, — представляешь, начальник мой не женат, писаный красавец, профессионал и, девчонки говорят, даже ни с кем не помолвлен. Потом он ее подвозит, они попадают в аварию, и новых предложений уже не поступает. Даже когда она намекает, что нынче без машины, он молчит.

— Да он живет в районе Таусон, — сказала Мюриэл.

— Видимо, он считает, что ты приносишь неудачу.

— Он живет в Таусоне, а я на Синглтон-стрит! Чего ты хочешь?

— После аварии он купил спортивный «мерседес», — вставила Клэр.

— Ох уж эти спортивные машины! — скривился мистер Дуган. — Слышать о них не хочу.

— Можно выйти? — спросил Александр.

— Я очень рассчитывала на доктора Кейна, — печально сказала миссис Дуган.

— Хватит, мам.

— И ты надеялась! Сама говорила!

— Пожалуйста, замолчи и пей свой ликер.

Миссис Дуган покачала головой, но отхлебнула из рюмки.

Они уехали ранним вечером, когда последний свет истаял в воздухе, словно хрустальном от морозца.

— Приезжайте еще! — на пороге выпевала Клэр. — Спасибо за юбку! Веселого Рождества!

Рядом, зябко ежась под накинутым на плечи свитером, стояла миссис Дуган. Мистер Дуган махнул рукой и скрылся — видимо, опять пошел проверять трубы.

Теперь машин было много. Встречные фары сверкали, точно маленькие белые кляксы. По радио, до следующего года позабывшего про Рождество, крутили «Я обрезалась осколками твоего разбитого сердца»; на заднем сиденье ящик с инструментами тихонько гремел, словно аккомпанируя исполнительнице.

— Ты злишься, Мэйкон? — спросила Мюриэл.

— Злюсь?

— Злишься на меня?

— Вовсе нет.

Мюриэл глянула на Александра и больше ни-

чего не сказала.

На Синглтон-стрит добрались уже к ночи. На тротуаре близняшки Батлер в одинаковых лиловых куртках болтали с двумя парнями. Мэйкон припарковался и, открыв заднюю дверцу, увидел, что Александр спит, уронив голову на грудь. На руках он внес мальчика в дом. В гостиной Мюриэл освободилась от поклажи — набора инструментов, настольной игры и пирога, который им всучила миссис Дуган, — и тоже прошла к лестнице. Мэйкон поднимался боком, чтобы ноги Александра не чиркали по стене. В маленькой спальне он уложил мальчика в кровать.

— Я знаю, о чем ты, наверное, думаешь. — Мюриэл разула сына. — Мол, этой Мюриэл сгодится любой, кто в штанах. Угадала?

Мэйкон промолчал, боясь разбудить Александра.

— Я знаю, знаю! — Мюриэл подоткнула одеяло. Выключила свет. Вместе с Мэйконом вышла из комнаты. — Но все было иначе, клянусь. Конечно, такая мысль мелькала, ведь он не женатый. Чего уж душой-то кривить? Я мать-одиночка, ращу ребенка. Еле свожу концы с концами. Да, я прикидывала такой вариант!

— Я понимаю, — мягко сказал Мэйкон.

— Но все было совсем не так, как она это подала. — Мюриэл моталась за ним по гостиной. Он сел на диван, она плюхнулась рядом, так и не сняв пальто. — Ты не останешься?

— Ну если ты не слишком притомилась.

Мюриэл откинула голову на диванную спинку:

— Я в том смысле, что ты меня, наверное, бросишь. Больше не придешь вообще.

— С чего вдруг я тебя брошу?

— Учитывая, в каком свете меня выставили.

— В нормальном свете.

— Правда?

Когда она уставала, кожа на ее лице как будто натягивалась. Мюриэл прижала пальцы к глазам.

— Прошлое Рождество стало первым без Итана, — сказал Мэйкон. — Очень тяжко нам дался тот праздник.

С ней он часто говорил о сыне. Ему нравилось вслух произносить его имя.

— Мы не знали, как встречать его в одиночестве. Я себе говорил: ведь как-то мы его отмечали, когда Итан еще не родился. Но, по правде, я даже не помнил, как это было. Казалось, Итан *всегда* был с нами; когда ты стал отцом, невозможно представить себя бездетным. Я подметил: вспо-

минаю свое детство, и мне кажется, что Итан был уже и тогда. Только вроде как еще невидимый. Ну вот. Я решил, что надо завалить Сару подарками, и в канун Рождества в универмаге Хуцлера накупил всякой всячины — полки, вешалки и прочее. А Сара ударилась в другую крайность. Вообще ничего не купила. И вот мы сидим, каждый думает, что поступил неправильно, но и другой, мол, тоже напортачил. Как-то так. Ужасное было Рождество. — Он отвел прядь со лба Мюриэл. — Нынешнее получилось лучше.

Она открыла глаза, секунду-другую его разглядывала. Потом полезла в карман и что-то достала, пряча в ладони, как детский секретик.

— Это тебе.

— Мне?

— На память.

Фотография, украденная из семейного альбома: малышка Мюриэл выбирается из надувного бассейна.

Наверное, ей хотелось предстать перед ним в своем лучшем облике. И это ей удалось. Но красота ее была не в локонах под Ширли Темпл. А в ее неистовстве — в горящем колючем взгляде решительно сощуренных глаз и упрямо выставленном подбородке. Мэйкон ее поблагодарил. И сказал,

что сохранит этот снимок навеки.

Глава четырнадцатая

Теперь они, можно сказать, жили вместе. Мэйкон оставался каждую ночь, давал деньги на продукты и квартплату. В ванной на полке примостились его бритва и помазок, в шкафу костюмы его втиснулись меж ее платьев. Но произошло это не одним днем, а постепенно, шаг за шагом. Сначала были долгие рождественские каникулы, когда Александр оставался дома один. Так почему не посидеть с ним, если уж здесь заночевал? И почему не привезти пишущую машинку, не поработать за кухонным столом? Почему не поужинать, а потом улечься в постель?

Но если уж нужна точная дата переезда, это, наверное, произошло в тот день, когда Мэйкон привез Эдварда. Он только что вернулся из изнурительной молниеносной поездки по пяти южным городам, в которых было ничуть не теплее, чем в Балтиморе, и заглянул к Розе проведать свое зверье. Кошка в полном порядке, доложила сестра, перекрикивая визг Эдварда, обезумевшего от радости и облегчения, скорее всего, даже не заметила отсутствия хозяина. А вот Эдвард…

— Целыми днями сидел в прихожей и смотрел на дверь, — сказала Роза. — Голову этак склонит и прислушивается к шагам.

Это все и решило. Мэйкон привез Эдварда на Синглтон-стрит.

— Ты не против, Мюриэл? — спросил он. — Пусть поживет денек-другой, ладно? Может, Александр обойдется без уколов, а?

— Обойдусь, — заявил Александр. — Мне плохо от кошек, не от собак.

Мюриэл радости не выказала, но согласилась попробовать.

Тем временем Эдвард как угорелый носился по дому, обнюхивая углы и мебель. А потом сел перед Мюриэл и ухмыльнулся. Он смахивал на влюбленного в учительницу ученика, у которого наконец-то сбылись все его дерзкие мечты.

Поначалу Эдварда попытались обособить в закутке, но безуспешно. Пес ходил хвостом за Мэйконом и, кроме того, тотчас проникся интересом к Александру. За неимением мячика он приносил к его ногам всякие мелкие предметы и, отступив, смотрел выжидательно.

— Он хочет поиграть, — объяснил Мэйкон.

Александр по-девчоночьи, из-за головы, метнул спичечный коробок, Эдвард кинулся за добычей,

а Мэйкон себе пометил: завтра же купить мячик и обучить парня правильному броску.

Потом Александр и Эдвард устроились на диване: первый смотрел телевизор, второй, свернувшись орешком кешью, дремал с выражением полного блаженства на морде. Мальчик обнял пса и зарылся лицом в его холку.

— Осторожнее, — сказал Мэйкон. Он понятия не имел, что делать, если вдруг Александр начнет задыхаться. Но ничего, обошлось. Лишь к вечеру у парня, как всегда, заложило нос.

Мэйкон надеялся, Александр не знает, что они с Мюриэл спят вместе.

— Это просто смешно, — говорила Мюриэл. — Где ж тогда ты ночуешь — в гостиной на диване, что ли?

— Возможно, — отвечал Мэйкон. — Наверняка у него есть какое-то объяснение. Или нет никакого. Короче, было бы неверно огорошить его правдой. Пусть думает что хочет.

Поэтому утром он вставал и одевался, пока все еще спали. Затем готовил завтрак и будил Александра:

— Семь часов! Пора просыпаться! Давай буди маму.

Как выяснилось, раньше Александр сам вста-

вал и собирался в школу, а Мюриэл и не думала просыпаться. Порой она даже не видела, как он уходит. Это что-то невообразимое, считал Мэйкон. Теперь он готовил обильный завтрак и требовал, чтобы Мюриэл вместе с ними садилась за стол. Та отнекивалась — мол, от завтрака у нее тяжесть в животе. «И у меня тяжесть», — подхватывал Александр. Но Мэйкон был непреклонен.

— Девяносто восемь процентов всех отличников по утрам едят яичницу, а девяносто девять процентов пьют молоко, — на ходу сочинял он и, сняв фартук, садился к столу. — Ты слушаешь, Александр?

— От молока меня вырвет.

— Не выдумывай.

— Мам, скажи ему!

— Вырвет, — хмуро подтверждала Мюриэл. К завтраку она выходила в длинном шелковом халате и сидела сгорбившись, подперев рукой подбородок. — Там какие-то ферменты. — Мюриэл зевала. Волосы ее, после перманента наконец-то отросшие, напоминали ребристую заколку-невидимку.

До школы Александр шел вместе с Бадди и Сисси Эббетт — соседскими детьми, жившими через дорогу. Они были старше и выглядели хулигани-

сто. Мюриэл опять заваливалась спать либо, в зависимости от дня недели, отправлялась на одну из своих работ. Мэйкон мыл посуду и выводил Эдварда. По холоду гуляли недолго. Редкие прохожие двигались быстро и дергано, как в немом кино. Кое-кто уже знал Мэйкона в лицо и мимоходом окидывал его взглядом — вроде как молча здоровался. Эдвард всех игнорировал. И даже не сбивался с шага, когда другие собаки подбегали и обнюхивали его. Хозяин магазина мистер Маркуси разгружал ящики, но всякий раз на секунду отрывался от дела и приветствовал пса:

— Здорово, обрубок! Привет, жирдяй!

Эдвард высокомерно шествовал мимо.

— В жизни не видал животинки чуднее! — вслед им кричал мистер Маркуси. — Смахивает на неудачный набросок собаки!

Мэйкон всегда смеялся.

Он уже немного обвыкся в этих краях. Неказистая Синглтон-стрит все еще угнетала своей затрапезностью, но больше не казалась такой уж опасной. Уличная шпана уже смотрелась компанией трогательных безусых юнцов с обветренными губами, дурно одетых и неуверенных в себе. Проводив мужей на работу, женщины, полные хозяйственного рвения, подметали дорожки,

замусоренные пивными банками и упаковками от чипсов, а потом, засучив рукава и невзирая на стужу, драили ступени крыльца. Точно бумажные клочки, погоняемые ветром, мимо бежали сопливые ребятишки в разномастных варежках, и какая-нибудь домохозяйка, опершись на метлу, им кричала:

— Эй! Я все вижу! Не вздумайте прогулять школу!

В любой момент улица была готова сбиться с пути истинного, но эти женщины с зычными голосами и квадратными подбородками всегда вовремя ее одергивали.

После прогулки Мэйкон согревался чашкой кофе. Затем ставил пишущую машинку на кухонный стол и работал над путеводителем. Когда задувал ветер, мутные стекла большого окна дребезжали, напоминая перестук колес в поезде. *В аэропорту Атланты коридоры растянулись миль на десять*, печатал Мэйкон. Под порывом ветра оконная рама содрогалась, и на миг возникало странное ощущение, как будто пол в растрескавшемся линолеуме уезжает из-под ног.

Готовясь к будущим поездкам, Мэйкон обзванивал гостиницы, мотели, управления торговли, транспортные агентства и делал пометки в еже-

дневнике со спиралью — продукции «Прессы бизнесмена», неизменном подарке Джулиана на Рождество. Мэйкон любил проглядывать всякие полезные сведения в конце ежедневника. Гранат — камень тех, кто родился в январе, аметист — в феврале. Одна квадратная миля равна 2,59 квадратного километра. Нечто бумажное — уместный подарок на первую годовщину. Мэйкон лениво обдумывал эту информацию. Мир казался упорядоченным: на все найдется ответ, если правильно сформулировать вопрос.

Наступало время обеда. Отложив работу, Мэйкон делал себе сэндвич или разогревал банку супа, ненадолго выпускал Эдварда побегать на заднем дворике. Потом он любил немного послоняться по дому. Там столько всего требовало починки! Но это ничуть не тревожило, поскольку было не его заботой. Насвистывая, Мэйкон изучал глубину трещины в стене. Мурлыча песенку, спускался в подвал и покачивал головой от царившего там бедлама. В спальне оглядывал хромой комод на трех ножках и консервной банке вместо четвертой.

— Позор! — удовлетворенно говорил Мэйкон сопровождавшему его Эдварду.

Он смазывал петлю, укреплял дверную ручку,

удивляясь тому, что личность Мюриэл почти не отпечаталась в доме. Здесь она жила лет шесть или семь, но дом так и выглядел временным пристанищем. Вещи ее лежали в беспорядке и как будто принадлежали кому-то другому. Это огорчало, поскольку было весьма любопытно узнать ее подноготную. Ошкуривая ящик комода, Мэйкон украдкой глянул на его содержимое, но увидел лишь шали с бахромой и пожелтевшие сетчатые перчатки из сороковых годов — ключ к разгадке чьей-то другой жизни.

Но что именно хотел он узнать? Мюриэл — открытая книга, она рассказала бы о себе все, даже не самое приятное. И она не пыталась скрыть свою истинную натуру, далекую от совершенства: вздорный характер, сварливость, склонность к затяжным приступам самоедства. В отношении к Александру ее кидало из крайности в крайность — то она тряслась над ним как наседка, то была груба и бессердечна. Явно неглупая, вместе с тем она была неслыханно суеверной. Не проходило дня, чтоб она не рассказала в утомительных подробностях свой сон, в котором выискивала всякие знаки. (Сон о белых кораблях в пурпурном море исполнился уже наутро, уверяла она: на пороге ее дома возник коммивояжер в лиловом

свитере с узором из белых корабликов. «Точно такой же цвет! И тот же силуэт кораблей!» Интересно, гадал Мэйкон, что за торгаш этак вырядился?) Она верила в гороскопы, карты таро и говорящие доски. Магическое число ее — семнадцать. В прошлой жизни она была модельером и клялась, что помнила по крайней мере одну свою смерть. («Кажется, она скончалась», — сообщили вошедшему врачу, и тот размотал свой шарф.) Она не исповедовала какую-то определенную религию, но свято верила, что Бог приглядывает за ней персонально. Смешно, думал Мэйкон, если учесть, что ей приходилось сражаться за каждую мелочь.

Все это он знал, однако, наткнувшись на сложенный листок на столешнице, жадно вглядывался в корявые строчки, словно пытаясь постичь незнакомца. *Претцели. Колготки. Дантист. Из прачечной забрать вещи миссис Арнольд.*

Нет, не то. Не то.

В три часа из школы возвращался Александр, открыв дверь ключом, который на шнурке носил на шее.

— Мэйкон? — опасливо спрашивал он. — Это ты там?

Александр боялся грабителей.

— Я, — отвечал Мэйкон.

Эдвард вскакивал и бежал за мячиком.

— Как прошел день? — неизменно интересовался Мэйкон.

— Нормально.

Тем не менее складывалось впечатление, что в школе не все так гладко. Александр приходил весь какой-то скукоженный, стекла очков его были густо залапаны. Он смахивал на домашнее сочинение, многажды исправленное и переписанное. А вот одежда его была столь же опрятной, как и утром. Ох уж эта одежда! Чистенькая рубашка поло в сдержанную коричневую полоску, в цвет ей коричневые брюки, в поясе топорщившиеся под толстым кожаным ремнем. Сияющие коричневые ботинки. Ослепительно белые носки. Они там вообще не играют, что ли? У них перемены-то бывают?

Мэйкон давал Александру молока с печеньем — заморить червячка (днем Александр пил молоко безропотно), затем помогал с уроками. Задания были наипростейшие — арифметические примеры и ответы на вопросы. «Зачем Джо понадобился десятицентовик? Где был его папа?»

— Э-э… — мямлил Александр. На виске его пульсировала жилка.

Мэйкон считал его не тупым, но ограниченным. Зажатым. Даже походка его была скованной. Даже улыбка не осмеливалась пересечь невидимые границы, проходившие по центру лица. Вот и теперь он не улыбался. Но морщил лоб и боязливо косился на Мэйкона.

— Подумай, — говорил тот. — Не спеши.

— Я не знаю! Не знаю я!

— Ты же помнишь Джо, — терпеливо увещевал Мэйкон.

— Ничего я не помню!

Иногда Мэйкон гнул свое, иногда сдавался. Ведь раньше Александр как-то справлялся без его помощи, верно? Имелась удобная отговорка: мальчишка ему не родной. Да, с ним выстроились какие-то путаные отношения, но не было той неразрывной связи, как с Итаном. Всегда можно было отстраниться, махнуть рукой («Ладно, завтра спросишь учителя») и забыть обо всей этой мороке.

«Разница в том, — думал Мэйкон, — что сейчас я свободен от груза ответственности». Мысль эта очень успокаивала.

С работы возвращалась Мюриэл, вместе с ней в дом врывались уличная свежесть и суматоха.

— Ну и холодина! Ну и ветрило! По радио ска-

зали, ночью будет три градуса мороза. Эдвард, сидеть, кому сказано? Кто хочет лимонный торт на десерт? Вот как вышло-то: я делала покупки для миссис Квик, сперва купила простыни для ее дочери, которая выходит замуж, но пришлось сдать их обратно, потому как цвет оказался не тот, дочка хотела чисто белые, я же, говорит, ясно маме сказала… Потом я поехала за выпечкой для девичника, а миссис Квик как увидала лимонный торт, сразу такая: нет, только не лимонный! Он клейкий, у него порошковый вкус! А я такая: не выдумывайте, ничего он не клейкий. Свеженький торт, безе лимонное без всяких консервантов… Короче, забирайте, говорит, себе, угостите сынишку. К вашему сведению, говорю, ему это нельзя, у него, между прочим, аллергия. Но торт взяла.

Она сновала по кухне, собирая ужин, обычно состоявший из сэндвичей с беконом и консервированных овощей, и не роптала, если что-нибудь из утвари вдруг оказывалось на новом месте (дело рук Мэйкона, не устоявшего перед реорганизационным зудом). Пока бекон шипел в сковородке, Мюриэл звонила матери и заново пересказывала только что поведанную историю:

— Но дочь хотела чисто белые… Нет, говорит,

только не лимонный торт, он клейкий…

Если миссис Дуган не могла подойти к телефону (как чаще всего и случалось), Мюриэл говорила с Клэр. У той, похоже, были домашние неприятности.

— Скажи им! — поучала Мюриэл. — Возьми и скажи! Все, скажи, хватит. — Зажав плечом трубку, она доставала из ящика ножи и вилки. — Что за мелочная опека? Не имеет значения, что ты никак не определишься. Мне семнадцать лет, скажи, и не ваше дело, определилась я или еще нет. Я почти что взрослая, вот так и скажи.

Но потом, если миссис Дуган все же подходила к телефону, Мюриэл сама превращалась в ребенка:

— Чем ты так занята, мам? Не можешь сказать пару слов дочери, потому что по радио передают твою любимую мелодию? «Тема Лары» тебе дороже родной плоти и крови?

Наконец Мюриэл вешала трубку, но сосредоточиться на ужине ей редко когда удавалось. То заглянет подруга, молодая толстуха Бернис, служившая в энергетической компании, — усядется и смотрит всем в рот. То в кухонную дверь постучат соседки и прутся прямиком к столу:

— Мюриэл, у тебя случайно не завалялся купон

на лечебные чулки? Ты вон какая молодая да стройная, они ж тебе без надобности.

— Мюриэл, в субботу утром мне к зубному, ты меня не подбросишь?

Женщина с собственной машиной здесь была в диковину, и вся улица прекрасно знала о договоренности с механиком. По воскресеньям, когда машиной весь день владел Доминик, никто не беспокоил Мюриэл просьбами, но в понедельник уже с утра выстраивалась очередь:

— Доктор велел подъехать и показать мою…

— Я обещала свозить деток…

Если Мюриэл была занята, Мэйкона ни о чем не просили. Он все еще считался чужаком, его окидывали быстрым взглядом, но потом делали вид, как будто его вообще нет в комнате. Даже Бернис его стеснялась и избегала называть по имени.

Все расходились по домам, когда по телевизору начинался лотерейный тираж. Мэйкон обнаружил, что здешнюю жизнь регламентировала телепрограмма. Новости еще могли пропустить, но розыгрыш лотереи, «Вечерний журнал» и следующие за ним развлекательные шоу — никогда. Александр смотрел эти программы, а вот Мюриэл — нет, хотя уверяла, что смотрит. Сидя перед телевизором, она болтала, или красила ногти,

или читала какую-нибудь статью.

— Надо же! «Как увеличить свой бюст».

— Тебе не надо увеличивать бюст, — отзывался Мэйкон.

— «Роскошные густые ресницы всего за шестьдесят дней».

— Тебе не нужны густые ресницы.

Мэйкона абсолютно все устраивало. Жизнь его как будто зависла в полной статике.

Потом он выводил Эдварда на последнюю прогулку. Ему нравился вечерний вид окрестностей. Матово-перламутровое небо, слишком светлое для звезд, темные размытые контуры домов. Из окон чуть слышно доносились музыка, ружейная пальба, лошадиное ржанье. Мэйкон смотрел на окно Александровой спальни и видел Мюриэл, стелившую постель, — четкий изящный силуэт, словно вырезанный из черной бумаги.

В среду с утра и до самого вечера валил густой снег. Крупные хлопья, похожие на белые вязаные рукавички, укрыли грязную наледь, смягчили резкие очертания улицы и нарядили урны в круглые шапки. Домохозяйки, ежечасно обметавшие ступени крыльца, не могли угнаться за метелью и к вечеру, сдавшись, засели в домах. Ночью город казался сиреневым. Стояла мертвая тишина.

Наутро Мэйкон проснулся поздно. Мюриэл рядом не было, только играло радио на ее тумбочке. Диктор устало извещал, что школы и фабрики закрыты, доставка горячей пищи престарелым и инвалидам приостановлена. Впечатляло количество дел, запланированных именно на сегодня: обеды, лекции, митинги протеста. Надо же, какая энергия, какая живость! Мэйкон даже слегка возгордился, хотя не собирался участвовать ни в одном из перечисленных мероприятий.

Тут до него дошло, что снизу доносятся голоса. Значит, Александр уже проснулся, а он еще здесь, застрял в спальне Мюриэл.

Мэйкон поспешно оделся и, убедившись, что горизонт чист, проскочил в ванную. Потом, стараясь не скрипеть половицами, спустился по лестнице. Из-за снежного покрова в гостиной было необычно светло. На разложенном диване высился ворох простыней и одеял — уже несколько дней тут ночевала Клэр. Мэйкон пошел на голоса, доносившиеся из кухни. Александр ел оладьи, которые пекла Клэр, Мюриэл, как всегда по утрам, хмурая, горбилась над чашкой кофе. На пороге черного хода Бернис обивала снег с ног.

— И вот, значит, мама спрашивает: что это за парень тебя подвез? — рассказывала ей Клэр. —

Это не парень, говорю, это Джози Тэпп с ирокезом. А она мне: думаешь, я поверю твоим вракам? Ну все, говорю, хватит! Допросы! Комендантский час! Подозрения! Сажусь в автобус и еду сюда.

— Предки боятся, ты пойдешь по стопам Мюриэл, — откликнулась Бернис.

— С Джози Тэппом? Боже ты мой!

Все посмотрели на Мэйкона.

— Привет, — сказала Клэр. — Оладьи будешь?

— Нет, спасибо. Я выпью молока.

— Горячие, вкусные.

— Мэйкон говорит, от сладкого натощак заработаешь язву. — Мюриэл баюкала чашку в ладонях.

— А вот я не откажусь. — Бернис прошла к столу и выдвинула стул. Эдвард облизывал снежные ошметки, отвалившиеся с ее подошв. — Александр, будем лепить снеговика. Снегу навалило фута на четыре.

— Улицы-то расчистили? — спросил Мэйкон.

— Смеетесь, что ли?

— Даже газету не смогли доставить, — сказал Александр. — А Эдвард чуть не свихнулся — не понимал, куда ему идти.

— На улицах полно брошенных машин, — сообщила Бернис. — По радио сказали, вообще никто

никуда не выходит.

Не успела она договорить, как Эдвард залаял и бросился к двери черного хода. Там маячила чья-то фигура.

— Это еще кто? — удивилась Бернис.

Мюриэл притопнула, Эдвард лег, но тявкать не перестал. Мэйкон открыл дверь и нос к носу столкнулся с Чарлзом, в шапке с козырьком и ушами смахивавшим на побродяжку.

— Чарлз? — опешил Мэйкон. — Каким ветром?

Чарлз вошел в кухню, привнеся обнадеживающий аромат свежего снега. Гавканье сменилось радостным визгом.

— Я за тобой, — сказал он. — Дозвониться до тебя невозможно.

— Зачем я тебе понадобился?

— Позвонил твой сосед, Гарнер Болт, сказал, в твоем доме лопнули трубы или еще что-то, все залито водой. Я с утра тебе названивал, но телефон постоянно занят.

— Это я сняла трубку, чтоб предки меня не доставали. — Клэр поставила блюдо с оладьями на стол.

— Клэр, сестра Мюриэл, — представил ее Мэйкон. — Это Александр, а это Бернис Тилгман. Мой брат Чарлз.

Чарлз как будто растерялся.

Немудрено, компания выглядела странно. Клэр, не изменявшая своим вкусам, была в розовом купальном халате поверх истертых джинсов, заправленных в высокие сапоги с бахромой и на шнуровке. Бернис мало чем отличалась от лесоруба. Александр сидел аккуратным паинькой, но облегающий шелковый халат Мюриэл был на грани приличия. Кроме того, из-за тесноты казалось, что в кухне толпа народу. Да еще Клэр размахивала лопаткой, брызгая жиром.

— Хотите оладий, Чарлз? — спросила она. — Апельсиновый сок? Кофе?

— Нет, спасибо. Мне уже надо…

— Я знаю, вы хотите молока. — Мюриэл встала, не забыв, слава богу, запахнуть халат. — И наверняка не употребляете сладкое натощак.

— Нет, я вправду…

— Делов-то! — Она достала упаковку из холодильника. — Кстати, как вы сюда добрались?

— На машине.

— Я думала, дороги завалены снегом.

— Ничего, проехать можно, — сказал Чарлз, принимая стакан молока. — Труднее было отыскать ваш дом. — Он посмотрел на Мэйкона: — Я глянул карту, но, видимо, спился.

— Что-что? — не поняла Мюриэл.

— Сбился он, — пояснил Мэйкон. — А что конкретно сказал Гарнер?

— Он увидел, что окно гостиной все в каплях изнутри. Заглянул — с потолка льется вода. Говорит, так уже, наверное, давно. Помнишь, на Рождество ударил мороз?

— М-да, скверно, — сказал Мэйкон и пошел за пальто.

Когда он вернулся, Мюриэл уговаривала Чарлза:

— Может, отведаете оладий? Теперь уже будет не натощак.

— Я штук шесть умяла, — поделилась Бернис. — Не зря меня кличут толстозадой.

— Я… э-э… — Чарлз беспомощно взглянул на брата.

— Нам надо ехать, — сказал Мэйкон. — Машина у черного хода?

— Нет, у парадного. Там звонок не работает, поэтому я обошел вокруг. — В голосе Чарлза слышался сдержанный упрек.

— Конечно, дом-то — развалина, — направляясь к выходу, беспечно ответил Мэйкон. Он как будто хвастал — мол, тут я свой, могу так говорить.

Снегу намело столько, что дверь открылась с трудом, а крыльцо исчезло под сугробом, по которому братья буквально съехали, надеясь избежать ушибов. Под солнцем искрился белый покров. Мэйкон мгновенно набрал снегу в ботинки, вначале это даже как-то взбодрило, но очень скоро от холода заломило ступни.

— Наверное, лучше поехать на двух машинах, — сказал Мэйкон.

— Почему это?

— Тогда не придется отвозить меня обратно.

— Нет, лучше ехать в одной машине — будет кому толкать, если вдруг застрянем.

— Ну поехали на моей.

— Моя-то уже обметена.

— Но тогда я заброшу тебя домой, избавлю от лишней ездки.

— А моя машина, значит, пусть кукует на Синглтон-стрит?

— Перегоним ее, когда расчистят дороги.

— Но моя-то уже прогрета!

Неужели они всю жизнь вот так вот? Мэйкон рассмеялся, но Чарлз напряженно ждал ответа.

— Ладно, едем на твоей, — сказал Мэйкон. Они сели в «фольксваген» Чарлза.

Брошенных машин и впрямь было много. Там

и сям высились безликие белые курганы, улица напоминала реку с дрейфующими лодками, меж которыми ловко лавировал Чарлз. Он ехал медленно и рассказывал о Розиной свадьбе:

— Апрель, говорим мы, уж очень ненадежный месяц. Погоди маленько, коль тебе угодно венчаться на свежем воздухе. Но она уперлась — нет, рискну, я уверена, погода не подведет.

Заснеженный джип перед ними (других машин на ходу так и не встретилось) вдруг заскользил вбок. По широкой дуге Чарлз плавно его объехал.

— Где они собираются жить? — спросил Мэйкон.

— Наверное, у Джулиана.

— В его холостяцком доме?

— Нет, он уже переехал, снял квартиру рядом с отелем «Бельведер».

— Понятно, — сказал Мэйкон, хотя не мог представить Розу в любой квартире. Она вписывалась только в дедовский дом с его лепниной и тяжелыми драпировками на окнах.

Город откапывался: народ рыл траншеи к припаркованным машинам, скреб ветровые стекла, расчищал тротуары. В этом было что-то праздничное, люди перекликались, махали друг другу.

Один человек расчистил не только дорожку к дому, но и кусок тротуара и теперь на мокром бетоне отбивал беззвучную чечетку. Заметив Чарлза и Мэйкона, он остановился и крикнул:

— Вы чокнулись, что ли? Разъезжать вздумали!

— Надо признать, ты удивительно спокойно воспринимаешь ситуацию, — сказал Чарлз.

— Какую ситуацию?

— Ну с домом. С потолка льет бог знает сколько дней.

— Ах это, — сказал Мэйкон. Да, в былые времена он бы очень сильно расстроился.

Взобрались на Норд-Чарлз-стрит, уже расчищенную. Сейчас район показался очень просторным: далеко отстоящие друг от друга дома, между ними широкие покатые лужайки. Прежде Мэйкон не замечал здешнего раздолья. Переулки еще были девственно белы. Когда свернули в его квартал, он увидел девочку на лыжах.

На снежном фоне дом казался слегка грязноватым, но в целом выглядел как обычно. С минуту братья его разглядывали.

— Ну что, пошли, — наконец сказал Мэйкон, и они выбрались из машины.

Через палисадник тянулась цепочка следов,

оставленных Гарнером Болтом, под окном гостиной было натоптано. В ботинках на скользкой подошве Мэйкон с трудом одолел снежную целину тротуара.

Едва открыли дверь, услышали равномерную капель. В гостиной барабанило, как в оранжерее после полива. Чарлз вошел первым и ахнул. Мэйкон замер в прихожей.

Видимо, в верхней маленькой ванной (рядом с бывшей комнатой Итана) прорвало замерзшую трубу. Поди знай, когда это случилось, но вода текла себе и текла и, пропитав штукатурку, низверглась с потолка. В комнате дождило. Отвалившиеся куски штукатурки побелкой осели на мебели, испятнали пол. Под ногами чавкал ковер. Тщательность разрухи, не упустившей ни единой мелочи, просто восхищала: пепельницы, все до одной, заполнены мокрыми хлопьями, журналы, все до одного, промочены насквозь. Обивка кресел воняла плесенью.

— Что будешь делать? — выдохнул Чарлз.

Мэйкон встряхнулся:

— Ну что, перекрою стояк, разумеется.

— С гостиной-то что?

Мэйкон не ответил. Но хотел сказать, что с гостиной… все как надо. И лучше бы ее смыло

вообще. (Он представил дом под толстым слоем воды — неестественно четкий, как замок на дне аквариума.)

В подвале Мэйкон закрутил вентиль, потом проверил бельевой поддон. Сухой. Обычно на зиму он оставлял кран приоткрытым, вода текла тонкой струйкой, и трубы не замерзали. А вот нынче забыл, и братья, приезжавшие включить обогреватель, тоже не сообразили. Мэйкон поднялся в дом.

— Ужас, чистый ужас, — приговаривал Чарлз, хотя бродил по кухне, не пострадавшей от потопа. Он открывал и захлопывал дверцы шкафов. — Кошмар, кошмар.

Мэйкон не понял, о чем это брат причитает.

— Сейчас переобуюсь и поедем, — сказал он.

— Поедем?

Ботинки, наверное, в гардеробе, вспомнил Мэйкон. Он поднялся в спальню. Жутко унылая картина: голый матрас, спальный мешок, пыльное зеркало, старая пожелтевшая газета на тумбочке. Мэйкон порылся на дне платяного шкафа. Вот ботинки, а еще проволочные плечики и какая-то тетрадка. *Дневник садовода, 1976 г.* Мэйкон его пролистал. Сарин убористый почерк: *Первая весенняя стрижка газона. Форсития еще*

цветет. Мэйкон закрыл тетрадку и, разгладив обложку, отложил в сторону.

С ботинками в руке он сошел вниз. В гостиной Чарлз выжимал диванные подушки.

— Брось, — сказал Мэйкон. — Все равно опять намокнут.

— Страховка покроет ущерб?

— Надеюсь.

— Как они это обзовут? Потоп? Стихийное бедствие?

— Не знаю. Поехали.

— Свяжись с нашим мастером, Мэйкон. Помнишь мужика, что чинил нам крыльцо?

— Все равно здесь никто не живет.

Чарлз выпрямился, не выпуская из рук подушку.

— Что это значит? — спросил он.

— Что?

— Хочешь сказать, все так и оставишь?

— Вероятно.

— Пусть все мокнет и гниет? Ничего не сделаешь?

— Ну хватит, — отмахнулся Мэйкон. — Пошли.

Но Чарлз мешкал, оглядывая гостиную:

— Ужас. Даже со штор течет. Сара жутко расстроится.

— Это вряд ли, — сказал Мэйкон.

На крыльце он переобулся в старые жесткие ботинки с металлическими застежками и, заправив в них брюки, зашагал к машине.

Однако Чарлз не спешил запустить мотор. Он повертел ключ в руке и строго взглянул на Мэйкона:

— Я думаю, пора нам поговорить.

— О чем?

— Хотелось бы понять твои отношения с этой дамочкой Мюриэл.

— Ты ее так называешь? Дамочка Мюриэл?

— Никто другой тебе не скажет. Все считают, это их не касается. А я не могу лишь стоять и смотреть. Я должен сказать, что я думаю. Тебе сколько, сорок два? Сорок три уже? А ей… Но главное, это не твой тип женщины.

— Ты же ее не знаешь!

— Я знаю этот тип.

— Пожалуйста, отвези меня домой.

Чарлз разглядывал ключ. Потом завел машину и выехал на улицу, но тему не оставил:

— Она — этакий симптом, Мэйкон. Сейчас ты не в себе, и симптом этого — дамочка Мюриэл. Все так считают.

— Я больше в себе, чем когда бы то ни было, —

сказал Мэйкон.

— Что это за ответ? Вздор какой-то!

— Интересно, кто это — все?

— Ну, Портер, Роза, я…

— Сплошь эксперты.

— Просто мы за тебя беспокоимся.

— Давай сменим тему, а?

— Я должен был сказать, что я думаю.

— Вот и хорошо. Ты сказал.

Но Чарлз, похоже, остался недоволен.

Теперь машина пробиралась через снежную кашу, с крыши по ветровому стеклу сбегали прозрачные ручейки.

— Даже думать не хочется, что вся эта соль сотворит с днищем, — посетовал Мэйкон.

— Я никогда об этом не говорил, но, по-моему, секс слишком переоценивают, — сказал Чарлз.

Мэйкон посмотрел на него.

— Нет, в юности он меня, как всякого, страшно интересовал, — продолжил Чарлз. — То есть я думал о нем с утра до вечера и все такое. Но это была *мечта* о сексе, понимаешь? А в реальности оно как-то… Не подумай, что я противник близости, но я ожидал чего-то другого. Во-первых, штука эта довольно маркая. И потом, уж очень зависит от погоды.

— Как это? — удивился Мэйкон.

— В холод раздеваться не тянет. В жару вы оба противно липкие. А в Балтиморе всегда либо слишком холодно, либо слишком жарко.

— Может, тебе стоит сменить климат? — Мэйкон развеселился. — Как думаешь, кто-нибудь проводил подобные исследования? По городам. Наверное, Джулиан мог бы выпустить такую брошюру.

— Кроме того, зачастую получаются дети, — сказал Чарлз. — А я их не особо люблю. Они все ломают.

— Если весь сыр-бор из-за этого, успокойся. Мюриэл больше не может рожать.

Чарлз кашлянул.

— Приятно слышать, но я не к тому, — сказал он. — Наверное, я пытаюсь сказать, что секс не такая уж ценность, чтобы ради него ломать свою жизнь.

— Да? А кто ломает свою жизнь?

— Мэйкон, согласись, она того не стоит.

— Откуда ты знаешь?

— Ну что в ней такого особенного? Только назови что-нибудь конкретное, не надо соплей типа «она меня ценит, она меня слушает»…

Она смотрит в больничное окно и представля-

ет, что о нас подумают марсиане, хотел сказать Мэйкон. Но Чарлз этого не понял бы, поэтому он сказал другое:

— К твоему сведению, я сам не такой уж подарок. Так сказать, бракованный товар. Если уж на то пошло, кто-нибудь должен остеречь ее от *меня*.

— Неправда. Полная чушь. Знаешь, я представляю, как родичи поздравляют ее с удачным уловом.

— Да с каким уловом!

— Ей нужна опора. Любая, — сказал Чарлз. — И потому ей всякий сгодится. Господи, как она изъясняется! «Делов-то!» Живет в трущобе, одевается как мешочница, а у мальчишки ее явно глисты или…

— Чарлз, заткнись на хрен!

Чарлз смолк.

Они уже въехали в район Мюриэл. Миновали фабрику канцтоваров, ограда которой напоминала спутанные матрасные пружины. Чарлз свернул не туда.

— Ага, где же это… — бормотал он.

Мэйкон не стал подсказывать.

— Я правильно еду? Или нет? Чего-то я как-то…

До Синглтон-стрит было всего два коротких

квартала, но Мэйкон хотел, чтобы Чарлз плутал вечно.

— Желаю удачи, — сказал он, открыл дверцу и выскочил из машины.

— Мэйкон!

Мэйкон махнул рукой и нырнул в проулок.

Свобода! Ослепительно сверкают сугробы, ребятишки съезжают на санках и телевизионных тарелках. Вокруг веселые парни с лопатами. А вот и дом Мюриэл, он все еще в снегу и весь пропах оладьями, в кухне уютно устроилась женская компания. Пьют какао. Бернис заплетает косы Клэр. Александр рисует. Мюриэл чмокнула Мэйкона в щеку и взвизгнула — ой, холодная!

— Иди сюда, грейся, — позвала она. — Выпей какао. Посмотри, что нарисовал Александр. Нравится? Во дает, а? Прям Винчи, да?..

— Леонардо, — поправил Мэйкон.

— А?

— Надо говорить «Леонардо», боже ты мой!

Он пошел наверх переодеться в сухое.

Глава пятнадцатая

— Извините, что я такой толстый, — сказал сосед.

— О… э-э… мм… — пробормотал Мэйкон.

— Конечно, я вылезаю за границы своего места. Думаете, я этого не понимаю? Всякий раз прошу стюардессу принести удлинитель ремня. Поднос с обедом держу на коленях, потому что столик не может открыться. Мне бы надо покупать два посадочных места, но я не богач. А так купил бы два билета и не стеснял бы соседей.

— Вы меня ничуть не стесняете, — сказал Мэйкон.

Вообще-то он весь извернулся, выставив колени в проход, и сновавшие стюардессы всякий раз юбками перелистывали страницы «Мисс Макинтош». Но отчаяние на пухлом младенческом лице, покрытом испариной, его невольно растрогало.

— Лукас Лумис меня кличут. — Толстяк протянул руку.

— Мэйкон Лири. — Мэйкон пожал ладонь, напоминавшую опару.

— Вот же дурь-то: поездки — моя работа, — ска-

зал Лукас Лумис.

— Даже так?

— Я продаю программное обеспечение. Бывает, летаю шесть раз в неделю.

— Да уж, в самолетах не слишком просторно, — кивнул Мэйкон.

— А вы чем занимаетесь, мистер Лири?

— Пишу путеводители.

— Правда? Какие?

— Для бизнесменов. Наверное, как раз для таких, как вы.

— «Случайный турист»! — воскликнул мистер Лумис.

— Ну да.

— Точно? Угадал? Это ж надо! Вот, гляньте. — Лукас ухватился за лацкан на столь необъятной груди, что руки казались слишком короткими. — Серый костюм. По вашей рекомендации. Сгодится на все случаи жизни. — Он показал на сумку в ногах: — Весь мой багаж. Ручная кладь. Смена белья, чистая рубашка, пачка стирального порошка.

— Что ж, прекрасно, — сказал Мэйкон. Такого с ним еще не бывало.

— Вы мой герой! Вы стопроцентно облегчили мои поездки. Именно вы подсказали, как превратить эластичный бинт в бельевую веревку.

— Да, его найдешь в любой аптеке.

— Я больше не полагаюсь на гостиничные прачечные, отпала нужда слоняться по улицам. Я говорю жене, спросите у нее, если не верите, я ей говорю: со «Случайным туристом», говорю, путешествуешь точно в коконе. Смотри не забудь, говорю, положить его в сумку.

— Очень приятно это слышать, — сказал Мэйкон.

— Бывало, укачу аж в Орегон, но будто не выходил из дома.

— Прекрасно.

Помолчали.

— Знаете, с недавних пор у меня возникли кое-какие сомнения, — сказал Мэйкон.

Мистер Лумис развернулся к нему всем корпусом, словно был в парке с капюшоном.

— Я вот о чем, — продолжил Мэйкон. — Только что я проехал по Западному побережью. Мы обновляем американское издание. Конечно, там я бывал и раньше, Лос-Анджелес и все такое, господи, эти места знакомы с детства, но в Сан-Франциско я оказался впервые. Издатель решил добавить его в путеводитель. Вы бывали в Сан-Франциско?

— Там мы сели в самолет, — напомнил мистер

Лумис.

— Бесспорно, Сан-Франциско… э-э… чудесный город.

Мистер Лумис задумался.

— Конечно, и Балтимор прекрасен, — поспешно сказал Мэйкон. — С ним ничто не сравнится! Но, понимаете, Сан-Франциско поразил… я даже не знаю…

— Сам-то я родился и вырос в Балтиморе, — сказал мистер Лумис. — И ни на что его не променяю.

— Конечно, конечно. Я просто хочу сказать…

— Хоть озолоти меня.

— Совершенно с вами согласен.

— Вы сами-то балтиморец?

— Да, конечно.

— Балтимор — лучший город на свете.

— Спору нет, — сказал Мэйкон.

Но мысленным взором он видел Сан-Франциско, маячивший в дымке, точно Изумрудный город; Сан-Франциско, раскинувшийся на холмах столь высоких и крутых, что на улицах слышна песнь ветра.

Из Балтимора Мэйкон уезжал в промозглый день (самолет рулил по обледенелым дорожкам), а вернулся, хоть отсутствовал совсем недолго,

в весну. Сияло солнце, зазеленели деревья. Еще было зябко, но Мэйкон ехал с открытыми окнами. Ветерок пах в точности как игристое «Вувре» — цветочный аромат с оттенком нафталиновых шариков.

На Синглтон-стрит, на пятачках каменистой земли перед подвальными окнами, проклюнулись крокусы. Трепетали половики и постельные покрывала, вывешенные на задних дворах. Объявился целый сонм младенцев, чинно восседавших в колясках, которые катили их мамочки или обе бабушки. Тротуары заполонили старики на раскладных стульях и в инвалидных креслах; на углах кучками стояли, засунув руки в карманы, мужчины в нарочито небрежных позах — видимо, безработные, выбравшиеся из сумрачных гостиных, где всю зиму просидели перед телевизором. Слышались обрывки их разговоров:

— Как оно ничего, старина?

— Помаленьку.

— Что поделываешь?

— Да ничего особенного.

Перед домом Мюриэл Доминик Сэддлер копался в ее машине. Из-под открытого капота торчали ноги в огромных рваных кроссовках и

джинсах с ремнем из воловьей кожи, над которым виднелась полоса голой плоти. Рядом стояли двойняшки Батлер, трещавшие как пулемет:

— Вы, говорит, наказаны…

— До пятницы из дома ни шагу…

— Забрала наши липовые удостоверения…

— Не подпускает к телефону…

— Мы уходим к себе наверх да как хлопнем дверью — типа, вот что мы о тебе думаем…

— А она заявляется с отверткой и снимает дверь с петель!

— Хм! — откликнулся Доминик.

Мэйкон поставил сумку на крыло и заглянул в моторный отсек:

— Опять барахлит?

— Привет, Мэйкон, — хором сказали двойняшки, а Доминик, смуглый симпатичный парень с литыми мускулами, заставлявшими Мэйкона чувствовать себя ущербным, выпрямился и ладонью отер лоб:

— Все время глохнет, зараза.

— А как Мюриэл добралась на работу?

— Пришлось автобусом.

Мэйкон надеялся услышать, что она осталась дома.

Он взошел на крыльцо и отпер входную дверь.

Эдвард встретил его визгом и кульбитами, лишь на секунду замирая, чтобы дать себя погладить. Мэйкон прошел по дому. Все его обитатели утром явно спешили. Диван разложен (видимо, Клэр опять повздорила с родителями). На кухонном столе грязная посуда, никто не убрал сливки в холодильник. Убрал Мэйкон. Потом он отнес дорожную сумку в спальню. Кровать не застелена, халат Мюриэл брошен на спинку стула, на комоде блюдце для шпилек, в нем катыш волос. Двумя пальцами Мэйкон его прихватил и выбросил в мусорную корзину. Уже не в первый раз пришла мысль: мир четко поделен пополам на чистюль и нерях и все жизненные события объясняются их несходством. Однако Мэйкон не смог бы, хоть убей, объяснить, почему его так растрогало тонкое одеяло, сползшее на пол, когда утром Мюриэл соскочила с кровати.

Еще оставалось время до прихода Александра из школы, и Мэйкон решил прогулять собаку. Пристегнув Эдварда к поводку, он вышел из дома. Двойняшки Батлер вновь пропели свое всегдашнее «Привет, Мэйкон», Доминик, чертыхаясь, орудовал гаечным ключом.

На углу мужчины обсуждали слух о работе в Техасе. Чей-то шурин нашел там работу. Мэйкон

пригнул голову, чувствуя себя незаслуженно привилегированным. Он перепрыгнул через дверной коврик, выстиранный и теперь сохший на тротуаре. Здешние женщины, заметил Мэйкон, серьезно относились к весенней уборке: высунувшись из окон, они вытряхивали швабры и, встав на подоконники, смятыми газетами драили стекла; от дома к дому сновали с одолженными пылесосами, механическими щетками и бутылями со средством для мытья обивки. Мэйкон обогнул квартал и направился домой, сделав остановку возле молодого клена, на который Эдвард задрал лапу.

На подходе к Синглтон-стрит они вдруг увидели Александра. Эту зажатую фигурку с неуклюжим рюкзаком ни с кем не спутаешь.

— Подождите! — кричал Александр соседским ребятам, ушедшим вперед. — Подождите меня!

Бадди и Сисси Эббетт обернулись и что-то крикнули в ответ. Слов Мэйкон не разобрал, но прекрасно расслышал насмешливый тон — бе-бе-бе-бе-бе! Александр побежал к ним, путаясь в собственных ногах. Два мальчика постарше и рыжая девочка, шедшие позади него, заулюлюкали. Александр оглянулся. Лицо его казалось ужасно маленьким. Мэйкон отстегнул поводок Эдварда:

— Гуляй!

Дважды просить не пришлось. Едва услышав голос Александра, пес навострил уши, а теперь залаял и пулей рванул к мальчику. Улюлюкавшая троица кинулась врассыпную. Александр присел на корточки и обнял подлетевшего пса. Подошел Мэйкон.

— Все в порядке? — спросил он.

Александр кивнул и поднялся.

— Что это было?

— Так, ничего, — сказал Александр.

Они пошли к дому, и он взял Мэйкона за руку.

Холодные пальчики неповторимого маленького человека. Мэйкон сжал их в ладони, и его окатило сладкой грустью. В жизнь его вернулись все прежние страхи. Опять надо бояться атомной войны, тревожиться о будущем планеты. Теперь его часто посещала та виноватая, затаенная мысль, что впервые явилась после рождения Итана: *отныне я уже не изведаю полного счастья*.

Впрочем, он и раньше его не изведал.

Американский путеводитель выходил в пяти отдельных книжках, разбитых по географическим зонам, но собранных вместе в одной упаковке: покупай все, даже если нужна только одна. Мэйкон считал это непорядочным. О чем и

заявил Джулиану, явившемуся за материалами по Западному побережью.

— Что тут непорядочного? — спросил Джулиан, но Мэйкон видел, что он занят совсем другим: мысленно делает пометки о домашнем укладе Мюриэл, что, конечно, и было истинной целью его неожиданного и не обязательного визита. Он уже получил материалы, но рассеянно бродил по гостиной: сперва изучил обрамленную фотографию Александра, затем обшитый бисером мокасин Клэр, оставленный на диване. Была суббота, все прочие обитатели дома сидели в кухне, но Мэйкон отнюдь не собирался знакомить их с Джулианом.

— Непорядочно заставлять человека покупать то, что он не хочет покупать, — сказал Мэйкон. — Если ему нужен только Средний Запад, незачем всучивать еще и Новую Англию.

— Я слышу голос твоей подруги? — спросил Джулиан. — Это Мюриэл?

— Да, вроде бы.

— Ты нас не познакомишь?

— Она занята.

— Я бы очень хотел ее увидеть.

— Зачем? Роза не представила тебе полный отчет?

— Мэйкон, скоро мы станем родственниками.

— О господи.

— Вполне естественно, что я хочу с ней познакомиться.

Мэйкон молчал.

— И потом, я хотел пригласить ее на свадьбу.

— Правда?

— Могу я с ней поговорить?

— Ну ладно. Попробуй.

Мэйкон провел Джулиана в кухню. Он понял, что совершил ошибку — заартачился и придал ситуации чрезмерную важность. Но Джулиан был, как всегда, оживлен и бесцеремонен.

— Здравствуйте, дамы, — сказал он.

Мюриэл, Клэр и Бернис, склонившиеся над кучей бумажных листков, подняли головы. Мэйкон скороговоркой их представил, а на Джулиане запнулся:

— Джулиан… э-э… мой…

— Будущий зять, — подсказал Джулиан.

— Мой начальник.

— Я пришел пригласить вас на свадьбу, Мюриэл, — сказал Джулиан. — Вас и вашего мальчика, если… А где он, кстати?

— Гуляет с собакой, — ответила Мюриэл. — Но в церкви ему нездоровится.

— Церемония на открытом воздухе.

— Ну тогда, наверное… я даже не знаю…

Мюриэл была в своем так называемом наряде десантника: комбинезон, купленный на распродаже, и шелковый тюрбан с диким узором. Щеку ее пересекал след шариковой ручки.

— Мы участвуем в конкурсе «Сочини песню в стиле кантри и выиграй поездку на двоих в Нэшвилл», — сообщила Мюриэл. — Вот, все вместе трудимся. Песня будет называться «Счастливые деньки».

— По-моему, такая песня уже есть?

— Надеюсь, еще нет. Вы видели в журналах фото всяких пар? «Мик Джаггер и Бьянка в их счастливые дни», «Ричард Бартон и Лиз Тэйлор в их…»

— Да, я понял.

— Ну вот, мужчина рассказывает о своей бывшей жене. *Она была иной, нет спору…* — пропела Мюриэл пронзительным фальцетом, скрипучим, как заезженная пластинка, и уверенно закончила куплет:

Когда под дождем мы друг друга любили И всякую боль на двоих мы делили В ту былую счастливую пору.

— Впечатляет, — сказал Джулиан. — Вот только

«боль на двоих» немного смущает.

— А что здесь не так?

— Какая же боль в счастливые-то деньки?

— А ведь и правда, — сказала Бернис.

— Молили, валили, долбили… — рифмовал Джулиан. — На тачке бешено катили… и косячок на двоих мы смолили…

— Слушай, хватит, — вмешался Мэйкон.

— А копы кайф нам перебили… и мы тогда в лесок свалили…

— Помедленнее! — Бернис лихорадочно записывала.

— Кажется, у меня открылся поэтический талант, — сказал Джулиан.

— Пойдем я тебя провожу. — Мэйкон потянул его за рукав.

— И клятву кровью мы скрепили… от страсти пьяные мы были… — бормотал Джулиан, следуя за Мэйконом в гостиную. — Не забудьте про свадьбу! — обернувшись, крикнул он. — Если она победит, ты сможешь задаром отработать Нэшвилл для следующего путеводителя.

— Я думаю, она поедет с Бернис, — сказал Мэйкон.

— И шампанского мы от души накатили… — прикидывал Джулиан.

— Я с тобой свяжусь, как только займусь Канадой.

— Какой еще Канадой? Ты на свадьбу-то придешь?

— А, ну да, конечно. — Мэйкон открыл дверь.

— Погоди. Что за спешка? Я хочу кое-что тебе показать. — Джулиан отложил материалы по Западному побережью и, порывшись в карманах, достал глянцевый рекламный проспект: — Вот, Гавайи.

— По-моему, нет смысла отрабатывать…

— Да это не тебе, это мне. Наше свадебное путешествие. С Розой.

— А, понятно.

— Посмотри. — Джулиан развернул проспект, оказавшийся одной из тех бесполезных карт, которые Мэйкон терпеть не мог: причудливые изображения непомерно больших ананасов, пальм и танцоров, на изумрудно-зеленых островах отплясывающих хулу. — Это мне дали в «Корпорации путешественников». Ты о них не слышал? Надежная фирма? Предлагают отель где-то здесь… — Он поводил пальцем по карте, отыскивая место.

— Я совсем ничего не знаю о Гавайях, — сказал Мэйкон.

— Где же он… — Видимо, Джулиан все же его услышал, потому что прекратил поиски и свернул карту. — Наверное, она именно то, что тебе нужно.

— Не понял?

— Я об этой дамочке Мюриэл.

— Да что вы все называете ее…

— Очень неплохой вариант. По-моему, родные не понимают твоих чувств.

— Нет. Абсолютно не понимают. — Мэйкон удивился, ибо меньше всего ожидал понимания от Джулиана.

Однако на прощанье тот выдал:

— И пир на весь мир мы с ней закатили…

Мэйкон хлопнул дверью.

Он решил приодеть Александра.

— Что ты скажешь о джинсах? — спросил он. — Не хочешь ли ковбойку? И кожаный ремень с надписью «Пиво “Будвайзер”» на пряжке?

— Правда?

— Ты будешь ходить в таком наряде?

— Да! Буду! Обещаю!

— Ну пошли в магазин.

— А мама пойдет?

— Мы сделаем ей сюрприз.

Александр оделся по-весеннему — в темно-си-

нюю куртку из полиэстера, за которую Мюриэл выложила немалую сумму. Мэйкон не знал, как она воспримет джинсы, и потому дождался, когда Мюриэл отбудет покупать шторы для клиентки из района Гилфорд.

Они поехали в «Вестерн-одежду», куда Мэйкон часто возил Итана. Магазин ничуть не изменился: все так же поскрипывали половицы, в проходах все так же пахло кожей и новой джинсой. Мэйкон привел Александра в отдел мальчиковой одежды, крутанул вертящуюся стойку с рубашками. Сколько раз он это уже делал? Сердце не щемило. Просто казалось странным, что вопреки всему все осталось прежним. Джинсы для школьников все так же были сложены в стопки с указанием объема и длины; в витрине все так же лежали заколки для галстуков, украшенные фигурками лошадей. Итан был на том свете, а Мэйкон все так же перебирал рубашки и спрашивал:

— Может, эта? Или та? Или вот эта?

— Вообще-то я хочу футболку, — сказал Александр.

— Футболку. Ага.

— Такую, с растянутым воротом. И джинсы, такие, потертые на заднице.

— Ну над этим ты сам поработаешь. Отфакту-

ришь свои джинсы.

— Я не хочу ходить в новье.

— Значит, так. Все обновки мы раз двадцать простирнем, и лишь потом ты в них облачишься.

— Но не просто сполоснем.

— Ни в коем случае.

— Только ботаники ходят в прополощенном.

— Согласен.

Александр умышленно выбрал великоватые футболки, несколько джинсов, поскольку не знал своего точного размера, и отправился в примерочную кабинку.

— Тебе помочь? — спросил Мэйкон.

— Сам справлюсь.

— Ну ладно.

И это было знакомо.

Александр скрылся в кабинке, а Мэйкон прогулялся в отдел мужской одежды. Примерил и тотчас сдернул кожаный «стетсон». Вернулся к кабинке:

— Александр?

— Чего?

— Как дела?

— Нормально.

В прогале под дверцей виднелись Александро-

вы ботинки и обшлага брюк. Значит, парень еще не удосужился надеть джинсы.

— Мэйкон? — раздался чей-то голос.

Мэйкон обернулся: стриженная «под пажа» блондинка в тесной юбке с узором из маленьких синих китов.

— Да, — сказал он.

— Я Лорел Кэнфилд, мама Скотта. Вы меня помните?

— Да, конечно. — Мэйкон протянул ей руку. Теперь он заметил и Скотта, одноклассника Итана, высоченный неуклюжий парень с охапкой спортивных носков переминался позади матери. — Рад тебя видеть, Скотт.

Парень зарделся и промолчал.

— И мы вам рады, — сказала Лорел Кэнфилд. — Обновляете весенний гардероб?

— Да так, знаете… — Мэйкон глянул на кабинку. Александровы брюки съехали к лодыжкам. — Помогаю сыну приятеля.

— А мы скупили весь товар в отделе носков.

— Да, вижу.

— Запаса носков Скотту хватает всего на неделю, вы же знаете, какие они в этом возрасте… — Лорел испуганно осеклась. — То есть… в смысле…

— Да уж, на них не напасешься, — сказал Мэйкон. Ему было неловко за нее, и сперва он даже обрадовался, увидев за ее спиной еще одно знакомое лицо. И лишь потом сообразил, кто это. Его теща. — Ох ты! — И как теперь к ней обращаться? Мама Сайди или миссис Сайди? Поди знай.

К счастью, Лорел Кэнфилд была с ней знакома.

— Ой, Пола Сайди! — воскликнула она. — Мы с вами не виделись с прошлогоднего чемпионата по скачкам.

— Я была в отъезде, — сказала миссис Сайди. Она взглянула на зятя, и веки ее приспустились, точно занавеси. — Здравствуй, Мэйкон.

— Как поживаете? — ответил Мэйкон, разглядывая эту идеально ухоженную даму с голубыми волосами, одетую в отменно сшитые слаксы и водолазку. Раньше он боялся, что к старости Сара тоже превратится в этакую черепаху под панцирем, но сейчас тещина выправка его восхитила. — Чудесно выглядите.

— Благодарю. — Миссис Сайди коснулась прически. — А ты, видимо, обновляешь свой гардероб?

— О, Мэйкон помогает приятелю! — пропела Лорел Кэнфилд, вдруг невероятно оживившись. Мэйкон заподозрил, что она только сейчас вспом-

нила, кем ему доводится миссис Сайди. Лорел посмотрела на кабинку. Под дверцей виднелись Александровы ноги в носках. Затем один носок исчез, вступив в поток синей джинсовой ткани. — Одеть мальчиков такая морока, правда?

— Не ведаю, — сказала миссис Сайди. — У меня их никогда не было. Я пришла за джинсовой юбкой.

— Ой, знаете, вон там предлагают юбки…

— Что за приятель, которому ты помогаешь? — спросила миссис Сайди.

Мэйкон не знал, что ответить. Он глянул на кабинку. Хоть бы Александр остался там навеки! Как объяснить присутствие этого сморчка, этого недоразумения, которое в подметки не годится нормальному мальчишке?

Как назло, именно сейчас Александр и появился.

Великоватая футболка чуть сползла с его плеча, как будто он только что выбрался из кучи-малы, джинсы были подобающе мешковаты. За последние недели лицо его как-то незаметно округлилось, а волосы, которые теперь Мэйкон стриг сам, утратили ежовую колючесть, но обрели густоту и шелковистость.

— Я выгляжу *классно*! — заявил Александр.

Мэйкон посмотрел на собеседниц:

— Вообще-то одевать мальчишек — большое удовольствие.

Глава шестнадцатая

Если спокойно спишь в чужом доме, нет ничего более умиротворяющего, чем шорох дождя. Сквозь сон Мэйкон слышал тихий перестук капель по крыше, слышал, как Мюриэл встала и закрыла окно. На секунду он разлепил веки, и ее стройная размытая фигура в просторной белой сорочке из комиссионки проскользнула перед взором, точно свет фар по потолку. Мюриэл затворила окно, комнату обволокло тишиной, и Мэйкон вновь провалился в сон.

Но утром первой явилась мысль: «Ой-ой-ой, дождь! А ведь нынче Розина свадьба!»

Стараясь не разбудить Мюриэл, Мэйкон встал и глянул в окно. Небо чистое, но тусклое, цвета устричной раковины. Нехороший знак. Чахлый кизил роняет капли со всех веток с набухшими почками. Старый штабель из досочных обрезков на дворе мистера Батлера прибавил в густой серости.

Мэйкон сошел вниз и на цыпочках пробрался через гостиную, где в ворохе одеял похрапывала Клэр. Сварил кофе и по кухонному телефону по-

звонил Розе. Та ответила моментально, словно проснулась давно.

— Свадьба переносится в помещение? — спросил Мэйкон.

— Слишком много гостей, все не войдут.

— Да? А сколько человек вы пригласили?

— Всех знакомых.

— Мать честная!

— Ничего, погода разгуляется.

— Трава-то мокрая!

— Надень галоши, — сказала Роза. И повесила трубку.

С тех пор как сошлась с Джулианом, подумал Мэйкон, она стала беспечной. И дерзкой. И неглубокой.

Насчет погоды Роза оказалась права: к полудню проглянуло бледное солнышко. Мюриэл решила, что можно надеть платье с коротким рукавом, как и задумывалось, и лучше, пожалуй, еще накинуть шаль на плечи. Она хотела, чтобы Александр был в своем костюме-тройке, но тот взбунтовался, а Мэйкон его поддержал.

— Джинсы и белая рубашка, — сказал он. — Лучше некуда.

— Ладно, как скажешь.

Последнее время Мюриэл уступала в том, что

касалось Александра: наконец-то согласилась на кроссовки и перестала надзирать за его диетой. Вопреки ее предсказаниям, у Александра не развилось плоскостопие и он не покрылся жуткой экземой. В худшем случае иногда появлялась легкая сыпь.

Свадьба начиналась в три часа. Около половины третьего они смущенно проследовали к машине Мэйкона. Была суббота, и больше никто из соседей так не вырядился. Мистер Батлер с молотком и мешочком гвоздей стоял на стремянке, Рэйф Дэггет разбирал на части фургон. На тротуаре индианка расстелила лоснившийся от старости ковер, из шланга его облила, а затем приподняла подол сари и стала на нем топтаться, вздымая фонтанчики брызг. Все встречные машины изнывали под тяжким бременем матрасов и мебели для патио, смахивая на муравьев, что спешат домой с поклажей, в четыре раза их крупнее.

— Наверное, я буду шафером, — сказал Мэйкон, выехав со двора.

— Ты ничего не говорил!

— А Чарлз передаст невесту жениху.

— Все, значит, по-настоящему, не абы как, — сказала Мюриэл.

— Роза этого хотела.

— А я бы все сделала по-другому. — Мюриэл обернулась к Александру: — Хватит пинать мое сиденье. Достал уже. — Она села прямо. — Знаешь, как я поступила бы, если б выходила замуж? Никому ничего не сказала бы. Как будто я уж сто лет замужем. Быстренько расписалась бы у мирового и вела бы себя, словно ничего не произошло, словно все как раньше.

— У Розы это впервые, — напомнил Мэйкон.

— Да все равно люди скажут: долго же она собиралась. Я прям слышу, как моя мать это говорит: долго же ты раскачивалась, я уж думала, никогда не соберешься. Вот так она бы и сказала. Если б я вдруг вышла замуж.

Мэйкон остановился на светофоре.

— Если б вдруг надумала выйти, — сказала Мюриэл.

Мэйкон глянул на ее раскрасневшееся лицо и подивился, насколько она привлекательна в этой яркой шали и туфлях-шпильках с узкими блестящими ремешками. Он бы не смог объяснить, почему охваченные ремешками лодыжки так соблазнительны.

Приехали на место, и первой, кого они встретили, была Алиша. Мэйкон как-то не подумал,

что Роза пригласит мать на свадьбу, и когда та открыла входную дверь, то не сразу ее узнал. Да и выглядела она совсем по-другому: волосы выкрашены в темно-красный цвет, длинный белый кафтан, отороченный яркими атласными лентами, левая рука унизана металлическими браслетами, звякнувшими и съехавшими к локтю, когда Алиша обняла сына.

— Мэйкон, дорогой! — сказала она, заглядывая ему за спину. От нее сильно пахнуло гарденией. — А это у нас кто?

— Э-э… позволь представить тебе Мюриэл Притчетт. И ее сына Александра.

— Вот как? — Лицо матери сохраняло вежливый интерес. Видимо, никто ее не просветил (либо она не удосужилась выслушать). — Похоже, здесь я в роли метрдотеля, так что провожу вас к жениху и невесте.

— А что, Роза не прячется?

— Нет. Говорит, было бы глупо проморгать собственную свадьбу. — Алиша направилась в глубину дома. — Мюриэл, вы давно знакомы с Мэйконом?

— Да уж порядочно.

— Он ужасный зануда, — доверительно сообщила Алиша. — Все мои дети зануды. У Лири это

в крови.

— По-моему, он милый, — сказала Мюриэл.

— Ну да, милый. Весь такой славный и хороший. — Алиша как-то странно взглянула на сына и (в своей неизменной манере липнуть к собеседнику) подхватила Мюриэл под руку. Оторочка ее кафтана и шаль Мюриэл почти совпали по цвету. Мэйкона ожгла неприятная мысль: что, если с возрастом он стал выбирать людей под стать матери, словно решив, что у этой глупой, тщеславной и вздорной женщины, видимо, на все есть верный ответ? Нет, неправда. Он отогнал эту мысль. А Мюриэл выскользнула из Алишиной хватки и окликнула сына:

— Александр, ты идешь?

Через двойные двери террасы они вышли на задний двор, где преобладали пастельные тона: Розины старушки в блеклых платьях, там и сям нарциссы в ведрах, цветущая форсития вдоль дорожки. Доктор Грауэр, Розин духовник, пожал руку Мэйкону:

— Так, шафер прибыл.

За священником маячил Джулиан, весь в черном — явно не его цвет. Нос у него шелушился — видимо, яхтенный сезон уже начался. Джулиан сунул Мэйкону золотое кольцо:

— Возьми себе.

На секунду Мэйкон подумал, это подарок, но потом сообразил, что к чему, и спрятал кольцо в карман.

— Даже не верится, что наконец-то у меня будет зять, — сказала Алиша. — А то все одни снохи.

— Невестки, — машинально поправил Мэйкон.

— Нет, снохи.

— Невестки, мама.

— И все они сгинули, — добавила Алиша.

Маленький Мэйкон боялся, что мать учит его неверным словам. «Это называется *вельвет*», — говорила она, застегивая его новое пальтецо, а Мэйкон думал: *так ли*? Какое-то странное слово — *вельвет*. Очень подозрительное. А что, если все другие люди говорят на совсем ином языке? Он недоверчиво разглядывал дурацкие кудряшки и бегающие глаза матери.

Приехали дети Портера; они держались кучкой, следом вышагивала их мамаша Джун. Не странно ли приглашать на свадьбу свою бывшую невестку? Тем более если она раздулась как бочка, ожидая ребенка от нового мужа? Однако Джун ничуть не тушевалась. Она чмокнула Мэйкона в щеку и оценивающе оглядела Мюриэл.

— Дэнни, девочки, познакомьтесь с Алексан-

дром, — сказал Мэйкон, теша себя надеждой, что ребята подружатся, чего, конечно, не случилось. Дети Портера угрюмо покосились на Александра и промолчали, а тот сжал кулаки в карманах.

— Невеста ваша, Джулиан, аж вся светится, — сказала Джун.

— Да, и впрямь, — ответил Джулиан.

Однако Мэйкону сестра показалась напряженной и измученной — так выглядит всякая невеста, но окружающим не хватает духу это признать. Роза была в очень простом белом платье ниже колена, голову ее украшало что-то вроде кружева или сеточки. Она разговаривала с хозяином скобяной лавки. Среди гостей была кассирша из коммерческого банка, где Лири обналичивали чеки, рядом с Чарлзом стоял их семейный дантист. Вспомнилась книжка о приключениях Мэри Поппинс, которую Мэйкон читал Итану, — по ночам торгаши превращались там в совершенно иных людей.

— Не знаю, проводились ли исследования этого феномена, — рассказывал Чарлз дантисту, — но вы не пробовали после чистки отполировать зубы футболкой?

— Э-э…

— Обычной футболкой из чистого хлопка. Я

думаю, вы поразитесь, когда в следующий раз я буду у вас на приеме. Вот какова моя теория…

Мюриэл и Джун обсуждали кесарево сечение. Джулиан спрашивал Алишу, доводилось ли ей путешествовать по Береговому каналу. Миссис Баррет рассказывала почтальону, что «Лири Металс» выпускала лучшие в Балтиморе штампованные жестяные плиты для потолков.

А Сара говорила с Мэйконом о погоде.

— Да, я встревожился, когда ночью полил дождь, — сказал Мэйкон. Или что-то в этом роде…

Он смотрел на Сару. Просто пожирал взглядом ее блестящие локоны, милое круглое лицо, пыльцу пудры на скулах.

— Как поживаешь, Мэйкон? — спросила Сара.

— Хорошо.

— Ты рад этой свадьбе?

— Ну, если Роза рада, и я рад. Хотя не могу избавиться от мысли, что Джулиан… Ты понимаешь.

— Понимаю. Но он лучше, чем кажется. Я думаю, это удачный выбор.

Свет так падал, что глаза ее казались прозрачными до самого донышка. Мэйкон знал это их свойство. Он как будто смотрел в свои глаза, так они были знакомы.

— А ты как поживаешь? — спросил он.

— Прекрасно.

— Вот и славно.

— Я слышала, у тебя кто-то появился, — спокойно сказала Сара.

— Ну, в общем… да…

Она знала, о ком речь, потому что посмотрела на Мюриэл с Александром.

— Роза мне поведала, когда приглашала на свадьбу, — сказала Сара, но больше ничего не добавила.

— А у тебя как?

— Что?

— Кто-нибудь появился?

— Да вроде нет.

Подошла Роза:

— Мы готовы. — Она коснулась их рук, что было совсем не в ее духе. — Мэйкон, я не говорила, что Сара — подружка невесты?

— Нет, — сказал Мэйкон.

Вместе с Сарой он прошел к тюльпанному дереву, где уже стояли Джулиан и доктор Грауэр. Там же высился самодельный алтарь — что-то вроде столика, покрытого скатертью. Мэйкон особо не разглядывал. Он встал рядом со священником и нащупал кольцо в кармане. Сара встала напротив

и серьезно посмотрела ему в глаза.

Все это выглядело очень естественно.

Глава семнадцатая

— Я не рассказывала, но до тебя я встречалась с мужчиной, — сказала Мюриэл.

— Да? И кто это был? — спросил Мэйкон.

— Клиент копировального центра «В два счета». Он пришел отксерить документы на развод, мы разговорились, а потом стали встречаться. Развод его — просто кошмар. Грязная история. Жена ему изменяла. Он говорил, что уже никогда не поверит женщине. Прошла куча времени, прежде чем он остался ночевать, — не мог спать даже в одной комнате с женщиной. Потихоньку я это исправила. Он расслабился. Стал совершенно другим человеком. Переехал ко мне, оплатил все мои долги за лечение Александра. Мы уже подумывали о свадьбе. А потом он встретил стюардессу и через неделю с ней сбежал.

— Понятно, — сказал Мэйкон.

— Ну вот, получается, я его исцелила, чтобы он удрал с другой женщиной.

— М-да.

— Ты же так не поступишь, правда?

— Кто, я?

— Ты не сбежишь? Ты никого не приглядываешь на стороне?

— Господи, Мюриэл, нет, конечно.

— Вдруг ты меня бросишь и вернешься к жене?

— О чем ты?

— А вдруг?

— Не глупи, — сказал Мэйкон.

Мюриэл смотрела встревоженно, склонив голову набок. Точно зверек с яркими умными глазками.

Был вторник, с утра зарядил дождь, и Эдвард, не любивший сырость, уверял, что обойдется без прогулки, но Мэйкон все равно его вывел. Под зонтиком он стоял на заднем дворе и в переулке увидел молодую пару, которая шла очень медленно, как будто не замечая, что насквозь промокла. Худой долговязый парень был в потертых джинсах и мягкой белой рубашке, девушка — в плоской соломенной шляпке с лентами и длинном платье. Они смотрели друг на друга, покачивая сцепленными руками. Потом разъединились, чтобы обойти мотоцикл с коляской. При этом девушка, чуть приподняв подол, сделала танцевальный пируэт, а парень засмеялся, тоже обернулся вокруг себя и снова взял ее за руку.

Наконец Эдвард справил свои дела и кинулся домой. В кухне Мэйкон положил зонтик в раковину и, присев на корточки, старым полотенцем стал вытирать пса. Сначала энергично, потом все медленнее. А затем и вовсе сел на пол и скомкал полотенце, вдыхая жестяной запах мокрой собачьей шерсти.

Когда он спросил Сару, появился ли у нее кто-нибудь, она ответила «Да вроде нет». Что именно она хотела этим сказать?

Дождь перестал. С Эдвардом на поводке они пошли по магазинам. Мюриэл хотела домашние туфли с опушкой.

— Красные. Высокий каблук. Острые носы, — сказала она.

— Зачем такие-то, бог ты мой? — спросил Мэйкон.

— Чтоб в воскресные утра цокать по дому. Только представь! Жалко, я не курю. У Александра аллергия на табачный дым, а то бы я курила.

— В своем золотисто-черном кимоно. — Мэйкон легко представил эту картину.

— Точно.

— По-моему, туфлями с опушкой уже не торгуют.

— В комиссионках торгуют.

— Ну ладно.

С недавних пор Мэйкон и сам полюбил комиссионки. Там в океане пластмассового барахла он отыскал складной плотницкий метр из самшита, хитроумную машинку на колесиках для безотходной нарезки печенья и миниатюрный медный уровень для набора Александровых инструментов.

На улице было тепло и сыро. Миссис Батлер поднимала поникшую герань в импровизированной клумбе — беленной известью автомобильной покрышке. Миссис Патель в кои-то веки сменила яркое сари на неромантические джинсы от Кельвина Кляйна, тесно облегавшие ее формы, и сгоняла лужу с крыльца. А миссис Сэддлер на тротуаре дожидалась, когда откроется скобяная лавка.

— Мюриэл, тебе Доминик случайно не попадался? — спросила она.

— Нет, не видела.

— Он не ночевал дома. Этот парень меня в могилу сведет. — Миссис Сэддлер посмотрела на Мэйкона: — Вообще-то он хороший, но, знаете, баламут. Когда он дома, нет от него покою, топочет своими сапожищами, а как уйдет — точно в воду канет. И сразу в доме так пусто. Только

эхо гуляет.

— Никуда он не денется, — сказала Мюриэл. — Вечером придет за машиной, его очередь.

— Из-за машины этой я скоро умом тронусь. Как где сирена завоет, сразу думаю, не с ним ли чего? Он же гоняет как бешеный! Шалопутных девок катает!

Хозяин уже открыл лавку и теперь опускал маркизы, но миссис Сэддлер так и стояла на тротуаре, рассеянно теребя в руках кошелек.

Перед магазином «Старье» Эдварду приказали ждать. Он обреченно сел, а Мюриэл с Мэйконом вошли внутрь. Мюриэл стала копаться в груде старой разношенной обуви, принявшей форму ног прежних хозяев, потом разулась и влезла в пару серебристых вечерних туфель.

— Что скажешь, Мэйкон? — спросила она.

— По-моему, ты нацеливалась на домашние туфли.

— Но как тебе эти?

— Без них я проживу.

Мэйкон уже истомился в магазине, где торговали только шмотками. Мюриэл бросила туфли обратно в кучу. Потом они зашли в соседний магазин «Гаражная распродажа». Там Мэйкон попытался измыслить применение заржавевшей

железной картотеке, которую раскопал в груде колесных цепей. Может, как-нибудь сгодится для работы над путеводителями? И поспособствует налоговым вычетам? Мюриэл отыскала желто-коричневый чемодан с закругленными углами, смахивавший на недососанную карамельку.

— Стоит взять? — спросила она.

— Ты же хотела домашние туфли.

— Так для путешествий.

— С каких это пор ты путешествуешь?

— Я знаю, куда ты поедешь в следующий раз. — Мюриэл подошла к Мэйкону. Чемодан она держала перед собой, обеими руками ухватившись за его ручку. Сейчас она напоминала девчонку, которая на остановке ждет автобус или, скажем, голосует на шоссе. — И хотела попроситься с тобой.

— В Канаду?

— Нет, после Канады. Во Францию.

Мэйкон отставил картотеку. При упоминании Франции настроение его всегда портилось.

— Джулиан говорил, — напомнила Мюриэл. — Сказал, пора опять сгонять во Францию.

— Ты же знаешь, мне не по карману поездки вдвоем.

Мюриэл вернула чемодан на место, они вышли

на улицу.

— Только в этот раз. — Мюриэл семенила рядом с Мэйконом. — Выйдет не очень дорого.

Мэйкон натянул поводок, призывая Эдварда встать.

— Выйдет втридорога, — сказал он. — Я уже не говорю о том, что ты прогуляешь работу.

— Не прогуляю. Я уволилась.

— Уволилась? — вытаращился Мэйкон.

— Ну да, из «Мяу-Гав». А насчет заказов Джорджу и дрессировки я договорюсь. На время отъезда можно просто…

— Ты уволилась из «Мяу-Гав»?

— А что такого?

Мэйкон не смог бы объяснить, почему ему вдруг стало так тяжко.

— Платили там не особо, — сказала Мюриэл. — А теперь ты покупаешь продукты, помогаешь с квартплатой и прочим, так что в деньгах-то я не нуждаюсь. И потом, эта работа отнимала столько времени, которое я могла бы посвятить тебе и Александру. Я же приходила домой фигурально мертвая от усталости.

Миновали салон красоты, предлагавший «химию», страховое агентство, мастерскую по удалению лакокрасочного покрытия. Эдвард

заинтересованно глянул на толстого кота, на капоте пикапа нежившегося под солнышком.

— Буквально, — сказал Мэйкон.

— А?

— Ты приходила *буквально* мертвая от усталости. Нельзя быть такой небрежной, Мюриэл. И такой расхлябанной. Как ты могла просто взять и уволиться? Как тебе это в голову пришло? И даже не посоветовалась!

— Ой, да ладно тебе переживать из-за ерунды! — сказала Мюриэл.

Они подошли к ее любимой комиссионке — безымянной нише в стене и безалаберному скопищу пыльных шляп в витрине. Мюриэл шагнула к двери, Мэйкон остался на тротуаре.

— Ты не пойдешь? — спросила она.

— Здесь подожду.

— Там же полно всяких штуковин!

Мэйкон промолчал. Мюриэл вздохнула и скрылась за дверью.

С ее уходом как будто тяжелая ноша свалилась с плеч.

Мэйкон присел на корточки, почесал Эдварда за ушами, потом встал и изучил выгоревший предвыборный плакат, словно тот скрывал в себе какую-то важную информацию. Мимо прошли

две негритянки, волоча за собой проволочные тележки с бельем в стирку. «День стоял теплый, вот как нынче, а она вырядилась в толстенную шубу…»

— Мэй-кон!

Он оглянулся на дверь магазина.

— Эй, Мэ-эй-кон!

Красная войлочная кукла-рукавичка широко разевала рот:

— Пожалуйста, не сердись на Мюриэл!

Мэйкон застонал.

— Зайди в этот чудесный магазин, — не отставала кукла.

— По-моему, собаке это не нравится, Мюриэл.

— Тут полно всякой всячины! Клещи, гаечные ключи, рейсшины… Есть бесшумный молоток.

— Что?

— Он не стучит. Можно среди ночи забивать гвозди.

— Послушай…

— А еще лупа, вся в трещинах и царапинах, но когда через нее смотришь на что-нибудь сломанное, оно кажется целехоньким.

— Хватит, Мюриэл.

— Я не Мюриэл, я Варежка-Раззява! — сообщила кукла. — Ты забыл, что Мюриэл нигде не

пропадет? Если захочет, она завтра же найдет себе новую работу. Давай, заходи! Ну заходи же! Тут есть перочинный ножик с собственным точилом.

— О господи ты боже мой!

Не сдержавшись, Мэйкон засмеялся.

И вошел в магазин.

В последующие дни Мюриэл вновь и вновь напоминала о Франции. Она прислала Мэйкону анонимное письмо, наклеив вырезанные из журнала буквы: *Не ЗаБудь кУПИТЬ Билет на самОЛЕт для МюРиэл*. (Предательский журнал с искромсанными страницами так и лежал на кухонном столе.) Потом попросила Мэйкона достать ключи из ее сумочки, и он увидел два цветных квадратика мелованной бумаги, с которых щурилась Мюриэл. Явно фото на паспорт. Мюриэл нарочно оставила их в сумке и внимательно следила за его реакцией. Но Мэйкон лишь выронил ключи в ее ладонь, ни слова не сказав.

Она вызывала восхищение. Такого бойца еще поискать. Однажды поздним вечером они пошли в магазин за продуктами, и на обратном пути дорогу им заступил парень, вынырнувший из темного проулка.

— Гони сюда сумочку, — приказал он Мюриэл.

Грабитель был совсем юнец, но Мэйкон растерялся и окоченел, прижав пакет с продуктами к груди.

— Черта лысого! — ответила Мюриэл и, крутанув сумочку, точно кистень, заехала ею парню в челюсть. Тот схватился за лицо. — Вали домой — или пожалеешь, что на свет появился!

Изумленный пацан смылся мгновенно.

Отдышавшись, Мэйкон выговорил ей за безрассудство:

— Он мог быть вооружен! Могло случиться что угодно! Подростки еще безжалостнее взрослых, в газетах все время об этом пишут.

— Но обошлось ведь, — сказала Мюриэл. — Чего ты так злишься?

Мэйкон и сам не знал. Наверное, он злился на себя. Он даже не попытался ее защитить, не проявил себя сильным рыцарем. Он слишком долго соображал, а вот она ни секунды не раздумывала. И даже ничуть не удивилась. Похоже, в равной степени она готова к встрече с соседкой, бродячей собакой и грабителем. Мэйкону было стыдно и унизительно. А Мюриэл шла и напевала «Большую пеструю птицу», как будто не произошло ничего особенного.

— По-моему, Александра учат скверно, — как-то

раз сказал Мэйкон.

— Да все нормально.

— Сегодня мы с ним покупали молоко и я попросил его посчитать, сколько нам причитается сдачи. Он смотрел на меня как баран на новые ворота. Он даже не слышал о вычитании.

— Мальчик всего лишь во втором классе, — сказала Мюриэл.

— Я думаю, надо перевести его в частную школу.

— Частная школа стоит денег.

— Ну и что? Я оплачу.

Мюриэл перестала переворачивать бекон в сковородке и подняла взгляд:

— Что ты сказал?

— Что?

— О чем ты говоришь, Мэйкон? Хочешь сказать, ты решился?

Мэйкон откашлялся.

— В смысле? — спросил он.

— Александру учиться еще десять лет. Ты хочешь сказать, что все это время будешь рядом?

— Кхм…

— Я не могу по твоему капризу отдать сына в школу, из которой потом его придется забрать.

Мэйкон молчал.

— Скажи мне только одно: ты представляешь, что когда-нибудь мы поженимся? То есть после того как ты оформишь развод.

— Понимаешь, Мюриэл…

— Нет, не представляешь. Ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Сейчас я тебе мила, а через минуту уже нет. То стесняешься появляться со мной на людях, то я — лучшее, что было в твоей жизни.

Мэйкон вылупился. Ему в голову не приходило, что она видит его насквозь.

— Ты думаешь, сможешь так день за днем кантоваться без всяких планов? Может, завтра ты здесь будешь, а может, и нет. Может быть, возьмешь и вернешься к Саре. Да, да! Я все видела на Розиной свадьбе. Не думай, что я не заметила, как вы с Сарой смотрели друг на друга.

— Я только хочу сказать… — начал Мэйкон.

— А я хочу сказать, — перебила Мюриэл, — осторожнее с обещаниями моему сыну. Не надо обещать того, что не собираешься выполнять.

— Да я просто хочу, чтобы он научился вычитать!

Мюриэл не ответила, и последнее слово еще секунду звенело в воздухе. *Вычитать*. Плоский, резкий, пустой звук, от которого испортилось настроение.

Ужинали в гробовом молчании, даже Александр притих и вышел из-за стола, едва расправился с сэндвичем. Потом Мэйкон слонялся по кухне. Мюриэл напустила воды в мойку.

— Давай я буду вытирать, — сказал Мэйкон.

Не говоря ни слова, Мюриэл развернулась и швырнула мокрую губку ему в лицо.

— Ты что? — опешил Мэйкон.

— Уйди! — крикнула Мюриэл. На ресницах ее дрожали слезы, она отвернулась и сунула руки в горячую воду, почти кипяток, исходивший паром.

Мэйкон ретировался. Он прошел в гостиную, где Александр смотрел телевизор. Мальчик молча подвинулся, освобождая ему место на диване. Он явно слышал крик матери и теперь напрягался при всяком звяканье, доносившемся с кухни. Через некоторое время там все стихло. Мэйкон и Александр переглянулись. Тишина, только слышался одинокий бубнящий голос. Мэйкон встал и, мягко ступая, сторожко пошел в кухню, точно кот, спрыгнувший с чьих-то коленей.

По телефону Мюриэл оживленно говорила с матерью, только голос ее чуть-чуть сипел, словно она недавно оправилась от простуды.

— И вот, значит, я спрашиваю, что случилось

с ее собакой, а хозяйка говорит: ничего такого. Я такая: но в чем дело-то? А она мне: да в общем-то ни в чем. Мэм, говорю, но для чего-то вы меня вызвали. Она мнется, мнется, а потом выдает: меня беспокоит, как мой песик ходит. А как он, спрашиваю, ходит? В смысле, говорит, как он ходит по-маленькому. Он присаживается, как девочка, а лапку не поднимает. Погодите, говорю, давайте уточним. То есть вы меня вызвали обучить вашего пса задирать лапу, когда он отливает?

Свободной рукой она жестикулировала, словно мать ее видела. Мэйкон сзади к ней подошел и обнял, Мюриэл к нему привалилась.

— С такими не соскучишься, — сказала она в трубку.

Ночью Мэйкону снилось, что он поехал за границу, но очутился в какой-то мешанине из всех стран, в которых побывал, и даже тех, где никогда не был. В стерильных просторах аэропорта Шарля де Голля чирикали птички, которых он видел в брюссельском терминале. Он вышел на улицу и оказался на Джулиановой зеленой карте Гавайев, где огромные танцоры в национальных одеждах приплясывали на отметках туристических достопримечательностей. В ухо бубнил его собственный голос, бесстрастный и монотонный: *в*

Германии деловой путешественник должен быть пунктуальным, в Швейцарии принято являться за пять минут до назначенной встречи, в Италии опоздание на пару часов никого не удивит…

Мэйкон проснулся. Стояла кромешная тьма, но сквозь открытое окно слышались далекий смех, музыка и приглушенные веселые крики, словно где-то шла какая-то игра. Мэйкон сощурился на радиочасы: половина четвертого. Кто это затеял игру в такой час? Да еще на этой обветшалой печальной улице, где у всех все неладно, где мужчины заняты на беспросветной работе или вовсе ее не имеют, где женщины — толстухи, а дети — оболтусы? Но вот опять кто-то радостно гаркнул, кто-то запел. Мэйкон невольно улыбнулся. Потом обнял Мюриэл, закрыл глаза и до утра спал без сновидений.

В дверь позвонил почтальон, он вручил Мэйкону длинную, трубкой свернутую бандероль.

Разглядывая ярлык, Мэйкон вернулся в гостиную:

— Что это?

Мюриэл читала «Секреты красоты от звезд» в мягкой обложке.

— Открой — и узнаешь, — сказала она.

— Твоя затея?

Мюриэл молча перевернула страницу.

Наверное, очередная просьба о поездке во Францию, подумал Мэйкон. С одного конца распаковав бандероль, он вытряхнул глянцевую бумажную скатку. Развернул: цветная фотография двух щенят в корзинке, сверху надпись: «Витамины для питомцев от доктора Мака», внизу календарь на январь.

— Не понимаю, — сказал Мэйкон.

Мюриэл снова перевернула страницу.

— Зачем ты прислала календарь на этот год, если полгода уже прошло?

— Может, там что-нибудь написано? — сказала Мюриэл.

Мэйкон пролистал февраль, март, апрель. Ничего. Май. А вот июнь. На субботе красными чернилами накорябано: «Свадьба».

— Свадьба? — спросил Мэйкон. — Чья свадьба?

— Может, наша? — откликнулась Мюриэл.

— О господи…

— Будет год, как вы расстались. Можешь получить развод.

— Но, Мюриэл…

— Я всегда мечтала о свадьбе в июне.

— Мюриэл, пойми, я к этому не готов! И вряд ли когда-нибудь подготовлюсь. Я хочу сказать,

супружество — не обыденность, а, скорее, исключение из правил. Может, бывают идеальные супружеские пары, но где они?

— Наверное, ты и Сара, — сказала Мюриэл.

Перед глазами Мэйкона возникло спокойное Сарино лицо, круглое, как маргаритка.

— Да нет… — тихо проговорил он.

— Ты жуткий эгоист! — выкрикнула Мюриэл. — Только о себе и думаешь! Сочиняешь кучу глупых отговорок, чтоб только не выполнить мое единственное желание!

Она отбросила книгу и кинулась наверх.

В кухне мышкой шуршал Александр, готовя себе полдник.

На пороге возникла заплаканная Клэр с чемоданом, из которого торчала защемленная одежда.

— С матерью я больше не общаюсь, — известила она, проходя в дом. — Рассказать, что произошло? У меня, значит, было свидание с парнем, Клодом Макьюэном, но маме я, конечно, ничего не сказала, она же трясется, как бы я не превратилась в Мюриэл, и вот вчера вечером он за мной заехал, я запрыгнула к нему в машину, а мать из окна углядела надпись на бампере — «Эджвуд». Клод учился в тамошней школе, но она решила, что речь об Эджвудском арсенале и кавалер мой, ста-

ло быть, военный. Я, значит, утром просыпаюсь, а мать как с цепи сорвалась, я знаю, орет, чем ты занималась! Всю ночь шлендала с генералом! Чего, говорю, с кем? Но ее же не остановишь, когда она взяла разгон. Ты, вопит, под домашним арестом пожизненно, только попробуй, визжит, с ним встретиться, и я оттащу его в трибунал, где с него сорвут погоны… Тут я вмиг собрала манатки…

Мэйкон слушал рассеянно, поглаживая Эдварда, вздыхавшего у его ног. Он вдруг увидел свою жизнь во всей ее удивительной полноте и богатстве. Хотелось кому-нибудь ее показать. Раскрыть ладонь и спросить: видали?

Нет, показать не кому-нибудь, а Саре.

Роза и Джулиан вернулись из свадебного путешествия и пригласили Мэйкона с Мюриэл на семейный ужин. В подарок хозяйке Мэйкон купил бутылку очень хорошего вина. Мюриэл заметила ее на столешнице:

— Что это?

— Вино для Розы с Джулианом.

Мюриэл посмотрела ценник:

— Тридцать шесть долларов девяносто девять центов!

— Ну да, французское.

— Я не знала, что вино может стоить тридцать

шесть девяносто девять.

— Я подумал, мы в первый раз идем к ним в дом…

— Ты очень заботишься о своей родне.

— Конечно.

— А вот мне ты вина не покупал.

— Я думал, ты его не любишь. Ты говорила, от него зубы ноют.

Мюриэл промолчала.

Позже Мэйкон случайно увидел, что бутылка стоит в другом месте. Открытая. И ополовиненная. Рядом лежала пробка, насаженная на штопор. Матовый стакан источал виноградный запах.

— Мюриэл? — окликнул Мэйкон.

— Что? — отозвалась она из гостиной.

Мэйкон вошел в комнату. Мюриэл и Александр смотрели бейсбол.

— Ты пила вино, которое я купил?

— Да.

— Зачем?

— Ужасно захотелось попробовать. — Мюриэл сузила глаза и выставила подбородок.

Мэйкон понял, что его провоцируют. Он молча взял ключи от машины и поехал за новой бутылкой.

Собираясь на ужин, Мэйкон пребывал в смятении, словно Роза стала чужой. Одевался он дольше обычного, никак не мог выбрать рубашку, а Мюриэл, похоже, затруднялась с выбором платья: одно за другим надевала и снимала, на кровати и рядом с ней уже выросла яркая цветастая гора.

— О господи, да что ж я такая нескладеха! — вздыхала она.

Мэйкон молчал, сосредоточенно завязывая галстук. С фото, воткнутого под рамку зеркала, ему улыбалась малышка Мюриэл. На краю снимка виднелась дата: «Авг. 60». Тысяча девятьсот шестидесятый.

Ей было два года, когда Мэйкон и Сара сговорились о свадьбе.

В гостиной Доминик Сэддлер и Александр сидели на диване.

— Вот, значит, полировочный воск, — говорил Доминик, вертя банку в руках. — Только он годится для полировки тачки. А вот у нас пеленка. Из пеленок выходят самые лучшие тряпки, потому как никакого ворса. Обычно я разом закупаю дюжину в «Сирсе и Робаке». И еще нужна замша, понял? И вот когда всем этим запасся, берешь ящик отменного пивка, подружку и катишь на

водохранилище. На солнышке расположишься, скинешь рубашку и на пару с подругой полируешь. Я не знаю, как еще лучше провести весенний денек.

Видимо, это его вариант сказки на ночь, подумал Мэйкон. Нынче Доминик был нянькой Александра. (Двойняшки Батлер упорхнули на свидания, Клэр встречалась с Генералом — теперь именно так все величали ее ухажера.) В оплату трудов Доминик на неделю получал машину Мюриэл, ибо деньги его не прельстили бы. И вот теперь он уселся рядом с Александром: на коленях пеленка, литые мышцы обтянуты футболкой с надписью БОЕЦ ДЛЯ ДОСУГА, греческая морская фуражка, увенчанная значком металгруппы «Священник Иуда», сдвинута на затылок. Александр был очарован.

По лестнице простучали каблуки — Мюриэл сошла в гостиную и, выгнув шею, посмотрела, не вылезает ли комбинация из-под платья.

— Выгляжу нормально? — спросила она.

— Очень хорошо, — сказал Мэйкон. Он не лукавил, хотя вид ее был необычен. Видимо, образцом послужила Роза: волосы собраны в пучок, прямое серое платье с накладными плечами. Но туфли на шпильке — наверное, в ее гардеробе просто не

было благоразумной школьной обуви в Розином стиле.

— Скажи, если что не так, — попросила Мюриэл. — Если что-нибудь тебе кажется вульгарным.

— Ни капли, — ответил Мэйкон.

Она поцеловала Александра, испачкав его помадой. В прихожей еще раз оглядела себя в зеркале, отдавая последние распоряжения:

— Не засиживайтесь допоздна, Домми, и не разрешай ему смотреть страшное кино перед сном…

— Мюриэл! — поторопил Мэйкон.

— Ох, видок — страх господень!

Всех Лири с детства приучили, что в гости надо приходить минута в минуту к назначенному времени. Частенько они заставали хозяйку еще в бигуди, но железному правилу не изменяли. Поэтому ровно в шесть двадцать семь Мэйкон нажал кнопку домофона и вместе с Мюриэл прошел к лифту, где их догнали Чарлз и Портер. Оба сказали, что рады видеть Мюриэл. В лифте все ехали в угрюмом молчании, уставившись на табло над дверью. Чарлз вез горшок с денежным деревом, Портер тоже купил бутылку вина.

— Как здорово, что мы — их первые гости, — сказала Мюриэл.

— Дома сейчас смотрели бы вечерние новости, — ответил Чарлз.

Мюриэл не нашлась что на это сказать.

Ровно в шесть тридцать они ступили в тихий коридор, устланный кремовым паласом, и позвонили в квартиру. Дверь открыла Роза в бабушкином кружевном переднике.

— Они пришли! — крикнула она Джулиану, прикладываясь щекой к гостям. От нее знакомо пахнуло лавандовым мылом.

А вот обгоревший на солнце нос шелушился незнакомо.

Джулиан, изящно небрежный в синей водолазке и белых брюках (хотя даже День поминовения еще не наступил), смешивал коктейли, Роза хлопотала в кухне. Из гостиной было видно, как она туда-сюда порхает, поскольку ультрасовременная квартира представляла собой анфиладу комнат. Джулиан раздал фотографии из свадебного путешествия. Либо цветная пленка оказалась бракованной, либо Гавайи сильно отличались от Балтимора, ибо там росли синие деревья. На большинстве снимков Роза в новом белом платье без рукавов позировала на фоне клумб и цветущих кустарников; обхватив себя за плечи, она улыбалась так широко, что выглядела старше

своих лет.

— Роза, говорю, все подумают, ты была в свадебном путешествии одна, — сказал Джулиан. — Все время снимал я, потому что она так и не освоила мою камеру.

— Неужели? — удивился Мэйкон.

— Немецкая модель с кучей всяких кнопок.

— И она не смогла в них разобраться?

— Все решат, говорю, меня там вообще не было.

— Да Роза в два счета разберет и соберет любую камеру, — сказал Мэйкон.

— Нет, это немецкая штуковина, там…

— Очень запутанная! — из кухни крикнула Роза.

— Ах вон как. — Мэйкон откинулся в кресле.

Роза вошла в гостиную, поставила поднос на стеклянный журнальный столик и, присев на корточки, стала намазывать крекеры паштетом. Мэйкон подметил в ней перемену: теперь она двигалась изящнее и в то же время как-то застенчиво. Потом Роза всех обнесла угощеньем — сначала Мюриэл, затем братьев и последним Джулиана.

— На Гавайях я училась ходить под парусом, — сказала она, в слове «Гавайях» сделав цезуру между «й» и «я». Мэйкон счел это манерным. —

Теперь буду практиковаться в Заливе.

— Хочет привыкнуть к качке, — сказал Джулиан. — Ее пока что укачивает.

Мэйкон откусил крекер. Паштет показался знакомым — текстура грубоватая, а вкус нежный. Из-за большой добавки масла паштет словно таял во рту. Сарин рецепт. Мэйкон замер, не жуя. Его затопило смесью эстрагона, сливок и домашности.

— Уж я-то, Роза, тебя понимаю, — сказала Мюриэл. — Я только увижу лодку, меня сразу мутит.

Мэйкон сглотнул и уставился в пол. Он ждал, что кто-нибудь ее поправит, но никто не поправил. Стало еще хуже.

— Ты же меня не бросишь, правда? — сказала она в постели. — Не надумаешь уйти? Ты не такой, как другие, да? Обещай, что не бросишь меня.

— Да, да, — сквозь сон пробормотал он.

— У тебя серьезные намерения, правда? Скажи!

— Мюриэл, ради бога…

Потом она уснула и отодвинулась, однако нога его по собственной воле взгромоздилась на ее бедро.

Глава восемнадцатая

Виннипег, провинция Манитоба, гостиничный номер. Когда раздался звонок, Мэйкон не сразу сообразил, что звонит телефон. В тот момент он увлеченно разглядывал загадочный предмет — металлический цилиндр цвета слоновой кости, прикрепленный к стене над кроватью. Мэйкон уже дважды останавливался в этом отеле, но раньше такую штуковину не видел. Он потрогал цилиндр, и тот, провернувшись, скрылся в стене, а вместо него выехала зажженная лампочка. И вот тут зазвонил телефон. На секунду Мэйкон всполошился, решив, что трезвонит цилиндр. Потом увидел телефон на тумбочке. Но смятение не рассосалось. Он никому не сообщал свой номер.

Мэйкон взял трубку:

— Да?

— Мэйкон?

Сердце екнуло.

— Сара?

— Я не вовремя?

— Нет-нет… Как ты меня нашла?

— Джулиан сказал, ты в Торонто либо в Винни-

пеге. Я заглянула в твой путеводитель и узнала, что в отелях, где ты останавливался, по ночам шумно, ну вот…

— Что-нибудь случилось? — спросил Мэйкон.

— Нет, я лишь хотела попросить об одолжении. Ты не против, если я вернусь в наш дом?

— Э-э…

— Временно, — поспешно сказала Сара. — Ненадолго. В конце месяца моя аренда заканчивается, а я не могу найти новую квартиру.

— Но там жуткий кавардак.

— Ничего, я уберусь.

— Нет, я хотел сказать, зимой там прорвало трубы, обвалился потолок…

— Я знаю.

— Откуда?

— Братья твои рассказали.

— Вот как?

— Они не подходили к телефону, и я заехала к ним спросить, где ты сейчас. Роза сказала, она побывала в нашем доме и…

— Ты и к Розе ездила?

— Нет, она была в вашем доме.

— А-а.

— Сейчас она там живет.

— Понятно, — сказал Мэйкон и спохватился: —

Погоди, как это?

— Джун родила и попросила Портера на время забрать детей к себе.

— А Роза тут при чем? Или она думает, Портер не сумеет открыть банку супа? И с чего вдруг Джун отправила детей?

— Ты же ее знаешь, мозги-то куриные. — Вот теперь она стала прежней Сарой. До этого она говорила как будто с опаской, словно готовясь к отказу, но в последней доверительной фразе слышалась ее былая насмешливость. Мэйкон откинулся на подушку. — Говорит, ей нужно время, чтобы наладить связь.

— Какую связь?

— Между ними, родителями, и младенцем.

— Мать честная!

— Когда Роза об этом узнала, она решила пожить у братьев. К тому же она считает, что Портер и Чарлз плохо питаются. Вдобавок в стене появилась трещина, и Роза хочет ее залатать, пока дом не рухнул.

— Что за трещина? — спросил Мэйкон.

— Не знаю, какая-то щелочка в кладке. Роза говорит, в кухне протекает потолок, если дождь идет под определенным углом. Портер и Чарлз хотели заняться ремонтом, но не смогли догово-

риться, как лучше это сделать.

Мэйкон скинул ботинки и забросил ноги на кровать.

— Так Джулиан живет один, что ли?

— Да, Роза носит ему еду в кастрюльках, — сказала Сара и, помолчав, спросила: — Ну, ты подумал?

У Мэйкона опять скакнуло сердце.

— О чем?

— Чтоб я пожила в доме.

— Да нет, я не против, только, боюсь, ты не представляешь степень разрухи.

— Все равно пришлось бы ремонтировать дом, если б мы решили его продать. Я вот что думаю: из денег, что пошли бы на аренду, я оплачу тот ремонт, который не покроет страховка. Так будет справедливо?

— Да, конечно.

— И я могла бы договориться о чистке мягкой мебели.

— Хорошо.

— И ковров.

— Ладно.

Мэйкон уже понял, что Сара к чему-то клонит, распознав отрешенный тон, означавший, что она собирается с духом что-то выложить.

— Кстати, пришли бумаги от адвоката, — сказала Сара.

— Угу.

— Последние формальности. Ты понимаешь. Чтоб я подписала.

— Да.

— Меня, честно говоря, тряхнуло.

Мэйкон молчал.

— То есть я знала, что они придут… Уже почти год… И адвокат позвонил, сказал, что отправил бумаги, но когда я увидела все черным по белому, это так резануло… все так бездушно… Наверное, я была к этому не готова.

Мэйкон почуял приближение опасности, с которой ему не совладать.

— Да, конечно. Вполне естественная реакция. Ну ладно, удачи тебе с домом, Сара, — сказал он и поспешно дал отбой.

В рейсе на Эдмонтон соседкой Мэйкона оказалась женщина, которая боялась летать. Он это понял еще на земле, даже не взглянув на нее. Как всегда обособившись, Мэйкон глазел в окошко, но слышал, как часто сглатывает его соседка, как елозят ее ладони по подлокотникам. Наконец он решил посмотреть на нее. И наткнулся на пару глаз с большими мешками. Обрюзгшая старуха в

цветастом платье сверлила его взглядом и, видимо, мысленно заклинала повернуться к ней.

— Думаете, самолет надежен, — без вопросительной интонации блекло проговорила она.

— Абсолютно надежен, — сказал Мэйкон.

— Тогда зачем все эти надписи. Кислородные маски. Спасательные жилеты. Запасные выходы. Тут явно готовятся к худшему.

— Таковы федеральные правила, — объяснил Мэйкон и, уставившись в спинку переднего кресла, задумался над словом «федеральные». Применимо ли оно в Канаде? — *Официальные* правила, — в конце концов поправился он и вновь взглянул на соседку, проверяя, стала ли фраза понятнее. Оказалось, все это время старуха не сводила с него глаз, а ее посеревшее лицо превратилось в маску отчаяния. Мэйкон забеспокоился. — Не желаете ли стаканчик хереса? — спросил он.

— Напитки подадут лишь после взлета. Но это слишком поздно.

— Минутку, — сказал Мэйкон.

Он раздернул молнию на сумке и достал пластиковую дорожную фляжку, хранившуюся в бритвенном несессере и всегда сопровождавшую его на случай бессонницы. Мэйкон еще ни разу

ею не воспользовался, но не потому, что не случалось бессонных ночей; он приберегал ее для еще худшей ситуации, которая, однако, так и не возникла. Подобно другим чрезвычайным запасам (швейному набору размером со спичечный коробок и крошечной белой таблетке ломотила), фляжка сберегалась для *подлинного* ЧП. Отвинчивая крышку, Мэйкон обнаружил, что изнутри она слегка проржавела.

— Вот тут немного… — пробормотал он. — Наверное, от хереса…

Старуха молчала, только по-прежнему буравила его взглядом. Мэйкон налил хереса в крышку, одновременно служившую стаканчиком. Тем временем самолет, крякнув, тронулся с места. Старуха выпила херес и вернула крышку. Мэйкон понял, что ей не полегчало. Он вновь наполнил стаканчик. Вторую порцию старуха выпила медленнее и откинулась в кресле.

— Теперь лучше? — спросил Мэйкон.

— Меня зовут миссис Дэниел Банн, — сказала старуха.

Мэйкон решил, что так она сообщает о возвращении к своему достойному «я».

— Очень приятно, — сказал он. — Я Мэйкон Лири.

— Я понимаю, это глупо, мистер Лири, но выпивка создает ощущение, будто что-то сделано для овладения ситуацией, не правда ли?

— Абсолютно согласен, — кивнул Мэйкон, хотя не был уверен, что старуха чем-то овладела.

Когда самолет начал разбег, одной рукой она вцепилась в подлокотник, а другой так сжала стаканчик, что побелели костяшки пальцев. Тут вдруг стаканчик выскользнул из ее хватки и взмыл в воздух.

— Опа! — Мэйкон ловко его поймал, завинтил фляжку и спрятал ее в сумку. — Как только взлетим… — начал он, но осекся, глянув на старуху.

Та опять часто сглатывала. Взлетая, самолет задрал нос, и старуха вжалась в кресло. Она как будто расплющилась. Мэйкон испугался, что ее хватит инфаркт.

— Миссис Банн? — окликнул он.

Вместо ответа старуха уткнулась головой ему в плечо. Мэйкон ее обнял.

— Ничего, все хорошо, — приговаривал он. — Ничего.

Самолет еще больше завалился назад. Когда с жутким скрежетом убрали шасси, Мэйкон уловил дрожь, пробежавшую по телу миссис Банн. От ее волос пахло выглаженными салфетками.

Большая и мягкая сгорбленная спина напоминала хребет кита.

Впечатляло, что такой старый человек так неистово хочет жить.

Но вот самолет выровнялся, и старуха немного пришла в себя — отстранилась, смахнула слезки, скопившиеся в подглазных мешках. Брыластое лицо ее было сплошь в складках, однако в растянутых рыхлых мочках доблестно сияли жемчужные серьги-вставки, а на морщинистых, потерявших контур губах ярко рдела помада.

— Вам полегчало? — спросил Мэйкон.

— Да. Тысячу раз извините, — сказала старуха, теребя брошку под горлом.

Когда подъехала тележка с напитками, Мэйкон заказал новую порцию хереса для миссис Банн (настойчиво испросив разрешения ее угостить) и еще одну для себя, хотя выпивать не собирался. Он полагал, что спиртное старухе еще понадобится. И оказался прав, поскольку болтало их изрядно. Надпись «Пристегните ремни» не гасла, а самолет скрипел и подпрыгивал, словно катил по щебенке. Порой его резко кидало вниз, и тогда миссис Банн, вздрогнув, мелкими глотками прихлебывала херес.

— Это пустяки, иногда трясет еще сильнее, —

успокаивал Мэйкон и учил, как приноровиться к болтанке: — Представьте себя на качкой палубе. Или что катаетесь на роликах. Ноги расслаблены. Пригнитесь. Вам понятно? Давайте. Вы справитесь.

Миссис Банн обещала постараться.

Баламутило не только за бортом, но и в салоне происходили всякие казусы. Стоило стюардессе выпустить тележку с напитками, как та от нее уезжала. Поднос миссис Банн дважды ни с того ни с сего свалился к ней на колени. Всякий раз Мэйкон усмехался и качал головой:

— Это ж надо! Да что ж такое!

Миссис Банн неотрывно смотрела на него как на свою последнюю надежду. Самолет в очередной раз подбросило, и дверь в кабину пилотов сама собою открылась.

— Что? Что такое? — вскинулась миссис Банн.

— Теперь вы сами видите, что летчик совершенно спокоен, — сказал Мэйкон. Они сидели близко к кабине и слышали разговор пилотов. Девчонке десять лет, говорил один, а ни капли соображения — с железными брекетами поперлась в сауну. — Или, по-вашему, он встревожен? Вряд ли тот, кто собирается выпрыгнуть с парашютом, станет говорить о зубах.

— С парашютом? — переспросила миссис Банн. — Об этом я как-то не подумала!

Мэйкон рассмеялся.

Вспомнилась его давнишняя самостоятельная поездка, когда зеленым юнцом он выбирал себе колледж. Ошалевший от новообретенной свободы, Мэйкон наврал соседу, что вернулся из Кении, где его отец организует сафари. Точно так же он врал и сейчас, притворяясь веселым снисходительным человеком.

После приземления (во время посадки миссис Банн, хорошо укрепленная хересом, даже не вздрогнула, а затем отбыла со своей великовозрастной дочерью) в Мэйкона с разбегу врезался маленький мальчуган, угодив ему в коленную чашечку, за ним другой, еще и еще один, все такие же маленькие. Видимо, детсадовцев привели на экскурсию по аэропорту. Не в силах свернуть с маршрута, проложенного первопроходцем, малыши один за другим врезались в Мэйкона и уйкали. «Уй! Уй! Уй!» птичьим щебетом пронеслось по цепочке, которая закончилась измученной воспитательницей, схватившейся за щеку.

— Простите, — сказала женщина.

— Ничего страшного, — ответил Мэйкон.

Проходя мимо зеркала, он отметил свою широкую ухмылку и подумал, что, может быть, вовсе не соврал миссис Банн.

— Слесарь говорит, ремонт пустяковый, — сказала Сара. — Все выглядит довольно жутко, но вообще-то лопнула всего одна труба.

— Ну вот и хорошо, — ответил Мэйкон.

На этот раз звонок не удивил, но все равно было как-то странно: гостиничный номер в Эдмонтоне, будний день, Сарин голос в трубке.

— Утром я туда съездила и немного прибралась, — сказала Сара. — Там ужасный беспорядок.

— Беспорядок?

— Почему-то простыни сшиты вместе. В спальне аппарат для попкорна. Ты ел в спальне, что ли?

— Наверное.

Сквозь распахнутое окно открывался удивительно красивый пейзаж: далекие прямоугольные здания на абсолютно ровной шири — точно детские кубики на ковре. В таком антураже трудно вспомнить, почему он ел попкорн в спальне.

— Как там погода? — спросила Сара.

— Пасмурно.

— У нас солнышко и влажно.

— Здесь совсем не влажно. Такая сушь, что дождь испаряется, еще не упав на землю.

— Правда? Тогда как узнаешь, что он идет?

— Его видно в небе. Этакие полосы, которые исчезают на полпути к земле.

— Жаль, не могу это увидеть вместе с тобой, — сказала Сара.

Мэйкон сглотнул.

Глядя в окно, он вдруг вспомнил новорожденного Итана. Тот плакал, если был запеленут не туго. Педиатр объяснил, что младенцы боятся развалиться на части. Тогда Мэйкон не мог этого понять, но сейчас понимал вполне. Он легко представил, как разваливается на части и голова его на бешеной скорости уносится в невероятную зелень здешних просторов.

В Ванкувере она спросила, исчезает ли дождь и там.

— Нет, — ответил он.

— Не исчезает?

— Нет, в Ванкувере он льет.

Как раз сейчас сеял мелкий ночной дождик, слышный, но видимый лишь в конусе света от уличного фонаря. Казалось, сам фонарь истекает светящимися каплями.

— Я переехала в наш дом, — сказала Сара. —

Живу наверху. Мы с кошкой обосновались в спальне. Вниз пробираюсь только за едой.

— Что за кошка? — спросил Мэйкон.

— Хелен.

— Ах да.

— Я забрала ее у Розы. Мне нужно общество. Ты не представляешь, как здесь одиноко.

Вполне представляю, мог бы сказать Мэйкон. Но не сказал.

Он мог бы сказать, что все вернулось на круги своя: он стал ей интересен, лишь когда отдалился. И потому вопрос его не удивил:

— Мэйкон, а ты… Как ее зовут? Ту, с кем ты живешь?

— Мюриэл.

Конечно, ей было известно ее имя.

— Ты думаешь остаться с ней насовсем?

— Пока что не знаю.

Мэйкон отметил, каким странным показалось это имя в старомодном накрахмаленном номере. Мюриэл. Необычное имя. И вдруг как будто незнакомое.

Когда он летел домой, его соседкой оказалась красивая молодая женщина в отменно сшитом костюме. Содержимое своего портфеля она выложила на откидной столик и пальцами с идеально

ухоженными ногтями перебирала бумаги. Потом спросила, не найдется ли у Мэйкона ручка. Это показалось забавным: из-под флера деловой дамы проглянула истинная натура. Мэйкон ответил отказом, поскольку не любил одалживать свою чернильную авторучку. Соседка вроде даже обрадовалась и моментально убрала бумаги в портфель.

— Я была уверена, что умыкнула ручку из последнего отеля, — сказала она. — Выходит, это было в предпоследнем. Знаете, все эти отели перепутались в голове.

— Наверное, вы много путешествуете, — вежливо откликнулся Мэйкон.

— Не то слово! Иногда утром проснусь и только по гостиничной почтовой бумаге понимаю, в каком я городе.

— Ужасно.

— Нет, мне нравится. — Женщина поставила портфель под сиденье. — Только так и расслабляюсь. А дома вся на нервах, не могу усидеть на месте. Я предпочитаю быть… бегущей мишенью, так сказать.

Мэйкон вспомнил давнюю статью о героине: наркотик бесповоротно изменяет обмен веществ — раз попробуешь и, рад не рад, уже не

остановишься.

Он отказался от обеда и напитков, соседка последовала его примеру и, умело соорудив подушку из жакета, заснула. Мэйкон раскрыл «Мисс Макинтош» и уставился на страницу, начинавшуюся словами «ее щетинистые брови, волосы, тронутые сединой…». Он так долго смотрел на них, что слова эти как будто зашевелились, и весь английский язык стал казаться мохнатым и щетинистым. Ожил динамик:

— Дамы и господа, наш самолет приступает к снижению…

Слово «снижение» выглядело новшеством, состряпанным авиакомпаниями.

В Балтиморе автобус-челнок подвез Мэйкона к автостоянке, где он забрал свою машину. Уже спустился вечер, над городом светилось бледное небо. Мэйкон рулил, а перед глазами его все еще стояли слова из «Мисс Макинтош», в ушах звучал вкрадчивый голос стюардессы: *бесплатные напитки… командир корабля просит… поднимите и закрепите столики…* Он хотел включить приемник, но не мог вспомнить, на какую станцию тот настроен. Наверное, на любимую Мюриэл музыку кантри. Из-за этого вдруг накатила усталость, не было сил нажать кнопку, и Мэйкон ехал

в тишине.

На Синглтон-стрит он включил поворотник, но не свернул. Немного погодя поворотник сам собою выключился. По Чарлз-стрит Мэйкон поехал в свой старый район. Там припарковался, заглушил мотор и посмотрел на дом. Нижние окна были темны. Верхние мягко светились. Очевидно, он приехал домой.

Глава девятнадцатая

Сара и Мэйкон решили купить новый диван. На это они отвели субботу, вернее, первую ее половину, поскольку после обеда Сару ждал урок. За завтраком Сара пролистывала мебельный каталог, выискивая отправную точку для окончательного решения.

— Знаешь, я подумываю о чем-нибудь таком цветастом, — сказала она. — У нас никогда не было цветастого дивана. Или это слишком вычурно?

— Не знаю, меня смущает зима, — ответил Мэйкон.

— Почему смущает?

— В смысле, сейчас, в середине июня, цветастый диван вполне уместен, а вот в декабре он будет смотреться странно.

— То есть ты хочешь что-нибудь однотонное.

— Даже не знаю.

— Или, может, в полоску.

— Не уверен.

— Шотландку, я знаю, ты не любишь.

— Не люблю.

— А как насчет твида?

— Тви-и-ид… — протянул Мэйкон.

Сара отдала ему каталог и стала загружать посуду в моечную машину.

Мэйкон рассмотрел картинки: модерновые угловые диваны, уютные диваны в ситцевой обивке, диваны в комбинированных тканях, стилизованные под разные эпохи. Потом с каталогом прошел в гостиную и оглядел место, где встанет диван. Старый диван, безнадежно промокший, и два кресла отправились на помойку. Мэйкон смотрел на голую стену и яркий, заново оштукатуренный потолок. Без мебели комната выглядела прозаично, словно контейнер. Или капсула. Точно, капсула. Мэйкон представил, как в этой капсуле несется сквозь космос.

Пока Сара одевалась, он вывел Эдварда на прогулку. Стояло теплое румяное утро. Соседи подстригали лужайки и пропалывали клумбы. С Мэйконом здоровались. После его довольно долгого отсутствия прежнее радушие исчезло, приветствия были суховаты. Возможно, это лишь казалось, однако Мэйкон старался всем напомнить, что он здешний старожил: «Не устаю любоваться вашими тюльпанами! Гляжу, ваша косилка все еще дышит!» Эдвард вышагивал

рядом, неустанно виляя задом.

В кино и книгах герои, решившиеся на важные перемены в жизни, совершали их одним махом. Они уходили и уже не возвращались или женились и жили счастливо. В реальной жизни все это получалось не так четко. Скажем, Мэйкон решил вернуться домой, но был вынужден появиться у Мюриэл, чтобы забрать пса. Под ее осуждающим взглядом он складывал свою одежду, упаковывал пишущую машинку. Позже выяснилось, что кое-что он забыл — вещи, бывшие в стирке, любимый словарь, огромную керамическую кружку, из которой привык пить кофе. Конечно, за ними он уже не вернулся. Так и ушел, намусорив, наследив.

Когда Мэйкон привел Эдварда домой, Сара поджидала их в палисаднике. В желтом платье, подчеркивавшем ее загар, она выглядела очень привлекательно.

— Я беспокоюсь об азалиях, — сказала Сара. — Кажется, весной их подкармливают?

— Вроде бы. По-моему, они живы-здоровы.

— Да, в апреле. Или в мае. Но сделать это было некому.

Мэйкон уклонился от комментария. Он предпочитал делать вид, что в их жизни все как

обычно.

— Ничего, у Розы полно всяких удобрений, — сказал он. — На обратном пути заедем и одолжимся.

— И лужайку никто не засеял.

— Лужайка выглядит замечательно, — сказал Мэйкон напористее, чем хотел.

Они заперли Эдварда в доме и сели в машину. Сара взяла с собою газету с объявлениями о продаже мебели.

— «Современные товары для дома», — прочла она. — Но это аж на Прэтт-стрит.

— Давай заглянем, — сказал Мэйкон. Прэтт-стрит была одной из немногих улиц, куда он знал дорогу.

Они выехали из арок древесных крон, в машине стало жарковато, и Мэйкон опустил стекла. Сара подставила лицо солнцу.

— В такой денек тянет искупнуться, — сказала она.

— Можно, если останется время. Вообще-то я хотел пригласить тебя на обед.

— Ой, а куда?

— Куда захочешь. На твое усмотрение.

— Какой ты милый.

Проехали мимо двух небритых мужчин на углу.

Сара заблокировала дверцу. Мэйкон представил их диалог: «Как оно ничего, старина?» — «Помаленьку».

На тротуарах стало люднее. Женщины тащили хозяйственные сумки с плетеными ручками, старик волочил магазинную тележку, девушка в линялом платье привалилась к столбу автобусной остановки.

В витринах «Современных товаров для дома» висели огромные плакаты: ОСОБЫЕ ЦЕНЫ В ДЕНЬ ОТЦА! Сара и словом не обмолвилась о праздничной распродаже. Мэйкон решил сам заговорить об этом — мол, его это ничуть не беспокоит.

— Весьма типично, — сказал он, взяв Сару под руку. — День отца! Наживаются на всем.

Сара смотрела по сторонам:

— Кажется, здесь только кровати.

— Все начинается с шезлонгов, — бубнил Мэйкон. — Потом кресло для папы, оглянуться не успеешь, как тебе всучат столовый гарнитур.

Сара решительно направилась к продавцу:

— Мы хотели бы посмотреть диваны.

Весь ассортимент был в скандинавском стиле — диваны с прямыми спинками, что Мэйкона вполне устраивало. По правде, ему было безразлично.

— Какой ты хочешь? — спросила Сара. — На ножках или вровень с полом?

— Все равно. — Мэйкон тяжело опустился на что-то обитое кожей.

Сара выбрала длинный низкий диван, раскладывавшийся в просторную кровать.

— Что скажешь, Мэйкон? Или тебе больше нравится тот, на котором ты сидишь?

— Нет-нет.

— Ну и как тебе этот?

— Замечательно.

— У тебя нет никакого мнения?

— Я только что его высказал.

Сара вздохнула и спросила продавца, доставят ли диван в тот же день.

С покупкой дивана управились так быстро, что осталось время на другие магазины. В универмаге Хуцлера купили большие простыни. Затем посмотрели кресла в мебельном отделе, где тоже была распродажа ко Дню отца.

— Кажется, мы в ударе, — сказала Сара.

Однако с креслами не повезло — ничто не приглянулось. Во всяком случае, Мэйкону. Он бросил поиски и засмотрелся на детскую программу, которую показывал ряд телевизоров.

После универмага отправились к Розе за удоб-

рением, но по дороге Мэйкон остановился перед банком, в котором у него была депозитарная ячейка.

— Для поездки во Францию понадобится паспорт, — объяснил он. — Пойду заберу, раз уж едем мимо.

Сара сказала, что подождет его в машине.

В банке Мэйкон встал в очередь за двумя пожилыми дамами. Видимо, на субботний вечер берут свои украшения, фантазировал он, или хотят отстричь какие-нибудь купоны. Потом Мэйкон почувствовал, что кто-то встал за ним, но почему-то не захотел оглянуться. Он смотрел перед собой, временами деловито поглядывая на часы. Мэйкон слышал тихое дыхание за своей спиной и улавливал горьковатый аромат живых цветов, так не похожий на духи. Наконец он расправил плечи и оглянулся, но увидел еще одну незнакомку, пришедшую за украшениями.

По правде, Мюриэл вовсе не молчала, когда он собирал вещи. Она говорила.

— Ты серьезно, Мэйкон? То есть ты можешь вот так вот попользоваться человеком и свалить? Отбрасываешь меня, как… пустую бутылку? Для тебя я ничего не значу?

Подошла его очередь, и следом за девушкой в

мини-юбке Мэйкон прошел по ковровой дорожке в хранилище — безоконное помещение с рядами ящиков.

— Коробку уносить не нужно, — сказал он. — Я просто возьму одну вещь.

Девушка подала ему формуляр на подпись и взяла его ключ. Потом открыла ячейку, отступила в сторону и стала изучать свои ногти. Мэйкон перебрал бумаги, отыскивая паспорт. Закончив, он взглянул на девушку и вдруг ужасно растрогался от ее тактичности — вот ведь деликатно отвернулась, хотя это, конечно, не предписано банковскими правилами… Нет, что-то он разнюнился. Наверное, погода влияет, лето наступило, не выспался…

— Большое спасибо, — сказал Мэйкон, забрал ключ и ушел.

В палисаднике дедовского дома Роза подстригала живую изгородь. Ее наряд садовника состоял из огромной старой рубахи Чарлза. Заметив машину Мэйкона, Роза выпрямилась и помахала рукой. Выслушивая просьбу об удобрении, она продолжала работу.

— Азалии и… что там у вас еще… подбел… любят кислую почву… — размышляла она.

— А где дети? — спросила Сара.

— Какие дети?

— Твои племянник и племянницы.

— А, уехали домой.

— Я-то думала, раз ты еще не вернулась к Джулиану…

— Нет, пока не вернулась, — сказала Роза.

— Ну да, понятно, — пробормотал Мэйкон, не желая вмешиваться в ее личную жизнь, но почти одновременно с ним Сара спросила:

— А почему? Что мешает?

— Ой, Сара, ты не представляешь, в каком состоянии я застала мальчиков. Чтоб не возиться со стиркой, они ходили в пижамах. Ужинали походной смесью.

— Даже боюсь спросить, что это такое, — сказала Сара.

— Смесь из пророщенных пшеничных зерен, орехов и сухофруктов…

— А как же ваша квартира? И Джулиан?

— Знаешь, я никак не могу найти дорогу к этой квартире, — уклончиво ответила Роза. — Еду в магазин, один квартал на восток, потом еду обратно на запад, но всегда оказываюсь не там, всегда. Каким-то образом квартира очутилась на востоке.

Повисло молчание.

— Ладно, давай мы возьмем удобрение… — наконец проговорил Мэйкон.

— Конечно, конечно, — сказала Роза и пошла к сарайчику.

Сара сама предложила пообедать в «Старой бухте».

— Точно? — удивился Мэйкон.

— А что такого?

— Ты всегда говорила, там скучно.

— Я поняла, на свете есть кое-что похуже скуки.

Та к себе рекомендация, подумал Мэйкон, но промолчал.

Полдень едва наступил, однако ресторан уже был полон, пришлось подождать, пока освободятся места. Привыкая к полумраку, Мэйкон стоял возле подиума администраторши. Он оглядел зал и подметил некую особенность: здесь больше не было одноликой толпы пожилых завсегдатаев, ее сменили яркие необычные личности. Вон священник чокается с женщиной в теннисном платье, вон нарядная дама с молодым человеком в прозрачном оранжевом балахоне, вон две бойкие школьницы сгружают свой жареный картофель в тарелку малыша. Мэйкон не слышал, о чем говорят эти люди, но пробовал догадаться.

— Наверное, женщина хочет уйти в монастырь, а священник пытается ее отговорить, — сказал Мэйкон.

— Что? — спросила Сара.

— Сортировка мужниных носков, убеждает он, тоже… как там у них называется… святое дело. А тот молодец в газовом балахоне, он…

— Того молодца в балахоне зовут Эшли Демминг. Ты его знаешь. Он сын Питера и Линды Демминг. Из-за сынка бедняжка Линда постарела лет на двадцать, правда? Наверное, им с мужем уже не оправиться.

— Ах вон как.

Их пригласили за столик.

Сара заказала какую-то «Белую леди», Мэйкон спросил хересу. К обеду взяли бутылку вина. Мэйкон не привык пить днем и слегка захмелел. Сара тоже опьянела — говорила про обивку и потеряла мысль. Потом коснулась руки Мэйкона на столе.

— Нам надо почаще вот так выбираться, — сказала она.

— Да, согласен.

— Знаешь, о чем я больше всего скучала, когда мы расстались? О привычных мелочах. Вроде субботних походов по магазинам. И покупки зернового кофе у Эдди. Даже о том, как ты надолго

застревал в скобяной лавке.

Мэйкон собрал ее пальцы в кулак и накрыл его ладонью, как птенчика. Гладкий комочек.

— Наверное, ты не знаешь, но некоторое время я встречалась с другим мужчиной, — сказала Сара.

— Ладно. Неважно. Ешь салат.

— Нет, я хочу рассказать. Он недавно похоронил жену, я тоже была в раздрызге… Сближались мы очень медленно, сначала просто как друзья, но потом он заговорил о женитьбе. Когда мы будем готовы, сказал он. Наверное, он и вправду меня полюбил. И очень переживал, узнав, что ты вернулся.

На этих словах Сара посмотрела в глаза Мэйкону, взгляд ее полыхнул синевой. Мэйкон кивнул.

— Но что-то в нем меня коробило. В общем-то, это были хорошие качества, о которых я всегда мечтала. Скажем, он лихо водил машину. Не лихачил, просто смело. Поначалу мне это нравилось, но постепенно стало напрягать. Хотелось сказать: «Лишний раз посмотри в зеркала! Пристегнись! Соблюдай знаки, как мой муж!» В ресторане он никогда не проверял счет, просто платил, даже чек оставлял на столе… Я вспоминала, как я изнывала, пока ты дотошно изучал счет, и думала:

«Почему я об этом скучаю? Это ненормально!»

Вроде «эксетера», подумал Мэйкон.

Мюриэл говорила «эксетера». И он морщился.

А теперь, когда это слово произносили правильно, «экседра», возникала тоскливая пустота.

Мэйкон провел пальцем по костяшкам и впадинкам на Сарином кулаке.

— Я думаю, после определенного возраста выбора не остается, — сказала Сара. — Ты тот, с кем мне быть. Уже поздно что-то менять. Я слишком привыкла к своей жизни.

То есть ты можешь вот так вот попользоваться человеком и свалить? — спросила Мюриэл.

Выходит, да. Но если б он остался с Мюриэл, он бы бросил Сару?

— Мне кажется, после определенного возраста ты лишь выбираешь, что тебе терять, — сказал Мэйкон.

— Не поняла?

— В смысле, от чего-то надо отказаться, как ни крути.

— Да, конечно.

Похоже, Сара давно это знала.

Они покончили с обедом, но кофе пить не стали, потому что время поджимало: по субботам Сара брала уроки ваяния. Мэйкон спросил счет

и расплатился, сперва смущенно его проверив. Вышли на свет божий.

— Какой славный денек, — сказала Сара. — Так и тянет прогулять занятие.

— Что мешает? — спросил Мэйкон. Если Сара не пойдет на урок, не придется работать над путеводителем.

— Не могу огорчать мистера Армистеда.

Дома Сара переоделась в спортивный костюм и снова уехала. Мэйкон принес ведро с Розиным удобрением — размельченным веществом, издававшим лишь резкий химический запах, несравнимый с амбре навоза, который грузовиками привозили для бабушкиных камелий. Он поставил ведро в чулан и вывел Эдварда. Потом сварил себе кофе, чтоб прояснилось в голове. Стоя у раковины, пил кофе и смотрел во двор. Кошка терлась о его ноги и мурлыкала. Размеренно тикали часы над плитой. Никаких других звуков.

Мэйкон обрадовался, когда зазвонил телефон. Он выждал два звонка, чтобы не выглядеть торопыгой. Потом снял трубку:

— Алло?

— Мистер Лири?

— Да!

— Говорит миссис Мортон из «Хозтоваров Мерк-

ла». Вы в курсе, что в конце месяца истекает срок полиса на техобслуживание вашего котла?

— Нет, я не знал.

— У вас двухлетний полис стоимостью тридцать девять восемьдесят восемь. Если продлите его еще на два года, цена, конечно, немного вырастет, поскольку котел ваш состарился.

— Да, это понятно. А сколько лет моему котлу?

— Минутку. В июле будет три года.

— Конечно, я бы хотел продлить полис.

— Замечательно. Я пришлю вам новый договор, мистер Лири, и спасибо за…

— Замена бака по-прежнему входит в договор? — спросил Мэйкон.

— Да, все пункты сохраняются.

— И ежегодный техосмотр.

— Да, конечно.

— Это хорошо. Помнится, другие фирмы такую услугу не предлагали.

— Значит, я пришлю договор, мистер…

— Но все как раньше: я сам назначаю время осмотра.

— Да, это на усмотрение клиента.

— Может, я сейчас определюсь с датой? Это возможно?

— Этим занимается другой отдел, мистер Лири.

Я пришлю договор, там все написано. До свиданья.

Мортон повесила трубку.

Мэйкон тоже.

Подумал.

Ужасно хотелось поговорить, все равно с кем. Вот только позвонить некому. В конце концов Мэйкон набрал точное время. Женский голос ответил, не дав отзвучать первому гудку (дама-робот не боялась выглядеть торопыгой). «Точное время… один час… сорок девять минут… десять секунд…» Какой приятный голос. Красивый, мелодичный. «Точное время… один час… сорок девять минут… двадцать секунд…»

Через минуту автомат отключился. В трубке щелкнуло, пошел длинный гудок. Мэйкон почувствовал себя отвергнутым, хотя понимал, что это глупо. Он нагнулся погладить кошку. Та вытерпела ласку и сразу отошла.

Ничего не оставалось, как сесть за машинку.

С путеводителем Мэйкон опаздывал. На следующей неделе предстояла поездка во Францию, а он еще не дописал заключение по Канаде. Всему виной лето. Как в такую пору усидеть взаперти? *Путешественникам следует помнить*, напечатал Мэйкон и засмотрелся на россыпь белых

азалий, трепетавших в цветочном ящике за окном. В бутонах копошились гудящие пчелы. «Я и не знал, что пчелы уже вылетели, — подумал Мэйкон. — А Мюриэл знает? Она помнит, что может сотворить с Александром одна-единственная пчела?»

…*Следует помнить*, перечитал Мэйкон, но внимание уже рассеялось.

Она такая беспечная, такая бездумная; удивительно, как он ее терпел? Эта ее жуткая привычка слюнявить пальцы, когда листает журнал, эта ее манера определять размер словом «огроменный». Никаких сомнений, что она не помнит о пчелиных жалах.

Мэйкон снял трубку и набрал номер:

— Мюриэл?

— Что? — тускло ответила она.

— Это Мэйкон.

— Я поняла.

Пауза.

— Э-э… пчелы уже вылетели.

— И что?

— Я подумал, ты, может, этого не знаешь. В смысле, лето как-то незаметно подкралось, так оно всегда, и я забеспокоился, помнишь ли ты об уколах Александру.

— По-твоему, я сама с этим не разберусь? — проскрипела Мюриэл.

— А, ну ладно.

— Ты меня за дуру держишь, что ли? Которая ничего не смыслит, что ли?

— Да нет, я просто, понимаешь…

— Ах, какой ты молодец! Смылся, даже не простившись с ребенком, а теперь названиваешь и учишь, как мне о нем заботиться!

— Я только хотел…

— Давай, давай, учи! Скажи, что макароны — несбалансированное питание, потом наплюй на мальчика и наберись наглости позвонить мне и сообщить, что я негодная мать!

— Погоди, Мюриэл…

— Доминик умер, — бухнула она.

— Что?

— Хотя тебе все равно. Умер он.

Казалось, комнату окутало тишиной.

— Доминик Сэддлер?

— Была его очередь на машину, он поехал в Кокисвилл на вечеринку, а на обратном пути влетел в отбойник.

— О господи.

— У девчонки, что с ним ехала, ни царапины.

— Но он же… — Мэйкон все еще не мог пове-

рить.

— Он умер мгновенно.

— Боже мой.

Возникла картинка: Доминик и Александр сидят на диване, Доминик вертит в руках банку полировочного воска.

— Ждешь жутких подробностей? — спросила Мюриэл. — Машину починят. Выправить передок — и полный порядок.

Мэйкон оперся головой о руку.

— Ладно, мне пора на панихиду, побуду с миссис Сэддлер.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, — злобно отрезала Мюриэл. — Чем *ты* можешь помочь?

— Ну, скажем, посидеть с Александром.

— С ним есть кому посидеть.

В дверь позвонили, залаял Эдвард. Мэйкон слышал, как он беснуется в прихожей.

— Ладно, прощаюсь, — сказала Мюриэл. — К тебе, похоже, пришли.

— Ничего, подождут.

— Возвращайся в свою *жизнь*, не буду мешать. Пока.

Она дала отбой, но Мэйкон все держал трубку возле уха.

В прихожей он дважды топнул и приказал псу лежать. Эдвард повиновался, однако шерсть на загривке дыбилась. Мэйкон открыл дверь, на пороге стоял парень с планшеткой.

— «Современные товары для дома», — сказал он.

— А, доставка.

Пока сгружали диван, Мэйкон закрыл Эдварда в кухне и вернулся в прихожую. Парень и его напарник, чуть постарше, с татуировкой на предплечье, тащили диван к дому. Мэйкон вспомнил мускулистые жилистые руки Доминика Сэддлера, копавшегося в моторе. Первый парень, безусый юнец, на ходу постоянно сплевывал, второй чертыхнулся, споткнувшись о порог.

Когда они водрузили диван на место, Мэйкон поблагодарил и дал им по пять долларов.

Оставшись один, он сел на затянутый в полиэтилен диван. Потер ладони о колени. В кухне гавкал Эдвард. Неслышно вошла Хелен, замерла, оглядывая диван, потом с обиженным видом прошла дальше. Мэйкон так и сидел.

Когда убили Итана, полицейские попросили опознать тело. Наверное, матери, сказали они, лучше подождать снаружи. Хорошо, сказала Сара, я подожду. В коридоре она села в штампованное

бежевое кресло. Потом взглянула на Мэйкона и спросила:

— Ты сможешь?

— Да, — сказал он спокойно. Он держался, только дышалось с трудом, легким как будто не хватало воздуха.

Служитель провел его в морг. Все выглядело не так уж страшно — кто-то подложил под голову Итана свернутое полотенце, скрывшее рану. И потом, это был не Итан. Не настоящий Итан. Удивительно, как вдруг стало ясно, что со смертью человека на виду остается лишь малая его часть. Мэйкон видел просто пустую оболочку, отдаленно похожую на Итана — такая же ложбинка над верхней губой, такой же вихор. Возникло ощущение, что ты уперся в глухую стену и всем своим существом молишь о невозможном: *пожалуйста, вернись обратно*. Наконец Мэйкон произнес:

— Да, это мой сын.

Потом он вышел к Саре и кивнул. Она встала, обняла его. Позже в номере мотеля Сара спросила, что он увидел.

— Ничего такого, милая, — сказал Мэйкон.

Сара не отставала: на лице его боль? Страх?

— Нет, совсем ничего. Давай я сделаю тебе чай.

— Я не хочу чаю, я хочу знать! Ты что-то скры-

ваешь?

Казалось, она его в чем-то винит. В последующие дни впечатление это окрепло — он был точно гонец с дурными вестями, ведь только он видел Итана мертвым. Ты как ледышка, говорила Сара, в морге ты был чудовищно спокоен. Дважды она заводила разговор о том, что Мэйкон мог перепутать Итана с похожим мальчиком. Там был вовсе не Итан. Наверное, кто-то другой умер. Надо было ей самой удостовериться. Она же мать, она-то знает своего ребенка, не то что Мэйкон.

— Сара, хватит, — сказал он. — Я расскажу обо всем, что видел. Он был очень бледный и неподвижный. Невероятно неподвижный. Глаза закрыты. Нигде ни крови, ни чего-нибудь страшного, просто ощущение… тщетности. В смысле, я думал: а ради чего все? Руки его лежали вдоль боков, и я вспомнил, как прошлой весной он начал заниматься штангой. Я подумал: вот так все заканчивается? Тягаешь штангу, глотаешь витамины, качаешься, а потом — ничего?

Он был не готов к ее отклику.

— Что ты хочешь сказать? — взвилась Сара. — Все равно умрем, так зачем вообще жить? Ты об этом?

— Нет…

— Лучше сэкономить силы?

— Да нет, погоди…

Сейчас, вспоминая тот разговор, он пришел к мысли, что люди и впрямь могут истощиться — друг друга вычерпать до дна, один в другом больше не нуждаться и даже, наверное, друг другу навредить. Кто ты есть — важнее того, любишь ли ты женщину, с которой живешь.

Бог его знает, сколько он так просидел.

Все это время Эдвард безумолчно лаял, а теперь впал в истерику. Видимо, кто-то постучал. Мэйкон прошел к двери и на крыльце увидел Джулиана с папкой.

— А, это ты, — сказал он.

— Чего он так лает?

— Не бойся, он закрыт в кухне. Входи.

Мэйкон распахнул сетчатую дверь, Джулиан ступил в прихожую.

— Я решил завезти материалы по Парижу, — сказал он.

— Понятно, — ответил Мэйкон, заподозрив, что причина визита в другом. Видимо, его поторопят с канадским путеводителем. — А я как раз шлифую заключение. — Он провел Джулиана в гостиную и поспешно добавил: — Кое-где есть шероховатости, еще бы чуток времени…

Джулиан, похоже, не слушал. Он сел на укрытый полиэтиленом диван и, отбросив папку, спросил:

— Ты давно видел Розу?

— Вот только сегодня мы к ней заезжали.

— По-твоему, она не вернется?

Вопроса в лоб Мэйкон не ожидал. Вообще-то все это смахивало на семейные неурядицы, о которых не говорят с посторонними.

— Ну ты же понимаешь, — сказал Мэйкон. — Она волнуется за братьев. Дескать, мальчики плохо питаются и все такое.

— Они не мальчики. Они мужики за сорок.

Мэйкон потер подбородок.

— Похоже, она меня бросила, — сказал Джулиан.

— Да ладно тебе, не сгущай.

— И даже без веской причины! Вообще без всякого повода. Поверь, в нашем супружестве все было прекрасно, голову дам на отсечение, но в старом доме Роза наездила себе колею и теперь никак не может с нее свернуть. По крайней мере, я не вижу другого объяснения.

— Наверное, так оно и есть, — согласился Мэйкон.

— Два дня назад я к ней заглянул, но ее не

оказалось дома. Я стоял во дворе и думал, куда она могла деться, и тут вдруг Роза собственной персоной проезжает в машине, битком набитой старухами. Во всех окошках сморщенные мордахи и шляпки с перьями. «Роза! — крикнул я. — Постой!» Но она не услышала и покатила дальше. Кажется, лишь в последний момент меня заметила и оглянулась, и у меня возникло странное впечатление, что машина *сама* ее везет и она ничего не может с этим поделать, только бросить беспомощный прощальный взгляд.

— А ты возьми ее на работу, — сказал Мэйкон.

— Что?

— Покажи ей свою контору. Неразобранную картотеку и секретаршу, которая вечно жует жвачку и забывает, когда и с кем назначена встреча. Ты не думал, что Роза могла бы этим заняться?

— Да, разумеется, но…

— Позвони ей и скажи, что у тебя все разваливается. Попроси навести порядок и взять дело под свой контроль. Так и скажи. Именно этими словами: *взять дело под свой контроль*. Потом расслабься и жди.

Джулиан задумался.

— Хотя меня это, конечно, не касается, — сказал

Мэйкон.

— Нет-нет, ты прав.

— Ну давай глянем твою папку.

— Ты абсолютно прав.

— Это ж надо! — Мэйкон читал письмо из папки. — На кой черт ты это принес? *Я просто хочу, чтоб вы, ребята, заценили чудный отельчик в…* По-твоему, человек, который говорит «заценить», знает толк в отелях?

— Мэйкон…

— Весь язык испоганили!

— Я знаю, ты считаешь меня тупым слепцом.

Мэйкон несколько замешкался с возражением, потому что вначале расслышал «слепым тунцом».

— Ну что ты, вовсе… — начал он.

— Вот что я хочу сказать. Твою сестру я люблю больше всего на свете. И не только ее саму, но и то, как она живет, — этот ее дом, эти обеды с индейкой, эти карточные игры по вечерам. И тебя я люблю, Мэйкон. Ты же мой лучший друг! По крайней мере, я на это надеюсь.

— Ну да… э-э… — проблеял Мэйкон.

Джулиан пожал ему руку, чуть не переломав в ней кости, хлопнул по плечу и ушел.

В половине шестого вернулась Сара. Мэйкон

опять пил кофе возле раковины.

— Диван доставили? — спросила Сара.

— В целости и сохранности.

— Отлично! Идем посмотрим.

Она прошла в гостиную, оставляя пыльные следы. Серая пыль, то ли глиняная, то ли гранитная, припорошила даже ее волосы.

— Ну как тебе? — Сара сощурилась на диван.

— По-моему, хорошо.

— Даже не знаю, что с тобой случилось, раньше ты был жутким привередой.

— Хороший диван, Сара. Красивый.

Сара сдернула упаковку и отступила, собирая в охапку трескучий свет.

— Давай проверим, как он раскладывается.

Она затолкала пленку в мусорную корзину, а Мэйкон потянул за парусиновый ремень, превращавший диван в кровать. Знакомая шершавость ремня напомнила о жилье Мюриэл, о ночевках Клэр в доме сестры, перед глазами возникли ее спутанные волосы, золотистые и блестящие.

— Наверное, надо постелить простыни, коль уж мы его разложили, — сказала Сара.

Из шкафа в прихожей она достала стопку постельного белья. Потом они с Мэйконом встали по торцам дивана, встряхнули и опустили про-

стыню на матрас. Сара ее заправила, Мэйкон помогал, но был не так сноровист. На Сариных костяшках он заметил въевшуюся глиняную пыль. На фоне белой перкали ее маленькие смуглые руки выглядели привлекательно.

— Давай испытаем новое ложе, — сказал Мэйкон.

Сара разворачивала вторую простыню. Сперва она не поняла и переспросила:

— Как — испытаем?

Но не противилась, когда он забрал простыню из ее рук и через голову стянул с нее джемпер.

В постели с Сарой было уютно и спокойно. За все эти годы Мэйкон так хорошо изведал ее тело, что не всегда мог отличить ее ощущения от собственных. Но разве не грустно, что они ни капли не опасались чьего-нибудь случайного вторжения? Они были совершенно одни. Мэйкон уткнулся лицом в ее теплую, пахнущую пылью шею и подумал, чувствует ли Сара ужасную пустоту их дома? Но так и не спросил об этом.

Пока Сара принимала душ, он побрился. Нынче они собирались в гости к Бобу и Сью Карни. Когда Мэйкон вышел из ванной, перед зеркалом Сара надевала маленькие золотые клипсы. (Из всех знакомых ему женщин только у нее уши не были

проколоты.) Картина в духе Ренуара, подумал Мэйкон: женщина в сорочке чуть наклонила голову и вскинула полные смуглые руки.

— В гости мне идти совсем не хочется, — сказала Сара.

— Мне тоже. — Мэйкон открыл шкаф.

— Куда как лучше дома поваляться с книжкой.

Мэйкон снял рубашку с плечиков.

— Мэйкон.

— М-м?

— Ты даже не спросил, спала ли я с кем-нибудь, пока мы были врозь.

Мэйкон замер, одна рука в рукаве.

— Тебе не интересно?

— Нет. — Мэйкон надел рубашку и застегнул манжеты.

— Я думала, ты гадаешь.

— Нет, не гадаю.

— Твоя беда в том, Мэйкон…

Удивительно, злость вспыхнула мгновенно.

— Сара, не начинай, — сказал он. — Вот в этом вся паршивость совместной жизни, ей-богу. «Твоя беда в том, Мэйкон…» и «Я знаю тебя лучше, чем ты сам…»

— Твоя беда в том, — спокойно продолжила Сара, — что ты считаешь, будто все должны быть

вещью в себе. Ты не веришь в открытость. Не веришь в обмен чувствами.

— Уж это точно. — Мэйкон застегнул пуговицы на планке.

— Знаешь, на что ты похож? На телеграмму, которую Харпо Маркс послал братьям. *Сообщения нет. Харпо*.

Мэйкон усмехнулся.

— По-твоему, это смешно?

— А разве нет?

— Нисколько! Это грустно! Это бесит! Осатанеть можно: открываешь дверь, расписываешься за телеграмму, вскрываешь и узнаешь, что сообщения нет!

С перекладины на дверце Мэйкон снял галстук.

— К твоему сведению, за все это время я ни с кем не переспала.

Казалось, Сара заявляет о победе в конкурсе. Мэйкон как будто не услышал.

Боб и Сью позвали только соседей — чету Бидуэлл и незнакомую Мэйкону молодую пару, с которой он в основном и общался, ибо она не связывала с прошлым. На вопрос о детях он ответил, что детей у него нет.

— А у вас? — поинтересовался Мэйкон.

— Нету, — сказал Брэд Фредерик.

Жена его застряла на полпути между девочкой и женщиной. Жесткое темно-синее платье и огромные белые туфли создавали впечатление, что дочка нарядилась в мамины вещи. Брэд и сам еще был мальчишкой. Когда все вышли во двор понаблюдать за приготовлением барбекю, он нашел в кустах фрисби и кинул его маленькой Далиле Карни. Белая рубашка его вылезла из брюк. Мэйкона огрело мыслью о Доминике Сэддлере. Вспомнилось, как после дедовой смерти Мэйкон чуть не плакал при виде всякого старика. Господи, еще немного — и он будет горевать по всему человечеству!

— Бросай мне! — крикнул он Далиле и, отставив херес, изготовился поймать фрисби. Вскоре в игре участвовали все, кроме жены Брэда, которая совсем недалеко ушла от детства и боялась в него возвращаться, чтоб не завязнуть там навеки.

За ужином Сью Карни усадила Мэйкона подле себя. Накрыла ладонью его руку и сказала, как это замечательно, что он и Сара во всем разобрались.

— Да, спасибо, — ответил Мэйкон. — Салат просто великолепный, Сью.

— У всех бывают взлеты и падения, — сказала

Сью. На секунду Мэйкон подумал, она имеет в виду салаты, которые не всегда ей удаются. — Если честно, бывали времена, когда я сомневалась, что мы с Бобом уживемся. Казалось, мы держимся из последних сил, вы меня понимаете? Я говорила: «Привет, милый, как прошел день?» — но в душе себя чувствовала матерью погибшего героя.

Мэйкон вертел стакан, гадая, что он пропустил в ее логике.

— Я была точно женщина, у которой кто-то погиб на фронте, и теперь ей надо во весь голос поддерживать эту войну, а иначе придется признать, что потеря ее бессмысленна.

— Хм…

— Но это лишь мимолетное настроение.

— Да, конечно, — сказал Мэйкон.

Они с Сарой шли домой, вдыхая вечерний воздух, густой, как вода. Вокруг в свои жилища возвращались подростки, которым наказали быть дома не позже одиннадцати. Многие еще не доросли до водительских прав, их подвозили взрослые. Ребята выскакивали из машин и кричали: «Пока! Спасибо! Завтра позвони, ладно?» Звякали ключи. Возникали и тотчас исчезали полоски света у входных дверей. Отъезжали машины.

Мэйкон вывел Эдварда на последнюю прогулку. Затем попытался загнать домой кошку, но та, по-совиному таращась, упрямо сидела на подоконнике кухонного окна, и он оставил ее в покое. Потом прошел по дому и выключил свет. Когда он поднялся в спальню, Сара уже была в постели и, привалившись к кроватной спинке, пила содовую.

— Хочешь? — Она протянула ему стакан.

Мэйкон устало отказался и, раздевшись, скользнул под одеяло.

Звякал лед в стакане. Казалось, звук этот обретает некий смысл и с каждым звяканьем Мэйкон все глубже куда-то погружается. Потом он открыл какую-то дверь, прошагал по проходу и взошел на свидетельское место. Ему задали очень простые вопросы: какого цвета были колеса? кто принес хлеб? ставни были открыты или затворены? Он вправду не помнил. Старался, но не мог вспомнить. По извилистой дороге, какая бывает в сказках, его отвели на место преступления и приказали: расскажи все, что знаешь. Он не знал ничего. По лицам судей он понял, что теперь он не свидетель, а подозреваемый. Он ломал голову, но в ней было пусто. «Войдите в мое положение! — крикнул он. — Все это я выбросил из головы,

постарался забыть! И не могу вернуть обратно». «Даже чтоб оправдаться?» — спросили его.

Мэйкон открыл глаза. Темнота, рядом тихо дышала Сара. Радиочасы показывали полночь. По домам расходилась молодежь, которой приказали вернуться до двенадцати ночи. Смех, крики, скрип покрышек и вой мотора машины, пытавшейся припарковаться. Постепенно все стихло. Мэйкон знал, что тишина продлится до часу ночи — предельного срока возвращения последней группы. Сперва он услышит обрывки мелодий, потом смех, захлопают дверцы машин и двери домов. Начнут гаснуть фонари на крылечках, и потолок в спальне потемнеет. В конце концов уснут все, кроме Мэйкона.

Глава двадцатая

Самолет до Нью-Йорка был как птичка, а вот лайнер в Париж оказался громадиной размером с дом. В салоне куча народу впихивала пальто и сумки на багажные полки, засовывала чемоданы под кресла, переругивалась и звала стюардесс. Орали младенцы, мамаши рявкали на детей.

Мэйкон занял свое место у окна, и почти сразу к нему подсела пожилая пара, говорившая по-французски. Мужчина устроился в соседнем кресле и неулыбчиво отвесил поклон. Потом он что-то сказал жене, и та передала ему холщовую сумку. Француз раздернул молнию и стал выгружать содержимое сумки себе на колени. Игральные карты, аптечка, степлер, молоток, лампочка… Зрелище завораживало. Мэйкон косился вправо, стараясь ничего не пропустить. Когда появилась мышеловка, он заподозрил, что сосед — сумасшедший, хотя, если вдуматься, всему найдется объяснение, даже мышеловке. Мэйкон решил, это вариант ответа на извечный вопрос путешественника «Что лучше: все свое носить с собой или отправиться налегке, а потом полпоездки

прочесывать магазины в поисках нужной вещи?». Каждый вариант имел свои недостатки.

Мэйкон посмотрел в проход, по которому шли и шли пассажиры. Японец, обвешанный фотокамерами, монашка, девушка с косичками. Женщина с красной косметичкой в руках, копна темных волос, худое треугольное лицо.

Мюриэл.

Сперва Мэйкона обдало волной радости, какая обычно прильет, когда в толпе вдруг видишь знакомое лицо, но тотчас он безмолвно ахнул и огляделся, выискивая пути побега.

Мюриэл шла изящно, внимательно глядя под ноги, но, поравнявшись с Мэйконом, посмотрела на него, и он понял: она прекрасно знала, что увидит его здесь. В своем белом костюме она смахивала на тех черно-бело-красных кинодив, которыми Мэйкон восторгался в детстве.

— Лечу во Францию, — сказала Мюриэл.

— Но это невозможно! — выкрикнул Мэйкон.

Французская пара смотрела с любопытством, женщина даже чуть подалась вперед, чтоб лучше его видеть.

За Мюриэл столпились другие пассажиры, они ворчали и пытались ее обойти.

— Я хочу прогуляться вдоль Сены, — сказала

Мюриэл.

Француженка сделала губы трубочкой.

Мюриэл заметила, что создала затор, и прошла дальше.

Мэйкон даже не знал, можно ли прогуляться вдоль Сены.

Когда затор рассосался, он привстал и оглядел задние ряды, но Мюриэл пропала. Французские супруги смотрели выжидательно. Мэйкон сел на место.

Сара об этом узнает. Неведомо как, но узнает. Она всегда обвиняла его в бесчувственности, и вот лишнее тому доказательство: нежно с ней распрощался, а потом с Мюриэл укатил в Париж.

Но он же ни при чем, черта с два он признает свою вину.

В сумерках взлетели, пассажиры понемногу угомонились. Полет был расписан по минутам, точно день в детском саду. Информационный видеоролик, напитки, наушники, ужин, кинофильм. Мэйкон отверг все предложения и занялся изучением материалов по Парижу, в большинстве своем просто нелепых. Отель «У Сэма и Джо»! Джулиан решил пошутить, что ли?

В проходе возникла женщина в белом, Мэйкон исподтишка глянул — нет, какая-то другая.

Потом он достал несессер и решил сходить в туалет в хвосте самолета, пока не закончился фильм. К несчастью, эта идея осенила и других пассажиров. Оба туалета были заняты, пришлось ждать в проходе. Сзади кто-то подошел. Мэйкон оглянулся — Мюриэл.

— Послушай, какого… — начал он.

— Самолет не твой! — перебила она.

На них оборачивались.

— И Париж не твой.

Они стояли нос к носу. От нее исходил едва уловимый аромат, не духов, нет, но аромат ее дома, да, именно тот дразнящий и соблазнительный запах вещей в чужом шкафу. Мэйкон потер висок.

— Я ничего не понимаю, — сказал он. — Как ты узнала, каким рейсом я лечу?

— Позвонила твоему транспортному агенту.

— Ты позвонила Бекки? Господи, что же она подумала…

— Я представилась помощником твоего издателя.

— А где ты взяла деньги на дорогу?

— Немного заняла у Бернис, немного у сестры, она заработала на… И потом, я экономлю, до Нью-Йорка добиралась не самолетом, а поездом…

— Это неразумно. В результате получается, что

тратишь столько же, а то и больше.

— Нет-нет, я…

— Но главное — зачем? Зачем ты это затеяла?

Она вздернула подбородок (иногда он казался острым, как пика):

— Потому что захотела.

— Захотела в одиночестве провести пять дней в парижском отеле? Ведь так оно и будет, Мюриэл.

— Я тебе пригожусь.

— Видали!

— До встречи со мной ты погибал.

Щелкнул замок, мужчина вышел из туалета. Мэйкон нырнул в кабинку и поспешно заперся.

Хотелось исчезнуть. Будь здесь окно, он бы его разбил и выпрыгнул, но не потому, что отчаялся до самоубийства, а ради того, чтобы все это стерлось. Господи, вот бы отмотать назад и стереть все, что напортачил в своей жизни!

Если б она прочла хоть один его путеводитель, она бы знала, что нельзя путешествовать в белом.

Когда Мэйкон вышел из туалета, за дверью ее не было. Он вернулся на свое место. Пропуская его, французская пара поджала ноги; супруги завороженно смотрели фильм, где блондинка в одном лишь махровом полотенце колотила в

парадную дверь. Чтобы отвлечься, Мэйкон достал «Мисс Макинтош». Но это не сработало. Слова бессмысленно струились вялым прозрачным ручейком. Он думал лишь о том, что где-то за ним сидит Мюриэл. Между ними как будто возникла проводная связь. Интересно, вдруг задумался Мэйкон, как Мюриэл воспринимает полумрак в салоне, невидимый океан далеко внизу, бормотанье не вполне реальных голосов вокруг? Он выключил светильник и закрыл глаза, но будто чувствовал, что Мюриэл еще не спит. Словно в воздухе витало нечто тревожное, напряженное, трепещущее.

Утром Мэйкон принял решение. Он воспользовался туалетом в носовой части самолета. В кои-то веки людское скопище было на руку. После посадки он одним из первых покинул самолет, быстро прошел паспортный контроль и стремглав промчался по аэропорту Шарль де Голль с его рядами ультрасовременных кресел. Мюриэл здесь непременно заплутает. Мэйкон торопливо обменял деньги. Мюриэл, должно быть, еще получала багаж. Наверняка взяла с собой уйму чемоданов.

Автобус, конечно, отпадал. Мэйкон сел в такси и сразу ощутил громадное облегчение. Даже

путаница серебристых автострад радовала глаз. Париж в красивой дымке, распахнутый, неяркий, светящийся, был подобен холодному серому взгляду. Такси миновало туманные бульвары, свернуло на мощеную мостовую и остановилось. Мэйкон завозился с денежными конвертами.

И лишь на входе в отель сообразил, что транспортный агент Бекки прекрасно знала, где он остановится.

По прошлым приездам Мэйкон помнил, что в этой отнюдь не роскошной гостинице, расположившейся в небольшом коричневом здании, техника то и дело выходит из строя. Нынче не работал один из двух лифтов, о чем извещала табличка в вестибюле. Работающим лифтом коридорный поднял Мэйкона на третий этаж и по ковровой дорожке препроводил в номер, громко восклицая на французском, точно сраженный великолепием обстановки. (Кровать, комод, кресло, древний телевизор.)

Мэйкон порылся в конверте и, поблагодарив, дал чаевые.

Оставшись один, он достал из сумки пиджак и повесил его на стул. Затем подошел к окну и посмотрел на дома, сквозь немытое стекло выглядевшие пришельцами из иного века.

Как же Мюриэл справится одна в абсолютно чужом городе?

Вспомнилось, как она ориентировалась в череде комиссионок, как лихо и целеустремленно курсировала по улице, по имени приветствуя прохожих, как исполняла просьбы соседей: мистера Мэниона отвезти к рефлексотерапевту, который массажем пяток удалит ему камни в почках, мистера Ранкла — к астрологу, который предскажет день выигрыша миллиона долларов в лотерею, миссис Карпаччо — в особый магазинчик неподалеку от больницы Джонса Хопкинса, где колбасы свисали с потолка, точно липучки для мух. Эти места она знала!

Но она не знает Париж. И совсем одна. У нее нет кредитки и, наверное, очень мало денег, которые она не сообразила поменять на франки. И вот теперь, беспомощная, без гроша в кармане, бродит по улицам, ни слова не зная на чужом языке.

Когда в номер постучали, Мэйкон так обрадовался, что сломя голову бросился к двери.

— Твоя комната больше. — Мюриэл прошла к окну. — Зато у меня вид лучше. Подумать только, мы в Париже! Шофер автобуса сказал, ожидается дождь, но мне все равно. Дождь ли, солнце, это Париж!

— Как ты узнала, каким автобусом ехать? — спросил Мэйкон.

— У меня твой путеводитель. — Мюриэл похлопала себя по карману. — Позавтракаем «У Билли»? Ты рекомендуешь это кафе.

— Нет. Я не могу. Тебе лучше уйти, Мюриэл.

— Ну ладно, — сказала она. И ушла.

Была у нее такая манера — загнать в угол, а потом вдруг отступить. Как в перетягивании каната, подумал Мэйкон, когда противник внезапно выпускает веревку. Ты этого никак не ожидаешь и шлепаешься на задницу. И чувствуешь ужасную опустошенность.

Он решил позвонить Саре. Дома еще только светало, но казалось важным услышать ее голос. Мэйкон снял трубку телефона, стоявшего на комоде. Мертвая тишина. Он постучал по рычагам. Начинается. Мэйкон запер номер и спустился в вестибюль.

В старинной телефонной будке, деревянной, очень изящной, имелось обитое красной кожей сиденье. Сгорбившись, Мэйкон слушал далекие гудки.

— Алло? — сказала Сара.

— Сара!

— Кто это?

— Мэйкон.

— Мэйкон? — Секунду она соображала. — Ты где? Что случилось?

— Ничего не случилось. Просто захотелось с тобой поговорить.

— Что? Который час?

— Я понимаю, еще очень рано, извини, что разбудил, но я хотел услышать твой голос.

— В трубке что-то трещит, — сказала Сара.

— У меня не трещит.

— Тебя плохо слышно.

— Звонок-то международный. Как там погода?

— Как там — кто?

— Погода! Солнечная?

— Не знаю. Жалюзи спущены. По-моему, еще не рассвело.

— Сегодня садом займешься?

— Чем?

— Садом!

— Пока еще не знаю. Зависит от погоды.

— Жаль, меня там нет. Помог бы тебе.

— Ты же терпеть не можешь копаться в саду!

— Да, но…

— Мэйкон, с тобой все хорошо?

— Да, прекрасно.

— Как прошел полет?

— А, полет, да как-то, сам не знаю, я так зачитался, что ничего не заметил.

— Зачитался? — Сара помолчала. — Наверное, у тебя синдром смены часовых поясов.

— Да, наверное.

Яичница-глазунья, яичница-болтунья, яйцо-пашот, омлет. На ходу Мэйкон делал пометки в путеводителе. К кафе «У Билли» не приближался. *Удивительно*, записал он, *как французы внимательны к приготовлению своих блюд и насколько безалаберны в их подаче*. В ресторанном окне жмурилась черная кошка. Она как будто злорадствовала — мол, я у себя дома, нечего тут.

В витринах, устланных мятым бархатом, массивные золотые цепи и часы не толще покерной фишки. Женщины одеты как для сцены: замысловатые прически, броский макияж, удивительного кроя брюки, которым нет дела до человеческой анатомии. Старухи в девчачьих оборках, белых колготках и туфлях-плетенках. Мэйкон спустился в метро и демонстративно бросил использованный билет в контейнер с маркировкой БУМАГА. Он уже собрался ожечь взглядом прочих пассажиров, бросавших билеты на пол, и тут ему показалось, что в толпе мелькнуло бледное лицо Мюриэл, но, видимо, он обознался.

К вечеру Мэйкон, совершенно обезножевший, вернулся в гостиницу и рухнул на кровать. Не прошло и двух минут, как к нему постучали. Мэйкон застонал, поднялся и открыл дверь. На пороге стояла Мюриэл с охапкой одежды.

— Смотри, чего я накупила! — Она протиснулась в номер, свалила обновки на кровать и одну за другой стала показывать блестящую черную накидку, бриджи, пышное красное вечернее платье в сеточку, расшитое разнокалиберными стекляшками, похожими на велосипедные отражатели.

— Ты рехнулась? — опешил Мэйкон. — Сколько же все это стоит?

— Пустяки! Ну, почти пустяки. Я нашла такое местечко! Дедушка всех распродаж! Прям целый город! За завтраком мне рассказала о нем одна француженка. Я похвалила ее шляпку, и она сказала, где ее купила. Туда я добралась подземкой, твоя книжка очень пригодилась. Чего там только нет! Даже инструменты и всякие штуковины, старые аккумуляторы, электрические пробки… Скажешь — слишком дорого, и тебе сразу скинут цену. Я приглядела кожаное пальто, умираю хочу такое, но не сторговалась, мужик просил за него тридцать пять франков.

— Куда дешевле-то? — изумился Мэйкон. — Тридцать пять франков — это около четырех долларов.

— Правда? А я думала, франк равен доллару.

— Да нет же.

— Ну тогда я все получила, считай, задаром. Пожалуй, завтра опять туда сгоняю.

— А как ты повезешь такую кучу вещей?

— Что-нибудь придумаю. Давай я отнесу их к себе и мы пойдем поужинаем.

Мэйкон напрягся.

— Нет, я не могу.

— Да что такого-то? Я твоя соотечественница. Мы случайно встретились в Париже. Нельзя вместе перекусить, что ли?

В ее изложении все выглядело очень просто.

Они пошли в «Бургер Кинг» на Елисейских Полях. Та к и так Мэйкон собирался проверить эту закусочную. Взяли два *воппера*.

— Осторожнее, — предупредил Мэйкон, — здесь совсем другие вопперы. Лучше соскрести излишек пикулей и лука.

Однако французский вариант гамбургера Мюриэл понравился. На жестком табурете она сидела рядом с Мэйконом и, касаясь его плечом, облизывала пальцы. Все это вдруг показалось

нереальным.

— Кто приглядывает за Александром? — спросил Мэйкон.

— Ой, там куча народу.

— Куча? Надеюсь, ты его не сбагрила кому ни попадя? В этом возрасте ребенок может натворить что угодно…

— Успокойся. Все хорошо. До вечера он с Клэр, потом приходит Бернис и кормит его ужином, а если у Клэр свидание с Генералом, с ним сидят двойняшки, но когда они заняты, Генерал соглашается…

Перед глазами возникла Синглтон-стрит во всей ее суматошной красе.

После ужина Мюриэл предложила прогуляться, но Мэйкон сказал, что устал. Он и впрямь изнемог. Они вернулись в отель.

— Можно я у тебя посижу? — в лифте спросила Мюриэл. — Мой телик показывает один снег.

— Лучше давай распрощаемся.

— Что, нельзя составить тебе компанию?

— Нет, Мюриэл.

– *Делать* ничего не будем.

Лифт остановился на третьем этаже.

— Войди в мое положение, Мюриэл, — сказал Мэйкон. — Мы с ней женаты бог знает сколько.

Наш брак почти что твой ровесник. Мне уже не стать другим. Понимаешь?

Она молча смотрела на него. Весь макияж ее сошел, она казалась юной, печальной и беззащитной.

— Спокойной ночи, — сказал Мэйкон.

Он вышел в коридор, дверь лифта закрылась.

Мэйкон сразу лег в постель, но уснуть не смог и в конце концов включил телевизор. Шел дублированный американский вестерн. Поджарые ковбои бойко стрекотали по-французски. Череда несчастий: торнадо, индейцы, засуха, обезумевшее стадо. Но герой влезал во все передряги. Мэйкон давно заметил, что во всех приключенческих фильмах мораль одна: упорство вознаграждается. Хотелось бы хоть раз увидеть героя вроде себя — не капитулянта, но того, кто смотрит фактам в лицо и изящно сдается, когда упираться рогом бессмысленно.

Мэйкон выключил телевизор. Но еще долго ворочался, прежде чем уснул.

Отели. Большие, маленькие, затрапезные, где отваливаются обои, и модерновые, в которых большие американские кровати и американские комоды, отделанные пластиком. Мутные витрины кафе, в которых манекенами стоят хозяева,

заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок. *Не соблазняйтесь комплексными обедами. Они вроде мамочек, что, приговаривая «Ешь, ешь», впихивают в тебя уйму блюд…*

В конце дня Мэйкон возвращался в отель и, переходя последний перекресток, вдали увидел Мюриэл: куча свертков в руках, развеваются волосы, цокают высокие каблуки.

— Мюриэл! — окликнул он.

Она обернулась, Мэйкон прибавил шагу и догнал ее.

— День прошел лучше некуда, — сказала Мюриэл. — Я познакомилась с одной парой из Дижона, мы вместе пообедали, и они рассказали мне… Ой, помоги, а то сейчас уроню!

Мэйкон забрал у нее часть старых измятых пакетов, набитых тряпками, и донес их до ее номера, который как будто уменьшился из-за груд одежды, высившихся повсюду. Мюриэл свалила поклажу на кровать:

— Я хочу тебе кое-что показать… куда же она…

— А это что? — спросил Мэйкон, заметив странной формы бутылку на комоде.

— Это я нашла в маленьком холодильнике, что стоит в ванной. В нем полно прохладительных напитков и всякой выпивки.

— А ты знаешь, что это удовольствие стоит бешеных денег и потом его вставят в твой счет? Холодильник этот зовется мини-баром, однако он нужен только для одного: утром вместе с континентальным завтраком тебе зачем-то подают кувшин горячего молока, который следует поставить в холодильник, чтобы потом выпить стакан нормального молока. Бог его знает, как еще можно получить кальций в этой стране. И не ешь рогалики, поняла? Нельзя начинать день с углеводов, особенно в поездке. Не поленись дойти до кафе и позавтракать яичницей.

— Хм, яичницей… — Мюриэл вылезла из юбки и надела другую — обновку с длинной бахромой. — А мне рогалики нравятся. И прохладительные напитки.

— Не понимаю, как можно такое говорить. — Мэйкон взял бутылку: — Одно название чего стоит — «Пшитт». Звучит в высшей степени подозрительно. А еще есть какой-то «Юкки» то ли «Юккери»…

— Это мой любимый, его я уже выпила. — Мюриэл заколола волосы. — Где мы сегодня ужинаем?

— Даже не знаю. Наверное, пора посетить что-нибудь этакое.

— Ух ты, здорово!

Мэйкон отодвинул нечто атласное, выглядевшее как старинная ночная блуза, и сел на кровать. Мюриэл красила губы.

Еще не стемнело, но в ресторане горели свечи; Мэйкон и Мюриэл сели за столик у высокого зашторенного окна. Кроме них, в зале еще были только четыре американца (явно командированные), за обе щеки уплетавшие большие порции улиток. (Порой Мэйкон задумывался, нужны ли вообще его путеводители.)

— Ну и чего же я хочу? — Мюриэл изучала меню. — Как думаешь, если спросить по-английски, меня поймут?

— Не утруждайся, просто закажи салат «нисуаз».

— Чего заказать?

— Ты же говорила, что читала мой путеводитель. Салат из Ниццы. Единственное безопасное блюдо. В своих поездках по Франции я только им и питался.

— И не надоело?

— Ничуть. Где-то в салат добавляют зеленую фасоль, где-то обходятся без нее. По крайней мере, в нем низкий уровень холестерина, чего не скажешь о…

— Лучше спросить официанта. — Мюриэл отложила меню. — Интересно, здесь эти окна тоже называют французскими?

— Что? Понятия не имею. — Мэйкон посмотрел на окно с толстым зеленоватым стеклом, сквозь которое виднелся заросший травою двор с фонтаном в виде резвящегося херувима.

Как ни странно, официант сносно говорил по-английски. Он порекомендовал Мюриэл отменный щавелевый суп и какую-то особую рыбу. Мэйкон тоже заказал суп, чтобы не сидеть без дела, пока Мюриэл расправляется с первым блюдом.

— Ну вот, — сказала Мюриэл. — Какой он любезный, правда?

— Редкий случай.

Мюриэл одернула подол юбки:

— Чертова бахрома! Все время кажется, будто по ноге что-то ползет. Куда ты завтра едешь?

— В любом случае, прочь из Парижа. Проеду по другим городам.

— Бросаешь меня одну?

— Это скоротечная поездка, никаких развлечений. Встану еще затемно.

— Возьми меня с собой.

— Не могу.

— Я плохо сплю, — сказала Мюриэл. — Мучают страшные сны.

— Тогда тем более незачем шляться по новым местам.

— Прошлой ночью мне приснился Доминик. — Мюриэл подалась вперед, щеки ее горели: — Как будто он на меня злится.

— С чего это?

— Не разговаривает со мной. Смотрит в сторону. И все что-то пинает на тротуаре. Оказалось, он злится, что я больше не даю ему машину. Доминик, говорю, ты же умер, ты *не можешь* ездить, а то я бы с радостью дала тебе машину, честное слово.

— Не переживай, — сказал Мэйкон. — Это просто дорожный сон.

— Я боюсь, он вправду на меня злится. Там, где он сейчас.

— Нет, не злится.

— А вдруг?

— Он счастлив как жаворонок.

— Ты вправду так думаешь?

— Конечно. Сейчас в каком-нибудь автомобильном раю он полирует свою собственную машину. Там всегда весна, всегда светит солнце и всегда найдется полуодетая блондинка, которая

поможет с полировкой.

— Ты в это веришь?

— Да, верю, — сказал Мэйкон. Самое смешное, что сейчас он и впрямь в это верил. Перед глазами возник яркий образ Доминика на солнечном лугу: кусок замши в руках, нахальная довольная ухмылка во все лицо.

В отеле Мюриэл попросила посидеть с ней, посторожить ее от дурных снов, но Мэйкон отказался и пожелал ей спокойной ночи. И тотчас, едва уехал скрипучий лифт, его к ней потянуло, словно она дергала за какие-то невидимые нити.

Во сне он надумал завтра взять ее с собой. Что плохого-то? Всего-навсего однодневная поездка. В прерывистой дреме он вновь и вновь снимал трубку и набирал ее номер. Проснувшись утром, Мэйкон даже удивился, что, оказывается, еще не пригласил ее поехать вместе.

Он подошел к комоду, приложил мертвую трубку к уху и лишь тогда вспомнил, что забыл сообщить о неработающем телефоне. Вдруг неисправность пустяковая, просто штепсель выскочил из розетки? Мэйкон привстал на цыпочки и заглянул за комод. Потом нагнулся, чтоб осмотреть плинтус.

И тут скрутило спину.

В пояснице что-то щелкнуло, от острой боли перехватило дыхание. Потом боль отпустила. Может, ушла совсем? Мэйкон попробовал чуть выпрямиться. Этого движения оказалось достаточно, чтобы вновь прошило болью. Потихоньку Мэйкон добрался до постели и лег. Предстояло самое трудное — забросить ноги на кровать, но, стиснув зубы, с этой задачей он справился. Потом стал думать, что делать дальше.

Подобное уже случалось, но в первый раз боль, этакая сумасбродка вроде судороги в ноге, через пять минут ушла и больше не возвращалась. А вот в другой раз она уложила его в постель на две недели, и потом еще месяц он ковылял, точно дряхлый старик.

Мэйкон мысленно переверстывал план поездок. Если одну отменить, а другую отложить… Да, возможно, запланированное на три дня удастся втиснуть в два, если только завтра он сможет подняться.

Потом он, видимо, уснул. Неизвестно, долго ли он спал, разбудил его стук в дверь. Принесли завтрак, подумал Мэйкон, хотя накануне он предупредил, что завтракать не будет. Но тут послышался голос Мюриэл:

— Мэйкон, ты там?

Значит, понадеялась, что он еще не уехал, и опять станет упрашивать взять ее с собой. Это уж к бабке не ходи. Сейчас Мэйкон даже обрадовался, что его скрутило. Наверное, короткий сон прочистил ему мозги, ибо он понял, как опасно приблизился к тому, чтобы снова вляпаться в отношения с Мюриэл. *Вляпаться* — именно этим словом он охарактеризовал устрашающую перспективу. Какое счастье, что поясница ему помешала. Еще минута, да нет, еще пара секунд — и он бы пропал.

Внезапно его опять сморило, и он даже не слышал, как Мюриэл ушла.

Теперь он поспал дольше, он это чувствовал, хотя на часы не смотрел, боясь спровоцировать боль. В коридоре прогремела тележка, послышались голоса, непринужденный смех — видимо, гостиничная обслуга, хорошо знакомая друг с другом. В дверь стукнули, потом звякнули ключи. Маленькая бледная горничная просунулась в номер.

— Пардон, мсье, — сказала она и хотела уйти, но затем что-то спросила по-французски.

Мэйкон сморщился и показал на поясницу.

— А! — Горничная вошла в номер и вновь застрекотала — наверное, рассказывала о своей

пояснице.

— Пожалуйста, помогите мне подняться, — сказал Мэйкон. Он уже решил, что нет иного выхода, как позвонить Джулиану.

Горничная, похоже, поняла и подошла к кровати. Мэйкон перевернулся на живот и привстал, опираясь на одну руку, — только так он мог избегнуть пронизывающей боли. Другую его руку горничная, хрупкая и тщедушная, ростом гораздо ниже, закинула себе на шею. Мэйкон устыдился своей небритости и мятой пижамы.

— Пиджак, — сказал он.

Кое-как они добрались до стула, где висел пиджак. Горничная его сняла и набросила Мэйкону на плечи.

— Холл, — сказал Мэйкон. — Телефон.

Горничная глянула на аппарат, стоявший на комоде; Мэйкон махнул рукой — не работает, и жест аукнулся болью. Мэйкон скривился. Горничная огорченно прищелкнула языком и вывела Мэйкона в коридор.

Ходьба далась относительно легко, боль затаилась, но охотно отзывалась на непредсказуемое дерганье лифта. Горничная сочувственно охала. По прибытии в холл она завела Мэйкона в будку и хотела усадить, но тот отказался:

— Нет, стоять легче. Спасибо.

Горничная попятилась, оставив его одного. Затем отошла к портье и стала что-то рассказывать, жалостливо покачивая головой. Портье слушал и тоже покачивал головой.

Мэйкон боялся, что Джулиан еще не пришел в контору, а его домашний номер он не знал. Но ему ответили после первого же гудка:

— «Пресса бизнесмена». — Странно знакомый женский голос пробился сквозь треск международной связи.

— Это Мэйкон Лири. Простите, с кем я…

— О, Мэйкон!

— Роза?

— Да, я.

— Что ты там делаешь?

— Я здесь работаю.

— Понятно.

— Навожу порядок. Ты не представляешь, какой здесь бедлам.

— Роза, у меня беда со спиной.

— Вот уж некстати! Ты еще в Париже?

— Да, но я как раз собрался в поездку по другим городам, и теперь надо все перенести — встречи, бронь билетов, а телефон в моем номере не работает. Может, Джулиан это сделает? Пусть

свяжется с Бекки и выяснит даты…

— Я сама все сделаю, — сказала Роза. — Ни о чем не беспокойся.

— Скажи ему, я не знаю, когда смогу выехать в другие города. Я не представляю, сколько я…

— Разберемся. Ты врача вызвал?

— Врач тут не поможет. Просто нужен покой.

— Ну вот и отдыхай.

Мэйкон сказал, в каком он отеле, Роза тотчас повторила название и велела отправляться в постель.

Опираясь на горничную и призванного в помощь коридорного, Мэйкон благополучно добрался до своего номера. Крайне заботливые провожатые не решались оставить его одного, но он заверил, что с ним все хорошо.

Весь день Мэйкон провел в постели, только дважды доковылял до туалета и один раз к мини-бару за молоком. Есть, в общем-то, не хотелось. Разглядывая коричневые цветы на обоях, он думал, что так близко не познал ни один гостиничный номер. Древесный узор на торце комода смахивал на костлявого человечка в шляпе.

Вечером он взял из мини-бара бутылочку вина и осторожно уселся в кресло. Даже донести бутылку до рта было больно, но он надеялся, что

вино поможет уснуть. Потом к нему заглянула горничная и о чем-то спросила — наверное, не хочет ли он поесть; Мэйкон поблагодарил и сказал «нет». Видимо, горничная собралась домой, в руках она держала потрепанную книжку.

Позже, когда он еле-еле залез в кровать, в дверь опять постучали.

— Мэйкон? — позвала Мюриэл. — Мэйкон?

Мэйкон замер. Она ушла.

Темнело, комната теряла очертания. Комодный человечек исчез. Над потолком протопали шаги.

Мэйкон часто задумывался, много ли народу умирает в отелях. По закону больших чисел такое случается, верно? И как поступают с теми, у кого нет близких родственников? Скажем, с бессемейным коммивояжером-холостяком, одним из его читателей? Есть ли какая-нибудь земля горшечника для погребения странников?[3]

Мэйкон мог лежать только в двух положениях — на левом боку и на спине. Для каждой смены позиции надо было очнуться, прикинуть тактику и собраться с духом на пытку. И снова впасть в тревожное забытье.

---

[3] Сноски: 3

Земля Горшечника — в Новом Завете участок земли в Иерусалиме, купленный для погребения странников на деньги Иуды, полученные им за предательство Иисуса Христа.

Снилось, что в самолете рядом с ним сидит тонкогубая дама в очень тесном сером накрахмаленном платье. Он старался не шевелиться, потому что дама не одобряла ерзанья. Откуда-то он знал ее правило. Наконец все тело его затекло, и он решил взбунтоваться. «Мэм!» — сказал он. Дама обратила к нему спокойные скорбные глаза под изящно очерченными бровями. «Мисс Макинтош!» — воскликнул он. И проснулся от острой боли. Казалось, чья-то жестокая ручонка выкручивает ему поясницу.

Утром вместе с официантом, доставившим завтрак, пришла горничная. Наверное, она совсем замоталась, подумал Мэйкон, но обрадовался, увидев ее. Пара хлопотала над ним: долили горячего молока в кофе, официант помог добраться до ванной, горничная перестелила постель. Мэйкон неуклюже благодарил, беспрестанно повторяя «мерси». Жаль, он не умел сказать по-французски «Вы удивительно добры ко мне». Потом он съел все рогалики, которые горничная заботливо намазала маслом и клубничным джемом. Для компании включил телевизор и лег в постель.

Когда в дверь постучали, он раскаялся в выборе компаньона. Наверное, это Мюриэл, она услышит работающий телевизор. Хотя для нее слишком

рано. Потом скрежетнул ключ в скважине и в номер вошла Сара.

— Ты? — обомлел Мэйкон.

Бежевый костюм и в тон ему два чемодана — от Сары просто веяло деловитостью.

— Все в порядке, я тебя подменю. — Сара поставила чемоданы, чмокнула Мэйкона в лоб, потом взяла стакан со столика, на котором привезли завтрак, и прошла в ванную. — Мы перекроили график, завтра я отправлюсь в другие города.

— Но как ты сумела так быстро приехать?

Со стаканом воды Сара вышла из ванной и выключила телевизор.

— Скажи спасибо Розе. Она просто волшебница. Переоборудовала весь офис. Вот таблетка от доктора Левитта.

— Ты же знаешь, я не пью таблетки.

— Теперь выпьешь. — Сара помогла ему приподняться. — Тебе надо как можно больше спать, чтобы поправиться. Глотай.

Крохотная таблетка оказалась ужасно горькой. Во рту горчило, даже когда Мэйкон опять улегся.

— Болит сильно? — спросила Сара.

— Довольно.

— А как ты кормился?

— Ну, завтрак вот привезли. Вот и все.

— Я узнаю насчет доставки еды в номер. — Сара сняла трубку. — Поскольку я уеду… Что с телефоном?

— Не работает.

— Ладно, я спущусь к портье. Тебе что-нибудь принести?

— Нет, спасибо.

Сара вышла. Мэйкон уже был готов поверить, что все это ему пригрезилось. Однако вот на полу лоснятся кремовые чемоданы — те самые, что дома хранились в шкафу.

И тогда он подумал, что произойдет, если Мюриэл вдруг сунется в его номер. Вспомнилось, как позавчера (или третьего дня?) она ввалилась к нему со своими покупками. Наверняка остались какие-нибудь следы. Может, пояс упал под кровать или с платья оторвалась стекляшка… Мэйкон всерьез обеспокоился. Как пить дать, что-нибудь да осталось. Вопрос только — что. И где.

Мэйкон застонал, перевернулся на живот, с трудом сполз на пол и, стоя на четвереньках, заглянул под кровать. Вроде ничего. Он поднялся, добрел до кресла и проверил щель между спинкой и сиденьем. Тоже ничего. Вообще-то Мюриэл, помнится, не подходила ни к креслу, ни к комоду. На всякий случай Мэйкон один за другим

выдвинул ящики. Его собственные скудные пожитки уместились в верхнем ящике, остальные были пусты. Однако в среднем обнаружилась россыпь розовой пудры. Наследила, конечно, не Мюриэл, но ведь можно подумать и на нее. Надо избавиться от улики. Мэйкон дотащился до ванной, смочил полотенце и начисто протер ящик. Но потом заметил, что на полотенце появилось большое розовое пятно, как будто им вытиралась женщина, переборщившая с макияжем. Он свернул полотенце пятном внутрь и засунул его вглубь комодного ящика. Нет, так себя выдашь с головой. Мэйкон вытащил полотенце из ящика и затолкал его под сиденье кресла. Нет, тоже не годится. В конечном счете он добрался до ванной и застирал полотенце, раз за разом намыливая пятно, покуда оно не исчезло. Спина болела зверски, на лбу выступили бисерины пота. В какой-то момент Мэйкон понял, что ведет себя странно, он приписал это действию таблетки и, бросив полотенце на пол, забрался в постель. Уснул он почти мгновенно. Только сон его был не обычный, а скорее мертвецкий.

Мэйкон слышал, как вернулась Сара, но не было сил очнуться. Потом Сара снова ушла. Стукнули в дверь: привезли обед, горничная шепотом

окликнула: «Мсье?» — но Мэйкон пребывал в ступоре. Боль утихла, однако не пропала, а лишь затаилась; таблетка сработала как дешевый освежитель воздуха, который лишь заглушает скверный запах. Потом опять пришла Сара, и Мэйкон разлепил веки. Со стаканом воды в руке Сара стояла возле кровати.

— Как ты? — спросила она.

— Ничего.

— Прими еще таблетку.

— Они просто убойные.

— Но ведь помогают?

— От них я вырубаюсь, — сказал Мэйкон. Но таблетку проглотил.

Сара присела на край кровати, стараясь его не потревожить. С дороги она даже не переоделась, однако вид у нее был свежий, ничуть не усталый.

— Мэйкон, — тихонько позвала Сара.

— М-м?

— Я видела твою приятельницу.

Мэйкон напрягся. Боль насторожилась.

— Она меня тоже заметила. И похоже, очень удивилась.

— Сара, все это не то, чем кажется.

— А что же оно такое? Хотелось бы услышать.

— Сюда она приехала сама по себе. Клянусь, я обо всем узнал перед самым взлетом. Она меня преследовала. Я сказал, что не хочу ее видеть. Что зря она это затеяла.

Сара смотрела ему в глаза.

— Значит, узнал только перед взлетом, — сказала она.

— Клянусь!

Мэйкон пожалел, что выпил таблетку. Голова не соображала.

— Ты веришь мне? — спросил он.

— Да, верю. — Сара встала и начала снимать крышки с доставленного обеда.

Днем Мэйкон опять плавал в забытьи, но слышал, как горничная дважды заглянула в номер. Он почти очнулся, когда с пакетом продуктов вернулась Сара.

— Я решила приготовить тебе ужин сама, — сказала она. — Тут свежие фрукты и все такое. Ты вечно жаловался, что в поездках тебе не хватает фруктов.

— Спасибо большое, Сара.

Мэйкону удалось принять сидячее положение, подложив подушку под спину. Сара снимала обертки с сыров.

— Телефон починили. Пока меня не будет, ты

сможешь заказать еду в номер. И вот что я подумала: если спина твоя позволит, мы могли бы здесь задержаться и осмотреть достопримечательности. Немного времени посвятить себе, раз уж мы тут. Сходить в музеи, еще куда-нибудь.

— Замечательно, — сказал Мэйкон.

— Устроить себе что-то вроде второго медового месяца.

— Чудесно.

Сара положила сыры на расправленный бумажный пакет.

— Твой билет мы обменяем. Он у тебя на завтра, но теперь об этом и речи нет. А у меня билет с открытой датой. Джулиан так посоветовал. Я сказала, где он теперь живет?

— Нет. Где?

— Переехал к Розе и твоим братьям.

— Куда переехал?

— На время своей отлучки я оставила Эдварда у Розы, смотрю, а там Джулиан. Он спит в Розиной спальне и каждый вечер после ужина играет в «Прививку».

— С ума сойти!

— Поешь сыру.

Мэйкон взял ломтик, стараясь не менять положения.

— Смешно, иногда Роза напоминает камбалу, — сказала Сара. — Не внешне, разумеется… Она так долго пролежала на океанском дне, что один глаз переместился на другую сторону головы.

Мэйкон перестал жевать и уставился на нее. Сара налила в стаканы какую-то мутную бурую жидкость.

— Яблочный сидр, — пояснила она. — Я решила, тебе не стоит мешать спиртное с лекарством.

— Да, конечно.

Сара подняла стакан:

— За наш второй медовый месяц.

— Наш второй медовый месяц, — эхом откликнулся Мэйкон.

— Двадцать один год вместе.

— Двадцать один, — повторил Мэйкон. Однако срок.

— Или, ты считаешь, двадцать лет?

— Нет, двадцать один, все верно. Мы поженились в тысяча девятьсот…

— Я в том смысле, что прошлый год мы жили порознь.

— А. Нет, все равно двадцать один.

— Ты думаешь?

— Последний год был всего-навсего очередным этапом в нашем супружестве. Не волнуйся, два-

дцать один.

Чокнулись.

Главным блюдом стало консервированное мясо на французской булке, на десерт — персики и клубника, которые Сара ополоснула под краном. Все это время она балаболила, и Мэйкон почувствовал себя дома.

— Я не говорила, что пришло письмо от четы Эвери? Возможно, в конце лета они заедут в Балтимор. И вот еще, приходили из санэпидстанции.

— Да?

— Термитов не обнаружили.

— Слава богу.

— Я почти закончила свою скульптуру, мистер Армистед сказал, это мое лучшее творение.

— Ты молодец.

— Я знаю, ты считаешь мои занятия чепухой… — Сара свернула последний пакет.

— С чего ты взяла?

— Конечно, ты думаешь, немолодая тетка изображает из себя художницу…

— Кто тебе сказал?

— Знаю, знаю, не притворяйся!

Мэйкон хотел сползти по подушке, но болевой спазм этого не позволил.

Сара разрезала персик и, подсев к Мэйкону, подала ему дольку.

— Я хотела спросить, — сказала она. — Это из-за мальчика?

— Что?

— Тебя потянуло к той женщине из-за ее ребенка?

— Сара, даю слово, ни сном ни духом я не знал, что она потащится за мной.

— Да, я это поняла. Меня интересует вопрос ребенка.

— Какой вопрос ребенка?

— Помнится, однажды ты сказал, что мы могли бы родить еще одного малыша.

— Ну это было просто… Я сам не знаю, что это было. — Мэйкон отдал ей персик, есть не хотелось.

— Наверное, ты был прав.

— Что? Нет, Сара, это была кошмарная идея.

— Да, оно пугает. Не скрою, мне было бы страшно рожать.

— Вот именно. Мы слишком старые.

— Нет, я о том, в какой мир мы отправим ребенка. Вокруг столько зла и опасности. Конечно, всякий раз я бы сходила с ума, выпуская его на улицу.

Внутренним взором Мэйкон увидел Синглтон-стрит, маленькую и далекую, точно зеленая карта Гавайев: нарисованные человечки весело драили ступени, копались в машинах, брызгались водой из пожарных гидрантов.

— Да, все верно, — сказал он. — Но это как-то… согревает, правда? Многие пытаются в меру сил быть ответственными и добрыми.

— То есть ты согласен на ребенка? — спросила Сара.

Мэйкон сглотнул.

— Наверное, нет. Похоже, время упущено.

— Значит, мальчик ее ни при чем.

— Слушай, с этим все кончено. Давай закроем тему. Я же не устраиваю тебе допрос, правда?

— Но вместе со мной никто не приехал в Париж!

— А если б приехал? Думаешь, я бы винил тебя в том, что кто-то без твоего ведома сел в самолет?

— Еще до взлета.

— Что? Ну не в полете же!

— Ты увидел ее до взлета. Ты мог подойти и сказать: «Нет. Уходи. Сейчас же. Все кончено, я не желаю тебя видеть».

— У меня собственная авиалиния, что ли?

— Ты мог ей помешать, если б захотел. Мог

совершить поступок.

Сара встала и начала убирать со стола.

Она выдала ему очередную таблетку, но Мэйкон зажал ее в кулаке, не рискуя шевельнуться. Он лежал с закрытыми глазами и слушал, как Сара раздевается, пускает воду в ванной, накидывает дверную цепочку, выключает свет. Когда она осторожно забралась в постель, спину кольнуло, но он не подал виду. Почти сразу дыхание ее стало ровным. Конечно, у нее был тяжелый день.

Мэйкон думал о том, что в своей жизни редко совершал поступки. А если честно, то ни разу. Женитьба, смена работы, связь с Мюриэл, возвращение к Саре — все это случилось само. Не вспомнить ни одного важного поступка, который он совершил по собственной воле.

И что, начинать уже слишком поздно?

Нет никакой возможности стать другим?

Мэйкон разжал кулак и выронил таблетку под одеяло. Уж лучше тревожная бессонная ночь, чем снова плавать в забытьи.

Утром он отправился в поход от кровати в ванную. Побрился и оделся, на каждую процедуру потратив изрядно времени. Потом, медленно передвигаясь по номеру, собрал свои вещи. Самым

тяжелым предметом оказалась «Мисс Макинтош, моя дорогая»; после недолгого раздумья он вынул книгу из сумки и оставил на комоде.

— Мэйкон, — окликнула его Сара.

— Хорошо, что ты проснулась, — сказал он.

— Что ты делаешь?

— Я уезжаю.

Сара села в кровати. На щеке ее остался след от подушки.

— А как же твоя спина? И у меня назначены встречи! И мы хотели провести второй медовый месяц!

— Милая… — Мэйкон очень осторожно присел на кровать. Взял Сару за руку. Сара не шелохнулась, только смотрела на него.

— Ты уходишь к ней, — сказала она.

— Да.

— Но почему?

— Я так решил. Всю ночь об этом думал. Решение далось непросто, совсем непросто, поверь.

Сара все смотрела на него. Безучастно.

Мэйкон медленно встал и побрел в ванную за бритвенным несессером.

— Это все таблетки! — выкрикнула Сара. — Ты сам сказал, они тебя вырубают!

— Я не выпил таблетку.

Повисло молчание.

— Ты просто хочешь поквитаться за то, что я уходила от тебя? — спросила Сара.

Мэйкон положил несессер в сумку.

— Нет, милая.

— Надеюсь, ты понимаешь, во что превратится твоя жизнь. — Сара вылезла из постели. В ночной сорочке она встала перед Мэйконом, обхватив себя за голые плечи. — Вы будете несуразной парой, которую никто не пригласит в гости. Тебя никто не поймет. Люди станут гадать: господи, что он в ней нашел? Где у него глаза-то были? Уму непостижимо, как он с ней живет? А ее друзья то же самое скажут о тебе.

— Наверное, так и будет, — сказал Мэйкон.

В нем даже проснулся легкий интерес, ибо теперь он понял, как возникают подобные пары. Вовсе не из-за нелепой обоюдной слепоты, а по совершенно иным причинам, которые другим никогда не постичь.

Он застегнул сумку:

— Прости, Сара. Я не хотел, чтоб так вышло.

Мэйкон осторожно ее обнял; помедлив, Сара положила голову ему на плечо. Он вдруг подумал, что все это — лишь очередной этап в их супружестве. Наверное, будут и другие этапы — в

тридцатую годовщину, в сороковую и так до бесконечности, даже если пути их разошлись.

Не доверяя сумасбродному лифту, вниз Мэйкон сошел пешком. И одолел входную дверь, спиной навалившись на нее.

Улица встретила его обычной суетой будничного утра: на службу спешили продавщицы, чиновники с портфелями. И ни одного такси. Мэйкон зашагал в соседний квартал, где шансы поймать машину были выше. Ходьба давалась относительно легко, а вот поклажа мучила. Пусть легкая, сумка заставляла крениться. Мэйкон переложил ее в другую руку. А что, собственно, он тащит? Пижаму, смену белья, ЧП набор, которым ни разу не воспользовался… Мэйкон подошел к зданию (то ли банк, то ли какое-то управление), поставил сумку на каменную приступку и побрел дальше.

Впереди он увидел такси, из которого вышел парень, и только теперь сообразил, что подать знак водителю — большая проблема. Маханье рукой, что правой, что левой, категорически исключалось. Пришлось бежать нелепой семенящей рысцой и впервые громко взывать по-французски:

— Атанде! Атанде, мсье!

Такси уже отъезжало, но парень, засовывавший бумажник в задний карман джинсов, заметил Мэйкона и действовал быстро. Он развернулся, что-то крикнул водителю, и машина остановилась.

— Мерси боку, — пропыхтел Мэйкон, а парень (приятное чистое лицо, копна соломенных волос) открыл дверцу и любезно подсадил его в такси. Стегнуло болью, Мэйкон охнул. Парень захлопнул дверцу и вдруг прощально вскинул руку. Машина тронулась. Мэйкон сказал, куда ехать, и отвалился на сиденье. Проверил, на месте ли паспорт и билет. Потом достал платок и отер взмокший лоб.

Видимо, он, как всегда, перепутал направление. Водитель развернулся и поехал в ту сторону, откуда Мэйкон только что пришел. Он вновь увидел парня, чья свободная упругая походка показалась знакомой.

Наверное, взрослый Итан выглядел бы так же?

Хотелось еще раз посмотреть на парня, но обернуться Мэйкон не мог.

Машина подпрыгивала по булыжной мостовой, шофер что-то насвистывал. Мэйкон смекнул, что если одной рукой опереться о сиденье, толчки менее ощутимы. Хотя то и дело ухабы застигали

врасплох.

Может, было бы легче, если б мертвые старели? Если б знать, что на небесах Итан растет, что теперь ему не двенадцать, а уже четырнадцать, было бы не так горько. Душа-то потому и разрывается, что мертвые неподвластны времени. Вот, скажем, муж умер молодым, жена его стареет одна; как печально представить, что он вернулся и видит ее неузнаваемо изменившейся. Мэйкон смотрел в окно, обдумывая возникшую мысль. Он будто ожил и устремился вперед. Течение времени, думал он, это и есть истинное приключение, какого больше нигде не сыщешь. И если вообразить, что Итан тоже плывет в этом потоке, пусть в другом, недосягаемом месте, тогда, наверное, можно как-то пережить разлуку с ним.

Проехали его отель, коричневый, опрятный, удивительно домашний. Из дверей вышел мужчина с вертлявой собачкой на руках. А на тротуаре в окружении чемоданов, хозяйственных сумок с плетеными ручками и картонных коробок, из которых выглядывало нечто красное бархатное, стояла Мюриэл. Она яростно махала рукой впереди идущему такси, потом замахала машине, в которой ехал Мэйкон.

— Арете! — крикнул он шоферу.

Такси остановилось. Солнечный луч ударил в ветровое стекло, и на нем заискрились яркие пятнышки. Это были следы дождевых капель или, может, налипших листиков, но выглядели они так радостно и празднично, что на миг Мэйкон принял их за конфетти.